

**Релацијата СЕЛО > ГРАД
на словенската територија денес
(лингвистичко-социолошка анализа)**

**MACEDONIAN ACADEMY OF SCIENCES AND ARTS
RESEARCH CENTER FOR AREAL LINGUISTICS**

**Relation VILLAGE > TOWN
on the Slavic territory today
(linguistic - sociological analysis)**

**Proceedings of the scientific conference organized
in memory of Academician Božidar Vidoeski
(1920–1998)**

Skopje 2016

**МАКЕДОНСКА АКАДЕМИЈА НА НАУКИТЕ И УМЕТНОСТИТЕ
ИСТРАЖУВАЧКИ ЦЕНТАР ЗА АРЕАЛНА ЛИНГВИСТИКА**

**РЕЛАЦИЈАТА СЕЛО > ГРАД
НА СЛОВЕНСКАТА ТЕРИТОРИЈА ДЕНЕС
(ЛИНГВИСТИЧКО-СОЦИОЛОШКА АНАЛИЗА)**

**Материјали од научниот собир по повод
одбележувањето на 15-те години од смртта
на академик Божидар Видоески
(1920–1998)**

Скопје 2016

Уредувачки одбор:
акад. Зузана Тополињска
доп. член Марјан Марковиќ
д-р Ангелина Панчевска (секретар)

Организациски одбор:
акад. Зузана Тополињска (претседател)
доп. член Марјан Марковиќ
д-р Ангелина Панчевска (секретар)

CIP - Каталогизација во публикација
Национална и универзитетска библиотека "Св. Климент Охридски", Скопје

811.16'286(062)
811.16'27(062)

РЕЛАЦИЈА село-град на словенската територија денес :
(лингвистичко-социолошка анализа) / [уредувачки одбор Зузана
Тополињска, Марјан Марковиќ, Ангелина Панчевска]. - Скопје :
Македонска академија на науките и уметностите, 2016. - 122 стр. ; 25 см

Трудови на повеќе јазици. - Фусноти кон текстот. - Библиографија кон
трудите

ISBN 978-608-203-173-6

а) Словенски јазици - Дијалектната диференцијација - Собири б)
Словенски јазици - Социоллингвистика - Собири
COBISS.MK-ID 101638922

***Божидар Видоески
(1920-1998)***

СОДРЖИНА

<i>Поздравно слово на акад. Владо Камбовски, претседател на Македонската академија на науките и уметностите .....</i>	9
<i>Зузана Тополињска, Релацијата СЕЛО <> ГРАД од лингвистичка гледна точка.....</i>	11
<i>Татјана И. Вендина, Славјанские диалекты в современной языковой ситуации: социокультурный аспект.....</i>	17
<i>Pavol Žigo, Relácia dedina – mesto na Slovensku dnes.....</i>	45
<i>Marcin Lubaś, Idea lokalności we współczesnej antropologii społeczno-kulturowej.....</i>	55
<i>Марјан Марковиќ, Релацијата село<>град низ призмата на охридските говори.....</i>	69
<i>Софија Р. Милорадовиќ, Говорни тип града – комуникацијска стратегија и идентификацијска пракса у Србији данас.....</i>	77
<i>Jadwiga Waniakowa, Słowiańskie gwarowe nazwy roślin z perspektywy socjolingwistycznej.....</i>	93
Додаток:	
Синтаксички дијалектолошки прашалник.....	103

Акад. Владо Камбовски

Предизвици за опстојувањето и развојот на македонскиот јазик

Почитувани,

Со Меѓународната конференција, што денес ја отвараме, се одбележуваат 15 години од смртта на акад. *Божидар Видоески*, чиешто дело посветено на науката за јазикот, а посебно на изучувањето на македонските дијалекти, има непроценливо значење за македонистиката и славистиката воопшто. Таа е повод да се промовира неговата книга "Прилози за развојот на македонистичката лингвистика" и да се презентираат активностите на Истражувачкиот центар за ареална лингвистика на МАНУ, кој го носи неговото име и ги продлабочува и проширува истражувањата на македонскиот јазик поставени од акад. *Видоески* врз сигурни методолошки темели.

За тема на оваа значајна меѓународна конференција е избрано исклучително важно прашање, кое ја надминува дури и рамката на лингвистичко-социолошка анализа и задира во суштествените прашања на иднината на македонскиот јазик и на другите јазици на "малите" народи, нивното опстојување и развој наспроти предизвиците на современото општество, неговата криза и сè поголемата доминација на глобални културни и јазични комплекси.

Со сите резерви што ги налага едно скромно познавање на науката за јазикот, ќе си земам слобода за *седес материје* да го сметам поправо прашањето: што е јазикот- средство за комуникација и разбирачка меѓу луѓето? когнитивно-логичко и емоционално средство за формирање на поимите, судовите и заклучоците, па и начин на формирање на тековите на човековата мисла? идентитетска ознака, или како јазик на заедницата-врзно ткиво и битна одлика на една општествена група формирана како нација? Или сè во едно, детерминирано со исти историски, културни и други општествени фактори? И што се случува со јазикот во услови на драматични глобални и промени што со неверојатна брзина ги разоруваат традиционалните културни парадигми, претворајќи го селото во град, а сите градови во глобално село. Дали стоиме пред задачата да ја откриваме и разјаснуваме новата историска граматика, во која денешниот стандарди-

зиран јазик, кој ги синтетизирал селските дијалекти, се трансформира и самиот во дијалект кој треба да се стандардизира (по пат на апсорпција) во некој од светските јазици? Ако ова прашање не изгледа неумесно или излишно за такви "големи" и одамна стандардизирани јазици, како што е на пример францускиот, не треба да личи на такво ни во однос на македонскиот или кој и да е друг јазик на малите народи.

Сигурно е дека лингвистиката ќе го бара одговорот на овие прашања во објаснувањата за мулти- и интеркултурализмот, во потребата од постоење на сето богатство на малите јазици, во новата екоцентрична филозофија која иднината на човештвото ја гледа како резултат на одржлив развој, низ кој денешните културни состојби ќе бидат пренесени на утрешните генерации како трајна вредност итн. Но реалноста е груба и заплашува. Денес се соочуваме со тврди и безмилосни факти. Готово е со македонското село. Тоа не само што не може да создава нови јазични дијалектолошки форми (зборови, правила на изразување итн.), туку не може да ги негува и сочува ни постојните. И ги нема *Петре Андреевски*, *Славко Јаневски*, *Живко Чинго* и другите наши големи писатели, низ чиишто романи бучеше и се излеваше народниот говор. Македонскиот јазик е стандардизиран на определено рамниште на неговиот развој. Дали и како тој ќе се развива во услови на дијалектолошко осиромашување, дали само попирајќи се врз урбаните дијалекти создадени со мешање во отворената градска комуникација со други јазици?

Ако македонскиот стандарден јазик е конечно и неповратно урбан јазик, нашата лингвистика ќе мора да вложи навистина огромни напори, користејќи го и сочуваното дијалектолошко народноговорно наследство, да придонесува за неговиот развој не напуштајќи ги неговите особености. И да се спротиставува на јазичното подновување, кое поимот "урбан" го врзува обично за компјутерските механички јазици или за специфичните говори (сленгови) на определени општествени групи, подредени на внатрешната комуникација и изразувањето на идентитетот на групата, како и на несопирливата поплава од странски зборови и неологизми.

За сето тоа треба огромна поддршка.

Зузана Тополињска

Релацијата СЕЛО <> ГРАД од лингвистичка гледна точка

Ова мое излагање има за цел да објаснам што не поттикна да ја избереме релацијата СЕЛО <> ГРАД како тема на нашата конференција. Објаснувањето има и автобиографски акценти. Пред повеќе од 20 години познатиот италијански лингвист, тогашен претседател на бордот на *Европски лингвистички атлас*, ми предложи да учествувам во дискусија што тој ја отвори како главен едитор на списанието *Quaderni di semantica* (Сп. Алинеи 1991; *Qsem* 2/91, 1/92). Од учесниците се очекуваше одговор на прашањето "Каде оди дијалектологијата?". Ова прашање Алинеи го поставуваше од позиција на автор на бројни ценети трудови во кои тој го истакнуваше потенцијалниот придонес на дијалектологијата како една од лингвистичките дисциплини - покрај семантиката и социолингвистиката - која може да ни помогне во реконструкција на културната и јазичната праисторија на Европа.

Испадна дека бев единствен славист вклучен во таа дискусија, доминираа романисти и германисти. Тогаш сфатив дека за моите колеги од западна Европа поимот "дијалект" значи друго отколку за мене а и дијалектологија како научна дисциплина има во нивните земји друг статус и други задачи. Додека за мене - а претпоставувам дека таквото разбирање доминираше и се уште доминира меѓу славистите - дијалектот е географски определена варијанта на еден јазичен комплекс чиј официјален претставник е т.н. стандарден јазик изграден врз основа на дијалектите што го составуваат комплексот и прогласен како таков врз основа на еден правен административен акт; таков тип дефиниција имплицира дека дијалектот има понизок социјален ранг од стандардот, а од друга страна - дека има и постари корени, подолга историја на дадена територија. Така разбрана, дијалектологијата изучува еден важен сегмент од историјата на еден јазик - сегментот што и претходи на стандардизацијата - а од друга страна ги изучува спонтаните развојни механизми на ненормираните јазични варијанти, а со тоа придонесува кон подобро разбирање на начините како човекот го концептуализира светот, т.е. како функционираат одговорните за таа концептуализација сегменти на нашиот мозок. Во таквата перспектива јасна станува и разликата меѓу словенскиот север и југ во статусот на дијалектологијата како универзитетска дисциплина, конкретно разликата

во нејзината поставеност во две мене најпознати средини: полската и македонската. Имено, во Полска дијалектологијата се изучува како важен сегмент од она што го викаме историска граматика, а што се однесува на еволуцијата на јазичниот систем пред и по моментот на стандардизацијата, додека во Македонија - со оглед на доцната стандардизација - дијалектологијата како универзитетски курс практично ја заменува така сфатената историска граматика, а т.н. историја на јазикот се однесува во голема мера на надворешната историја и само парцијално го отсликува континуитетот на системската - граматичката - еволуција.

Но да се вратам на споменатата разлика меѓу словенското и западно-европското разбирање на поимот 'дијалект', кое може да го најдеме во речиси во сите поголеми речници. Кога денеска, по четврт век, ја анализирам ситуацијата на словенската територија, пред сè полската и македонската ситуација, доаѓам до заклучок дека се приближивме до западноевропскиот тип на хоризонталната и вертикалната јазична диференцијација, а со самото тоа и до западноевропското сфаќање на терминот "дијалект" и на задачите на дијалектологијата. Кога си поставувам прашање кои се чинителите одговорни за таа измена, како еден од главните виновници ми се наложува релацијата: село <> град, т.е. последиците на мобилноста на населението на таа релација.

Да направиме една мала екскурзија во минатото. Според нашите актуелни сознанија, Словените стигнувале на својата денешна територија сукцесивно, во бранови, како одделни племенски, понекогаш дури семејни групи, често во придружба или поттикнати на преселба од другите етнички групации. Може да се претпостави дека одделните миграциони бранови биле релативно јазично униформирани, со други зборови: се служеле со еден заеднички дијалект, а не треба да губиме од предвид ни тоа дека во времето на големите миграции словенското јазично семејство било релативно слабо диференцирано. Со време на словенската територија (= територија со словенска јазична доминација) почнале да никнуваат први постојани населби со определена вертикална социјална организација: владетел / племенски старешина во некоја поимпозантна резиденција, а околу неа поскумни куќи на други нему подредени, а меѓусебно пак хиерархизирани жители на населбата. За контактите меѓу одделните населби одлучувала топографијата, патиштата, локација на центрите на трговската размена и/или на собирните центри на религиозниот култ, со време и административни, државни и црковни граници. Најпосле, со развитокот на занаетчиството, на трговијата, со ширење и разгранување на државната и црковна администрација, се појавуваат и први центри кои - според нашето денешно разбирање - заслужуваат квалификација "град".

Градот по самата своја општествена функција беше секогаш поотворена средина од селото, средина во која претставници на локалниот наследен јазичен код се мешале со дојденците од блиску и од далеку, средина чија социјална и професионална раслоеност влијаела врз спецификата на она што се раѓаше како т.н. градски дијалект. Како резултат на контактите со други населби во истиот регион, во истата држава, а и преку државната граница расте потреба за јазичните кодови за меѓусебна комуникација на одделни локални заедници. Во рамките на локална образовна политика расте и потребата за воведување и совладување на престижните јазични кодови со кои се служи црквата и/или локалната владејачка елита. На словенската територија во период на рано описменување наоѓаме два такви кода, и двата наложени од христијанската црква: латинскиот на запад и старословенскиот на исток. Додека латинскиот му е туѓ на народот и поттикнува стремеж кон кодификација на локален стандард, старословенскиот раѓа специфична диглосија во рамките на која двата социјално диференцирани системи континуирано влијаат еден врз друг; извор на тоа двосмерно влијание се описменетите елити, пред сè луѓето поврзани со црква: попови, скриптори, но и вработените во различни државни административни канцеларии, и сл.; како резултат на тоа двосмерно влијание во старословенските споменици наоѓаме траги на локалните наследени дијалекти, додека од друга страна контактот со црквата забавува еволуција на народните говори.

Кон половината на 15 век основната дијалектна диференцијација на словенската територија, т.е. формирањето на главните дијалектни / говорни комплекси е - општо земено - завршена. Постои веќе стандардизиран чешки јазик, во тек е стандардизацијата на полски. Во 18 век ќе се формира и рускиот стандарден јазик, додека на останатата територија стандардизацијата се случува дури во втората половина на 19 век или во 20 век. Се разбира, споменатите стандардни јазици не се монолитни - постојат регионални варијанти допуштени од страна на нормата, пред се во звучниот систем и во лексиконот, поретко во граматичките конструкции.

Да се вратам сега конкретно на разликите во релацијата: село $\diamond$ град во полската и во македонската средина.

Во Полска во градовите од моментот на стандардизацијата кај повисоките слоеви на општеството доминира општ "литературен" јазик, поамбициозните дојденци од село се трудат со различен успех да го совладаат тој јазик, помалку амбициозни, без достап до училишните клупи, не вложуваат свесен труд во својата јазична едукација. *Mutatis mutandis*, слично е и на село: благородниците, сопственици на земјата, не

ретко и ситните сопственици но со благородничко потекло, се луѓе кои го владеат општиот стандарден јазик, додека селаните, оние кои не поседуваат земја, како и значаен дел од ситното племство од генерација во генерација го пренесуваат локалниот наследен дијалект збогатувајќи го само со нови лексички придобивки на поразвиена цивилизација. Опишаната ситуација во суштина не се менува се до крајот на втората светска војна. Може само да се додаде дека пропаѓањето на полската држава и поделбата на полската јазична територија меѓу Русија, Австро-Унгарија и Прусија кон крајот на 18 век - поделбата која трае сè до 1918 година - прави дека Полјаците стануваат особено чувствителни за чистотата на јазикот како потврда на нивната етничка самобитност.

По Втората светска војна новата социјалистичка држава, Народна република Полска (ПРЛ) широко отвора врата кон т.н. социјален аванс за сите слоеви на населението што во подолга перспектива значи паѓање на узуелната, а следствено и на проскриптивната јазична норма, секидневна употреба на бројни дијалектизми и регионализми, а пред сè голема миграција на релација село > град и - како резултат - интензивно мешање на различните географски и/или социјално / професионално / генерациски определени јазични кодови. Првпат тогаш, по Втората светска војна, почнува да се зборува во Полска за т.н. градски дијалекти и за потребата тие да се документираат и да се анализираат. Според резултатите добиени од тие анализи т.н. градски дијалекти претставуваат мешавина од идиолекти - подобра или послаба апроксимација до стандардниот јазик каква што се во состојба да ја постигнат новите дојденци од село преку филтер на своите родни дијалекти, а врз основа на контакти со другите дојденци, но и со носителите на општиот стандарден јазик¹. Новост која по Втората светска војна дополнително ја искомпликува сликата беа масовни принудни преселувања од политички причини. По 1989 година се поголемата мобилност на населението надминува веќе рамки на градот и неговата селска околина, а е подредена на пошироко сфатената индустриска и трговска географија, се интензивира внатрешната миграција на линија село > град во потрага по работа, по подобра

---

¹ Една варијанта на такасфатениот градски говор на Варшава ја нобилитирал воведувајќи ја во литература варшавскиот писател-колумнист Стефан Вјехецки и ја овековечи (заедно со себеси) под назив "вјех" ("wjęch").

Се разбира, формулата со која овде се служам: село $\diamond$ град претставува конвенционално упростување; меѓу "селото" и "градот" се вметуваат низа динамични населби кои од големи села прераснуваат во мали гратчиња, секоја од нив неповторлива мешавина од наследениот локален дијалект и елементи од општиот стандард.

заработувачка, по повисок стандард и подобар социјален статус. Од друга страна се забележува и обратниот правец на миграција - од градови во околните села. Имено, луѓето од средната урбана класа бегаат во поздрава природна средина и - бидејќи моторизирани - комутираат меѓу работното место во град и нова семејна куќа на село.

Во Македонија во отсуство на сопствена државна и административна власт претставници на образована елита и носители на престижниот староцрковнословенски јазик биле пред сè свештените лица, попови, монаси, писари вработени во манастирските *scriptoria*. Тие, а покрај нив и побогатите занаетчии и трговци претставувале висок слој на урбаното население. Во нивните меѓусебни контакти се раѓаат и се култивираат регионални градски престижни дијалекти кои денеска претставуваат специфика на македонската јазична стратиграфија. Сукцесивно расте социјално мотивираната разлика меѓу градските и селските дијалекти и/или - со ширењето на градското население со новите дојденци од села - вертикално се раслојува јазичната слика на градовите.

Благодарение на елитната црковна средина се раѓаат нови преводи на религиозните текстови на старословенски јазик кој сам по себе има македонска дијалектна база, но и со сè поголема примеса на локалните македонски говори. Може да се претпостави дека дел од тие локални елементи се вградуваат не само акцидентално, туку со желба науката на црквата да му се доближи на народ. За тоа сведочат и бројни иницијативи на одделни свештеници да преведат евангелието на локален говор на своите парохии.

Дури околу половината на 19 век околностите дозволуваат стремежот на Македонците кон државна самобитност и свесна борба за јазичната стандардизација да се канализираат, прво во облик на организирано движење, второ во облик на конкретни објавени текстови. Изборот на база за идниот општ јазик од почетокот паѓа на комплексот централни говори од западното наречје кој низ векови претставувал најсилното иновативно огниште на македонската јазична територија. По 70-те години поминати од актот на кодификација можеме мирно да констатираме дека македонскиот стандарден јазик ги оправда надежите на своите кодификатори и се покажа способен за живот и за натамошна еволуција.

Влегувањето на поголемиот дел од македонската јазична територија во новата федерална јужнословенска држава, Кралството на Србите, Хрватите и Словенците, во 1918 г. создало основа за една нова диглосија меѓу македонските јазични кодови и државниот јазик - српско-хрватскиот. Следствено триесет години подоцна младиот стандард од почетокот на своето постоење имаше два конкурента: од една страна српско-хрватски, од другата - престижните градски дијалекти од кои локалните елити нерадо се откажуваа.

Сепак умесната јазична политика на Република Македонија, без претеран пуризам но и со строго чување на проскриптивната норма во јавната комуникација, во печатот и другите медиуми, успеа да ја неутрализира таа конкуренција. Денеска најголема опасност на чистотата на општиот јазик ѝ се заканува од големата мобилност на населението и недоволно издржана обука по јазикот на цела образовна вертикала, од градинка па по универзитетот. Внатрешните миграции на населението на релација: село > град - што поради релативно мали ресурси на обработлива земја, што поради бројните атракции кои на младите луѓе им нуди урбаниот живот - во Македонија е уште поинтензивна отколку во Полска, многуте села како резултат на таа миграција изумираат, а градовите - пред сè Скопје - во понизок општествен слој претставуваат конгломерат на различни идиолекти сличен на оној за којшто веќе спомнав зборувајќи за полската ситуација.

Мојот краток преглед покажа -

- дека дефиницијата на поимот 'дијалект' во рамките на славистиката еволуира и се доближува до дефиницијата присутна во западноевропските земји,
- дека рамките: македонски - полски, замислени како анализа на ситуација во два по можност максимално типолошки оддалечени словенски јазици како во синхроната така и во дијахроната перспектива, сепак дозволуваат да се воочат и длабоки паралели во однос на денешната форма на вертикално, а и хоризонтално раслојување на јазикот и следствено: паѓање на узуелната јазична норма,
- дека една од важните причини на овој процес е мобилноста на населението на релацијата: село <> град.

Се чини дека една друга важна причина претставуваат недостатоците во постојниот образовен систем, конкретно на начинот на обука по мајчиниот јазик; овие недостатоци се должат - во полскиот случај на отстапување на старата добра традиција, а во македонскиот - во недоволно закрепнување на новата, млада традиција.

Се надеваме дека од нашите гости ќе слушнеме нешто за ситуацијата во другите словенски средини, а во дискусија со нив ќе се доближиме до одговорот на прашањето за денешниот статус на дијалектите и задачите на дијалектологијата.

Цитирана литература:

- Alinei 1991 - Mario Alinei, New hypotheses on the linguistic origins of Europe: the contribution of semantics and dialectology, *Qsem* 2/91, 187-203
Q sem 2/91, 1/92 - *Tavola Rotonda di "Qsem" su Dove va la dialettologia?*, *Quaderni di semantica* 2/91, 205-343, 1/92, 93-189

Татьяна И. Вендина (Москва, Россия)

**Славянские диалекты в современной языковой ситуации:
социокультурный аспект**

Статья посвящена анализу лингвистического прогноза об отмирании диалектов в условиях социальной интеграции и индустриализации общества. Приводя материалы Общеславянского лингвистического атласа, а также лексических атласов отдельных славянских языков, автор доказывает, что эти прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в славянских диалектах, а потому нуждаются в серьезной корректировке. Материалы славянских атласов свидетельствуют о консервативности славянских диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость славянских диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствует консервации отдельных узколокальных лексем, что ведет к появлению эксклюзивов. Наличие эксклюзивных образований свидетельствует не только о высокой степени сопротивляемости славянских диалектов, но и об их саморазвитии, так как возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов. Причина этой лексической устойчивости диалектов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских странах, по мнению автора, кроется в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия. Приводя мнение Ф. де Соссюра о том, что «в самом языке нельзя найти возможности прекращения его существования», автор делает некоторые оптимистические прогнозы, касающиеся эволюции славянских диалектов, считая, что пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будут существовать и диалекты.

В современной литературе по диалектологии уже традиционной стала констатация факта, что «диалекты находятся на пороге исчезновения».

Причины этого процесса видят, с одной стороны, в экстралингвистических факторах (в разрушении социальной инфраструктуры

общества, в его социально-демографических изменениях, в урбанизации сельского населения, что нередко приводит к исчезновению населенных пунктов, в языковой политике государства и т.д.), а с другой – собственно в лингвистических, в частности, в размывании языковой системы диалектов волнами литературного языка.

В российском языкознании постулат о быстром отмирании диалектов при социализме получил особенно широкое развитие в связи с тем, что в стране долгое время господствовала социальная теория развития этнического языка, в соответствии с которой диалекты должны будут исчезнуть в условиях бесклассового общества. В основе этой теории лежал тезис об отмирании элементов «старого качества» (носителем которых было «отсталое крестьянство», которое в силу своей «мелкобуржуазной сущности» тормозило движение общества вперед) и развитии элементов «нового качества». Позднее этот тезис получил теоретическое обоснование в известной сталинской статье «Марксизм и вопросы языкознания», где заявлялось, что диалекты, представляющие собой ответвления от общенародного национального языка, «лишенные какой-либо языковой самостоятельности, обречены на прозябание». Эпоха строительства социализма породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и соответственно диалектов.¹ Поэтому интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» (Предисловие к «Толковому словарю живого великорусского языка» Даля. М., 1935. Т. I. С.14).

В настоящее время социолингвистика так определяет взаимоотношения между диалектами и литературным языком:

1) социальная база литературного языка расширяется, а социальная база диалекта становится все более ограниченной;

2) литературный язык полифункционален, и по мере своего развития он увеличивает и усложняет систему своих коммуникативных функций, тогда как круг функций диалектов, напротив, сужается, ограничиваясь бытовыми сферами общения;

---

¹ Ср., например, следующий пассаж из «Очерков по языку» А.М. Иванова и Л.П. Якубинского: «Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноязычия? – спрашивали авторы «Очерков» и отвечали: – Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятельство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства» (Иванов, Якубинский 1932: 142).

---

3) в литературном языке возрастает нормативность и последовательно устраняется вариативность языковых средств, в то время как диалектная норма подвергается расшатыванию (и прежде всего из-за влияния на нее литературного языка), вследствие чего возрастает функционально не обусловленная вариативность языковых средств и способов выражения (подробнее см.: Михальченко, Крючкова 2002: 127).

Однако для того, чтобы понять сущность этого процесса, необходимо выяснить условия его протекания. Тезис же об отмирании диалектов принимается а priori, а как действительно происходит процесс воздействия литературного языка на диалекты не известно. Именно на фактическую неизученность этой проблемы еще в 40-е годы было обращено внимание Н.П. Гринковой (Гринкова 1947: 177), которая отмечала, что указание на воздействие литературного языка на диалекты «в большинстве исследований выглядит скорее как отписка по поводу материала, не подлежащего изучению, а процесс воздействия литературного языка не изучается и как он происходит – не известно» (Калнынь 2007: 284), о трудностях изучения этого процесса см. (Журавлев 2007: 245).

Вместе с тем, как показала история, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в русских и шире – в славянских диалектах, а потому они нуждаются в серьезной корректировке.

Об этом красноречиво свидетельствуют, прежде всего, материалы Общеславянского лингвистического атласа, которые позволяют по-новому взглянуть на современное состояние и развитие этой языковой ситуации.

На картах Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий распределения диалектной и литературной лексики, свидетельствующий о лексической дробности диалектного ландшафта всех славянских языков, что говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения, ср., например, ситуацию²:

---

² В качестве иллюстрации приводятся материалы шестого тома Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», представляющего лексику, относящуюся к наиболее древнему пласту, связанному с крестьянским бытом и ведением домашнего хозяйства. Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОЛА.

в словенских диалектах на к. 20 dem ‘ножик’, где зафиксированы следующие лексемы: pož-ьк-ть (*'nu:žək*), pož-ič-ьк-ть (*no'ži:čək*), pož-itj-ь (*nužə:č*), pož-itj-itj-ь (*'nu:šćić*), pož-itj-ьс-ь (*no'žičec*), pož-ьс-ь (*nužac*), pož-ьč-ьк-ть (*'nužčok*), pož-ej-ь (*nə:žej*), pož-ik-ть (*'nožik*), pož-ę (*nə:že*), brit-ъv-ic-a (*b'ritvæç*) и это при том, что сетка Атласа включает всего 25 пунктов словенских диалектов;

в хорватских диалектах на к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ лексемы: utr-in-a (*'jutrina*), za-utr-ьк-ть (*'zajtreak*), rōč-ьк-ть (*'ru:čak*), rōč-eп-ьj-e (*ručē:ne*), do-rōč-ьк-ть (*dōručak*), marend-a (*ma're:nda*), fruštik-ть (*'froštik*), fruštikel-ь (*'fruštikel*), kolacjон-ь (*kɔlacijùn*);

в сербских диалектах на к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком’ лексемы: lěv-ь (*lijev*), lěv-ьк-a (*lè:vka*), lěv-ьк-ь (*lé:vak*), točir-ь (*to'čir*), traxter-ь (*trātu:r*), (xun)-ij-a (*vu'nija*), (xin)-ьк-a (*i:nka*), (pir)-ij-a (*'pi:rija*);

в македонских диалектах: на к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ лексемы: čvar-ьк-у (*č'varki*), čvъrč-ьк-у (*čvŕčki*), pъrž-ьк-у (*pərški*), žьm-ir-ьк-у (*ž'mirki*), žьm-er-ьк-у (*ž'emerk*), džiber-in-у (*zebe'rine*), džiber-in-ьк-у (*žibe'rinki*), cigarid-у (*ciga'ridi*), gor-eп-ьк-у (*gurenki*) и это при том, что сетка Атласа включает всего 24 пункта македонских диалектов;

в болгарских диалектах: на к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) лексемы: тълst-ь (*g'ləstu*), mast-ьп-ь (*'maznu*), loj-ьп-ь (*'lojeno*), loj-av-ь (*'lojevo*), deb-el-ь (*de'belo*), boļž-ьп-ь (*b'lažnu*), za-běl-ьп-ь (*zə'belenu*);

в чешских диалектах: на к. 6 ‘стакан’ лексемы: stьkl-ěп-ьк-a (*skleŋka*), stьkl-ěп-ic-a (*skleňice*), stьkl-ěп-ič-ьк-a (*skleňička*), stьkl-ěп-ьč-ьк-a (*sklinečka*), pol-ьк-a (*pulka*), pohar-ь (*poha:r*), pohar-ьк-ь (*poha:rek*), štampri-l-a (*štamprɪdla*);

в словацких диалектах: на к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ лексемы: kraj-ь (*krāj*), kraj-ьс-ь (*krajec*), ob-kraj-ьс-ь (*'okrajec*), kraj-ьč-ik-ь (*krajčok*), kraj-ič-ьк-ь (*kraji:ček*), kraj-ik-ь (*kraji:k*), сь-kрав-ьк-ь (*skravek*), сь-kроj-ьк-ь (*skrojek*), kром-ьк-a (*kromka*), вьrх-ьп-ь (*vŕxeŋ*), вьrх-ьп-ак-ь (*vŕxna:k*), jап-ьк-о (*jaŋko*);

в польских диалектах: на к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ лексемы: lup-a (*lupa*), lup-in-a (*lup'ina*), lusk-i (*ɫusk'i*), ob-ber-ьк-i (*ob'erk'i*), ob-ber-in-у (*ob'ežynu*), skrob-in-у (*skrob'iny*), ob-skrob-in-у (*ɫoskrob'iny*), struž-in-у (*stružynu*), ob-struž-in-у (*ostružiny*), skor-j-a (*skury*), skor-ьк-у (*skurk'i*);

в белорусских диалектах на к.41 ‘скорлупа’ (яйца) лексемы: lup-in-a (*tu'p'ina*), lup-in-ьк-a (*tu'p'inka*), lup-aj-ьк-a (*tu'pajka*), še-lup-a (*šytu'pa*), še-lup-ьк-a (*ša'tupka*), še-lup-in-a (*šatu'p'ina*), še-lup-aj-ьк-a (*šatu'pajka*), še-lup-

ax-a (*šəlu'paxa*), lusp-in-a (*luš'p'ina*), lusp-aj-a (*luš'paja*), lusp-aj-ьк-a (*luš'pajka*), lusk-a (*lus'ka*), lušč-in-a (*luš'čьina*), kor-a (*kə'ra*), skor-up-a (*ška'rupa*), skor-o₂-lup-a (*skorlu'pa*), sk{or}-o₂-lup-ьк-a (*škor'lupka*), skor-o-lup-in-a (*škara'lup'ina*), skor-o-lušč-in-a (*skoro'l'uščьina*), skor-ol-ušč-ьj-e (*kara'l'ušča*), še-lux-a (*šulu'xa*), še-lušč-ьк-a (*šar'luška*);

в **украинских диалектах** на к. 31 'пенка' (на молоке) лексемы: рѣп-a (*p'ina*), рѣп-ьк-a (*p'in'ka*), скор-ьк-a (*š'kurka*), кор-ьк-a (*'kurka*), ко́ж-ьк-a (*'kuška*), ко́ж-уш-ьк-ъ (*ku'žušuk*), плѣн-ьк-a (*p'l'in'ka*), плѣв-ьк-a (*p'l'iv'ka*), стар-ьк-a (*s'tarka*), шум-ъ (*šum*), баб-ьк-a (*'bapka*);

в **русских диалектах** на к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' лексемы: съ-мет-ан-a (*sm'itana*), съ-мет-ан-ьк-a (*s'm'e'tanka*), вѣх-ъ (*v'e-r'x*), вѣш-ьк-ъ (*v'ar'šok*), вѣш-ьч-ьк-ъ (*v'ar'šac'ak*), съ-лив-ьк-ъ (*s'l'iv'ak*), съ-лив-ьк-у (*s'l'if-k'i*), u-stoj-ъ (*us'toj*), u-stoj-ьк-ъ (*us'tojok*), при-stoj-ьк-ъ (*pr'i'stojik*), съп-ьм-ьк-ъ (*s'n'im'ak*), съп-ьм-ьк-у (*s'n'imk'i*).

При этом литературная лексема часто имеет либо а) невыразительный ареал; б) либо она вообще отсутствует на карте, ср.:

ситуация а)

в **словенских диалектах** на к. 58 'завтрак, утренняя еда' литературная лексема za-utr-ьк-ъ зафиксирована лишь в паннонских и прекмурских говорах (пп. 20-21, 149), тогда как на остальной территории распространены лексемы rč-ьк-ъ (*'ru:č'ak*), kqs-i-dl-o (*ku'si:lu*), (fruštik)-ъ (*frū:št'ak*), (kolacjon)-ъ (*kulej'ò:n*); на к. 60 'обед, еда в дневное время': литературная лексема kqs-i-dl-o (*kosilo*) отмечена лишь в приморских диалектах (пп. 2-5, 16), тогда как в остальных словенских диалектах представлены диалектные лексемы už-in-a (*'južna*), ob-ěd-ъ (*'obet*);

в **хорватских диалектах** на к. 30 'пережаренные кусочки сала': литературная лексема čvar-ьс-i (*čvarci*) отмечена лишь в отдельных пунктах штокавских (п. 33) и чакавских (п. 37, 42) диалектов, тогда как на остальной территории зафиксированы такие диалектизмы, как škvar-ьс-i (*škvá:rci*), škvar-ьк-у (*skvā:rki*), čvar-ьк-у (*čvá:rki*), ob-čvar-ьк-у (*'o:cvarki*), cvig-ьк-у (*c'vi:rki*), ob-cvig-ьк-у (*oc'vi:rki*), žьm-ig-ę (*žmire*);

в **сербских диалектах**: на к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво': литературная лексема gruš-av-in-a (*grušavina*) зафиксирована лишь в отдельных штокавских говорах (пп. 78, 79, 152), тогда как в остальных сербских диалектах представлены диалектные лексемы sēr-a (*'šera*), sēr-in-a (*'šerina*), mēlz-iv-o (*mlē:zivo*), gruš-a (*grúša*), gruš-av-a (*grúšava*), gruš-al-in-a (*grúša:lina*);

в **македонских диалектах**: на к. 58 'завтрак, утренняя еда': литературная лексема ро-ěd-ьк-ъ (*nojadok*) отмечена лишь в отдельных

центральномакедонских (п. 100) и восточных (п. 103) говорах, тогда как на остальной территории зафиксированы диалектизмы *utr-in-a* (*utrina*), *po-rqč-ъk-ъ* (*poruček*), *do-rqč-ъk-ъ* (*doruček*), *peḡ-kqs-ъk-ъ* (*prekusǎk*), *po-kqs-ъk-ъ* (*pu'kasuk*), *za-kqs-ъk-a* (*zǎ'kuska*), *po-xap-ъk-ъ* (*'poapok*);

в **болгарских диалектах**: на к. 60 'ест обед': литературная лексема *ob-ěd-ъv-a-j-e-ть* (*обядва*) отмечена лишь в единичном пункте юго-восточных говоров (п. 142), тогда как на остальной территории зафиксированы диалектные лексемы *pol-u-dьn-a-j-e-ть* (*plan'ni*), *pol-u-dьn-ъ-ov-a-j-e-ть* (*plan'nova*), *pol-dьn-ъ-ov-a-j-e-ть* (*plad'nuva*), *už-in-a-j-e-ть* (*juž'nue*), *už-in-ov-a-j-e-ть* (*juž'nuva*), *rqč-a-j-e-ть* (*'ruča*);

в **чешских диалектах**: на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': литературная лексема *съ-lup-ъk-a* (*slupka*) зафиксирована в западной части собственно чешских говоров (пп. 175-177, 179-183, 185-187), тогда как в других говорах распространены диалектизмы *съ-lup-in-a* (*šlupina*), *kož-a* (*kožǎ*), *šup-a* (*šupa*), *šup-ъk-a* (*šupka*), *(šup)-in-a* (*šupina*);

в **словацких диалектах**: на к. 58 'завтрак, утренняя еда': литературная лексема *гап-ъ=а-ј-ъk-у* (*raňajky*) отмечена в отдельных пунктах среднесловацких говоров (пп. 217- 220), тогда как на остальной территории зафиксированы диалектные лексемы *съn-ěd-ъj-e* (*sni:daňi:i*), *fruštik-ъ* (*fruš'ík*), *fryštik-ъ* (*friš'itik*);

в **польских диалектах**: на к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда': литературная лексема *ěd-l-o* (*jadło*) встречается в отдельных пунктах кашубских говоров (пп. 243, 245), великопольских (пп. 259, 269-270, 278-280), мазовецких (пп. 282-283, 296-297), малопольских (пп. 291, 293, 304, 311, 316-317, 325), а также в говорах Силезии (пп. 288-290, 299, 308), тогда как на остальной территории распространены такие диалектизмы, как *ěd-j-en-ъj-e* (*'jezeńe*), *ěd-j-a* (*ježǎ*), *ěs-t-ъj-e* (*jeśće*), *žьr-t-ъj-e* (*žerće*), *ži-t-ъj-e* (*zyće*), *ži-v-o-by-t-ъj-e* (*žyvabyćy*);

в **белорусских диалектах**: на к. 35 'сырое кислое молоко': литературная лексема *prost-o-kvaš-a* (*прастакваца*) отмечена в некоторых пунктах северо-восточных говоров (пп. 333-334, 349, 359, 368), тогда как в других белорусских диалектах распространены лексемы *сыг-o-kvaš-a* (*сырык'ваša*), *sam-o-kyš-a* (*sǎma'k'iša*), *kys-ыl-j-ak-ъ* (*k'is'l'ak*), *сыг-o-pěn-j-a* (*syra'p'en'a*), *kvaš-en-in-a* (*kvaša'n'ina*), *kys-ěl-o mejk-o* (*'k'islaje mala'ko*), *kvas-en-o mejk-o* (*k'vasna mala'ko*);

в **украинских диалектах**: на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': литературная лексема *луšp-in-ъj-e* (*лушпиння*) отмечена в отдельных пунктах юго-восточных говоров (пп. 478-480, 493-494, 502, 504, 510-511, 517, 519-520), тогда как на остальной территории получили распространение диалектные лексемы *лup-a* (*lu'pa*), *лup-in-a*

(*lu'pyna*), lup-aj-ьк-у (*lu'pejk'i*), še-lup-ьк-у (*ša'lupky*), še-lup-aj-ьк-у (*ša'lu'pajky*), lusp-a (*luš'pa*), lušp-in-a (*luš'pyna*), lušp-in-ьк-у (*luš'pyinky*), lušp-aj-a (*luš'paja*), lušp-aj-ьк-у (*luš'paj'ky*), lušp-at-a (*luš'pa'ta*), lusk-a (*luš'ka*), ob-čist-ьк-у (*a'cystiky*), ob-řež-ьк-у (*ob'r'izky*), skor-ьк-а (*š'k'irka*), skor-o₂-lup-a (*škara'lupa*);

в **русских диалектах**: на к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник': литературная лексема пол-ь-днь-ик-ь (*полдник*) имеет дисперсный ареал; наряду с ней распространены такие диалектные лексемы, как ра-уž-а (*rauža*), ра-уž-ин-ь (*raužын*), ра-уž-ин-а (*raužына*), ра-уž-ин-ьк-а (*raužынка*), ра-уž-ин-ьк-ь (*raužэнк*), ра-уž-ьн-а (*rauž-na*), ра-об-ěд-ь (*pa-b'et*), ра-об-ěд-а (*pa'b'eda*), ра-об-ěд-ьк-ь (*pab'edok*), пол-у-днь-ик-ь (*pa'ludn'ik*), пол-у-днь-ьн-ик-ь (*pa'lud'эн'ик*), пол-у-днь-ьк-ь (*pa'lud'inak*), пол-у-днь-ь (*poluden'*), пол-ь-днь-ь (*po-ld'en'*), пол-у-днь-е (*poludn'a*), пол-ь-днь-е (*poldn'э*), подь-večer-ьк-ь (*padv'a'čorak*), подь-večer-ьк-а (*podv'e'č'orka*), peг-kqs-ьк-а (*p'э'e'kuskэ*), peг-kqs-ьč-ьк-а (*p'ir'a'kusэ'ka*), kqs-ov-ьн-ик-ь (*ku'sovn'ik*), peг-xvat-ьк-а (*p'э'ax'vatka*), čaj-ь (*č'aj*).

Ситуация, когда литературная лексема отсутствует на карте, так как тотальное распространение имеют диалектизмы, встречается реже, причем в основном в южнославянских говорах, ср.:

в **словенских диалектах**: на к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец': литературная лексема *vodnjak* отсутствует среди диалектных лексем *stud-en-ьс-ь* (*stod'jenc*); *stern-a* (*št'j:rna*); *рич-ь* (*peč*); или на к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком': среди диалектных лексем *lij-a* (*li:ja*), *lij-ь* (*li:j*), *lij-ьč-ьк-ь* (*li:jč'к*), *liv-o* (*li:wo*), *па-liv-ьк-ь* (*na:vilek*), *lěj-ь* (*lej*), *traxter-ь* (*t'ra:xtar*), *pledг-a* (*plé:dra*) отсутствует лексема *lijak*, представленная в литературном языке; или на к. 31 'пенка' (на молоке): литературное название *kožica*, *mrena na mleku*, однако его нет среди таких диалектизмов, как *рѣп-а* (*p'jэna*), *skoro-o-lup-ь* (*škэ'lu:p*), *сь-met-an-a* (*smjэtena*);

в **хорватских диалектах**: на к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана': широко распространены диалектные лексемы *въгх-ьн-ь-е* (*v'nje*), *skog-up-ь* (*š'korub*), *kajmak-ь* (*kajmák*) при литературной описательной конструкции *kiselo vrhnje*;

в **болгарских диалектах**: на к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво': среди диалектных лексем *сѣг-а* (*s'ara*), *сyr-išč-е* (*sirište*), *korast-ьв-а* (*ku'lastra*), *про-вар-а* (*pro'va-ra*) не встречается литературного названия *коластра*; к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник': широко представлены диалектизмы *уž-in-а* (*južina*), *пол-у-днь-е* (*p'ladne*), *ikindi-j-a*

(*ikin'dijə*), *šaškin-ъ* (*šəš'kən*) при отсутствующей на карте литературной описательной конструкции *следобедна закуска*;

в чешских диалектах: на к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте): среди диалектных лексем *kys-ы-ъ* (*kysly:*), *kys-ěl-ъ*, *kys-el-ъ* (*kesele:*, *kiselej*), *kys-al-ъ* (*kisalej*), *kys-an-ъ* (*kisanej*), *kvaš-en-ъ* (*kvašenej*) отсутствует литературное описательное название *kysané zeli*.

Случаи, когда литературная лексема полностью покрывала бы всю территорию того или иного славянского языка, встречаются крайне редко: в южнославянских языках это наблюдается, например, на карте 62 'ужин, вечерняя еда', ср. распространение лексемы *večer-j-a*; в западнославянских, в белорусских и русских диалектах на карте 11 'мука, из которой пекут хлеб', ср. распространение лексемы *mok-a*.

Все эти факты, как представляется, свидетельствуют об устойчивости лексических диалектизмов во всех славянских языках.

При этом следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что многие из этих диалектных лексем сформировались в глубокой древности, несмотря на это они до сих пор сохраняют свою жизненную силу. Об этом красноречиво говорят их ареалы, в частности межславянские лексические изоглоссы, локализующиеся в диалектах разных славянских языковых групп (ср., например, следующие изоглоссы: слн.-хрв.-серб.-блг.-чеш.-плс.-укр. *dobr-ъ* к. 65 'вкусный'; серб.-мак.-блг.-блр.-укр. *žěž-ьk-ъ* к. 48 'горячий'; блг.-слц.-плс.-укр.-рус. *pol-u-dьn-e*, *pol-ъ-dьn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время'; слн.-хрв.-серб.-мак.-укр.-рус. *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке); мак.-укр.-блр.-рус. *vьx-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' и т.д.), при том что во всех славянских языках статус этих лексем является диалектным.

Карты Общеславянского лингвистического атласа свидетельствуют еще об одной яркой особенности славянских диалектов — их динамичности. Она проявляется в том, что все славянские диалекты способны к активному порождению эксклюзивных лексем, которые отличительно характеризуют каждый славянский язык либо на всем пространстве Славии, либо в пределах его языковой группы ср., например, следующие эксклюзивные лексемы:

словенские диалекты: *koz-ag-ъc-ъ* (*ka'zə:rc*) к. 6 'стакан'; *ruměp-ъ-ak-ъ* (*ruměná:k*) к. 43 'желтая часть яйца'; *malc-a* (*mà:lca*) к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; *съ-met-en-a* (*smé:tena*) к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' и др.;

хорватские диалекты: *žmul-ъ* (*žmu:l*) к. 6 'стакан'; *vьx-ьп-j-a*, *vьx-ьп-ьj-e* (*vъia*, *vъie*) к. 36 'густой жирный верхний слой свежего

отстоявшегося молока, сливки'; běl-an-ъ=-ak-ъ (*be'la:ňak*) к. 42 'белая часть яйца'; (gustoz)-ъ (*gus'to:ž*) к. 65 'вкусный' и др.;

сербские диалекты: њььг-ьп-ј-ак-ъ (*ča'bǎjak*) к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; pa-volk-a (*pavlaka*) к. 37 'сметана'; žlt-ъс-е (*žú:ce*) к. 43 'желтая часть яйца'; kǔm-ęt-in-a (*kǔmetina*) к. 21 'мясо свиньи'; kraj-ък-а (*krajka*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' и др.;

македонские диалекты: выдолбленное из одного куска дерева'; tron-ък-у (*ronki*) к. 19 'крошки' (хлеба); рѣт-іѣ-ък-а (*pe'tička*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' и др.;

болгарские диалекты: svin-ъsk-o (subst) (*s'vinsko*) к. 21 'мясо свиньи'; (gegan)-ъ (*ge'ran*) к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' и др.;

чешские диалекты: stьkl-ěn-іс-а (*skleňice*) к. 6 'стакан'; vepr-ev-o (subst) (*vepřova:*) к. 21 'мясо свиньи';

словацкие диалекты: kraj-ік-ъ (*krajik*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' lyž-іс-а (*lžica*) к. 52 'ложка' и др.;

лужицкие диалекты: krom-іѣ-ък-а (*krom'icka*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; (frištuk)-а (*frištuka*) к. 58 'завтрак, утренняя еда'; večer-ъ (*večer*) к. 62 'ужин' и др.;

польские диалекты: лексемы kož-ух-ъ (*kožux*) к. 31 'пенка' (на молоке); ргі-іѣр-ък-а (*pšyl'erka*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' и др.;

белорусские диалекты: kořm-y-sl-a (*ka'rom'isla*) к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; tьlst-ost-ъ (*t'lustas'c*) к. 29 'топленое свиное сало'; пѣ-сѣ-ѣм-ьп-ъ (*n'iš'čymnaja v'ad'r*) к. 3 'пустой, ненаполненный'; (kaban)-in-a (*kaba'n'ina*) к. 21 'мясо свиньи'; и др.;

украинские диалекты: сѣ-рґа-а (*sp'raha*) к. 9 'желание, потребность пить'; сѣл-уш-ък-а (*c'i'luška*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; star-ък-а (*s'tarka*) к. 31 'пенка на молоке'; vьrš-ък-у (*verš'ku*) к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' и др.

Примечательно, что многие из этих эксклюзивных лексем имеют обширные ареалы, что является еще одним свидетельством пассионарности славянских диалектов, ср., например, следующие эксклюзивы:

словенские диалекты: (glaž)-ъ (*glaš*) к. 6 'стакан';

македонские диалекты: тьгс-ьп-ъ (*mjsen*) к. 26 'содержащий много жира' (о мясе);

болгарские диалекты: kobył-ic-a (*ko'bilica*) к. 2 'коромысло'; tel-ęt-ьsk-O (subst) (*'teleško*) к. 23 'мясо теленка'; ęer-ur-ьk-a (*ču'rupka*) к. 41 'скорлупа' (яйца); (ikindi)-j-a (*ikin'dija*) к. 61 'полдник';

чешские диалекты: žęd-j-//п-ъ (*ži:žęň*) к. 9 'желание, потребность пить'; skor-ov-O (subst) (*skopovi:*) к. 24 'мясо барана';

словацкие диалекты: ľęv-ik-ъ (*ľęvik*) к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом'; (olovrant)-ъ (*olovrant*) к. 61 'полдник';

польские диалекты: prag-ьп-ен-ьj-е (*pragńęne*) к. 9 'желание потребность пить'; ob-krux-y (*okruxi*) к. 19 'крошки' (хлеба); //aj-o (*jaj*) к. 39 'яйцо'; got-u-j-e-ть <se> (*gotuje še*) к. 47 'кипит' (вода); (kolacij)-a (*kolacja*) к. 62 'ужин';

украинские диалекты: ob-kror-ъ (*ok'r'ip*) к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'; сьп-ęd-ан-ьk-ъ (*sn'i'danok*) к. 58 'завтрак'.

Однако особенно ярко это лексическое своеобразие проявляется в **русских диалектах**.

Количество отличительно характеризующих русские диалекты эксклюзивных лексем во много раз превышает их число в любом из диалектов Славии³, ср., например, такие лексемы, как:

vod-o-nos-ъ (*vodo'nos, vada'nos*) к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; для сравнения в польских диалектах для обозначения коромысла используются лексемы nos-i-dl-a (*nos'idya, nošidła*), nos-i-dl-ьk-y (*nošijk'i, nošilk'i*), šand-y (*šandy, šuńdy*); в сербских – ob-orm-ic-a (*ob'ramica*), ob-orm-ьп-ic-a (*óbramenica*), сьбьг-ьп-j-ak-ъ (*čab'gnak, čęb'gnak*), в болгарских – kobył-ic-a (*ku'bilica, ko'bilica*), в чешских и словацких – vag-y (*va:hi, wa:hi*), važ-ьk-y (*vaški, va:ške*) и др.;

prost-ъ (*pros'toj*) к. 3 'пустой, незаполненный'; для сравнения в польских и восточнославянских диалектах распространены лексемы rust-ъ

---

³ В связи с этим интересно отметить, что русский язык выделяется среди всех остальных славянских языков и тем, что в нем больше всего сохранилось отличительно характеризующей его праславянской лексики, ср.: «Наибольшую лексическую специфичность по отношению к праславянскому лексическому фонду обнаруживает русский язык: почти четыре процента его праславянской лексики не встречается ни в одном другом славянском языке» (Журавлев 1994: 118). Причина этого, по мнению исследователя, кроется в «достаточно раннем диалектном обособлении, в раннем осознании себя носителями данного идиома как выделенной этнической общности, в давней историко-культурной традиции, включающей собственную письменность и т.п.» (Там же).

(плс. *pusty*; блр. *pus'tyj*; укр. *pus'tyj*; рус. *pus'toj*); роґџ-ьп-ь (плс. *prožny*; блр. *pa'rožn'ij*; укр. *po'rožn'ij*; рус. *po'rožn'ij*, *pa'rožnyj*); в южнославянских – лексема роґзд-ьп-ь (слн. *p'razen*; хрв. *prǎ:zan*; серб. *p'ra:zan*; мак. *prazen*; блг. *p'razen*);

воґп-ьк-а (*vo'ronka*, *va'ronka*, *və'ronka*) к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом'; для сравнения в хорватских и сербских диалектах распространена лексема лѣв-ьк-ь (хрв. *lè:vak*; серб. *lije:vak*), в польских лѣј-ьк-ь (*l'ejek*), в словенских, хорватских, чешских и словацких – лексемы трахтер-ь, трихтер-ь (слн. *trá:xtar*; хрв. *t'rgxtar*; чеш. *traxtir*, *trixti:r*; слц. *traxta:r*); в сербских, македонских и болгарских – лексемы хун-иј-а, хун-ьк-а (серб. *vu'nija*, *ì:nka*; мак. *u'nija*, *inka*; блг. *vu'nija*, *'finka* и др.);

коґд-а (*ko'łodə*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; рѣлт-ух-а (*polo'tuxə*); кваš-еп-ьк-а (*kva'sonka*); для сравнения в южнославянских, за исключением словенских, и восточнославянских диалектах распространена лексема пькт-ьв-а (хрв. *'ničve*; серб. *nǎčve*; мак. *'nočvi*; блг. *'nǎvi*), в словенских, чешских, польских, украинских – лексема пькт-ьк-а (слн. *'nǎka*; чеш. *necki*; плс. *ńecka*; укр. *'necky*); в польских – лексемы кор-ап-ј-ь (*kopań*), кор-ап-ьк-а (*kopańka*); в словацких – лексема ваґап-ь (*vahan*);

гѣґб-ух-а (*gor'buxa*), гѣґб-уш-а (*gar'buša*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; гѣґб-уш-ьк-ь (*gorbu'sok*); гѣґб-ьк-ь (*gor'bok*); кром-ьч-ьк-а (*k'romočkə*); для сравнения в словенских диалектах употребляется лексема крај-ьс-ь (*krajc*), в хорватских – лексемы об-крај-ьк-ь (*ok'ra:jak*), сь-крај-ьс-ь (*sk'rgjec*); в сербских – об-крај-ьк-ь (*ókrajak*), крај-ьк-а (*kràjka*); в македонских и болгарских – лексема крај-итј-ьп-ик-ь (*krai-šnik*, *k'raešnik*); в чешских – сь-кroj-ьк-ь (*skrojek*), рѣт-ьк-а (*patka*); в словацких – сь-кroj-ьк-ь (*skrojek*); в польских – лексемы сь-крај-ьк-а (*skrajka*), рѣт-ьк-а (*pśantka*);

svěž-in-a (*sv'ežy'na*, *s'v'ažy'na*, *s'v'ižy'na*) к. 21 'мясо свиньи'; в восточно- и южнославянских диалектах распространены дериваты с корнем *svin-* (*svin-in-a*, *svin-ət-in-a*, *svin-ev-in-a*); в словенских, хорватских и сербских диалектах – с корнем *porš-* (*porš-ət-in-a*, *porš-ьč-ev-in-a*); в чешских и польских – с корнем *vepr-* (*vepr-ev-in-a*, *vepr-ev-o*); в словацких и чешских – с корнем *bořv-* (*bořv-ьč-ov-in-a*)

žig-ь (*žyr*) к. 27 'подкожный слой жира в свинине'; в южнославянских языках, а также в словацких, польских, белорусских и украинских диалектах широко распространена лексема соґп-ип-а (слн. *slǎning*; хрв.

sla'nina; серб. *slánina, slanína*; мак. *slanina*; блг. *sla'nina, sla'ninǝ*, плс. *słonińa*; блр. *solo'nyńa*; укр. *solu'nyńa*); в словенских, хорватских, польских и русских – заимствованная из немецкого языка лексема *špek-ъ* (слн. *špek*; хрв. *špek*; плс. *špek*; рус. *šp'ik*); в польских диалектах – лексема *ob-kras-a* (плс. ^h*okrasa*) и т.д.;

škvar-y (*šk'varы*); *švar-ъč-ъk-y* (*švirc'k'i, š'vyrč'k'i*); *ob-švar-ъč-in-y* (*oš'varč'iny, oš'varč'iny*); *žar-uš-ъk-y* (*žy'rušk'i*); *žar-en-ъk-a, žar-en-ъk-y* (*ža'rǝnka, žy'rǝnk'i*); *ob-top-ъk-y* (*o'topk'i*); *vy-top-ъk-y* (*'vytopk'i*); *ob-šur-ъk-y* (*o'šurk'i*); *krš-ъk-y* (*k'rošk'i*); *čer-uš-i* (*'c'irušy*); *čer-uš-ъk-y* (*č'e'rušk'i, 'c'irušk'i*); *šeleg-a, šeleg-y* (*še'leg'i, ša'le'ga*) к. 30 'пережаренные кусочки сала'; в сербских и хорватских диалектах распространены лексемы *čvar-ъs-i, čvar-ъk-y* (*čvá:rci, čvá:rki*); в словенских и хорватских – лексемы *ob-cvir-ъk-y* (*oc'viri:ki, oc'virki*); в болгарских – лексема *pъž-ъk-y* (*p'rǝžki*); в македонских – *žym-er-ъk-y, žym-ir-ъk-y* (*žmirki, žemerki*);

u-stoj-ъ (*us'toj*); *pri-var-ъk-a* (*pri'varka, pr'i'vark'i*) к. 31 'пенка' (на молоке); в сербских и хорватских диалектах – лексема *skog-up-ъ* (*š'koru:p, škòru:p*); в чешских – *skog-o-lup-ъ* (*škraloyp*); в словацких – *kož-a, kož-ъk-a* (*koža, koška*); в словенских и болгарских – лексема *съ-met-an-a* (*s'mǝ:tana, sme'tana*); в сербских, македонских и болгарских – *kajmak-ъ* (*kájmak, kaj'mak*);

сyr-ъ (*сыr*); *smol-a* (*sma'la, smǝ'la*); *сyr-o meļk-o* (*сы'ro moło'ko*) к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; в болгарских диалектах – лексема *korast-ъv-a* (*ku'lastra*); в македонских – *kolastr-a* (*kulestra*); в сербских и хорватских диалектах – *gruš-al-in-a* (*grúšalina, grúša:lina*); в словенских, хорватских, сербских, чешских и словацких – лексемы *meļz-iv-o, meļz-iv-a* (слн. *mlè:zva*, хрв. *m'leživo, m'liziva*; серб. *mlē:zivo*; чеш., слц. *mlezivo*);

prost-o-kyš-a (*prasto'k'iša, prǝsto'k'iša*); *prost-o-kvaš-ъk-a* (*prǝsta'kvaška*); *kvašen-ъk-a* (*kva'šonka, kva'šonkǝ*) к. 35 'сырое кислое молоко'; у большинства южных и западных славян – это понятие передается описательной конструкцией типа *кys-ěl-o meļk-o* (*'kiseło m'leko*);

върš-ъk-ъ (*v'er'šok*); *съ-liv-ъk-y* (*s'l'ifk'i*); *u-stoj-ъk-ъ* (*us'tojik, us'tojok*) к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана'; в большинстве славянских диалектов употребляется лексема *съ-met-an-a*; в словацких – *съ-met-an-ъk-a* (*smetańka*); в сербских – *pa-vǝlk-a* (*pǝvlaka*); в хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах – лексема *kajmak-ъ* (*kájmak*);

ра-уѣ-ѣп-а (*'paužna, 'pavžna*) к. 59 'обед, еда в дневное время'; кроме лексемы об-ѣд-ъ, распространенной во всех славянских языках, в словенских, хорватских, сербских, болгарских диалектах употребляется лексема уѣ-ин-а (слн. *jǎži:na*; хрв. *'južina*; серб. *užina*; блг. *'južina*); в словенских – *kqs-i-dl-o (kosi:lo)*; в сербских, македонских, болгарских диалектах – лексема *гѣ-ѣк-ъ* (серб. *ru:čak*; мак. *'ručuk*; блг. *ru'čak*);

ра-уѣ-а (*'pauža*); ра-об-ѣд-ъ (*'pab'et, 'pab'at*); ра-об-ѣд-ѣк-ъ (*'pab'edok, 'pab'adok*); подъ-вѣчер-ѣк-а (*podv'e'č'orka*); *kqs-ov-ѣп-ик-ъ (ku'sovn'ik)*; *per-xvat-ѣк-а (p'er'ex'vatkə)* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; в южнославянских языках употребляется лексема *уѣ-ин-а ('južina)*; в чешских диалектах – *svač-in-a (svačina)*; в словацких – *olovrant-ъ (olovrant)*, *пеѣрог-ъ (nešpor)*; в польских – лексема *родъ-вѣчер-ѣк-ъ (podv'ecorek)*;

вѣчер-ис-а (v'a'č'er'icə) к. 62 'ужин, вечерняя еда'; во всех славянских диалектах употребляется лексема *вѣчер-ј-а*; в польских диалектах, кроме того, лексема *kolacij-a (kolacyja)*; в русских и белорусских – лексема *уѣ-ин-ъ ('užyn, 'vužyn)*;

хѣрѣ-ъ (xo'rošoj, xo'rošaj); *сѣ-кqs-ѣп-ъ (s'kusnyj, s'kusnaj)* к. 65 'вкусный' (о еде), кроме лексемы *вѣ-кqs-ѣп-ъ*, распространенной в восточно- и южнославянских языках, в македонских и болгарских диалектах употребляется лексема *хуб-ав-ъ (ubaf)*; в словенских, хорватских, сербских, болгарских, чешских, лужицких, польских, украинских диалектах – лексема *добг-ъ*; в чешских и словацких – лексема *хѣт-ѣп-ъ* (чеш. *xutnej, xutny*; слц. *xutni*); в болгарских – *бѣлг-ъ (blak)* и т.д.⁴

Понятно, что эти эксклюзивные лексемы образовались в русских диалектах не вчера и не сегодня. Многие из них сформировались в глубокой древности, однако их жизнь продолжается и в настоящее время. Это, как правило, лексемы, отличительно характеризующие говоры севернорусского наречия. Они имеют так называемые «маргинальные» ареалы, которые довольно равномерно расположены в периферийных областях севернорусского наречия. Эти ареалы имеют обычно неровные контуры границ, что в соответствии с теорией лингвогеографии, свидетельствует об архаичном характере данной лексемы, оттесненной «иррадиацией волн» из центра на периферию. Такой тип ареала характеризует, например, лексему *prost-ъ (pros'toj)* на к. 3 'пустой, ненаполненный', распространенную в архангельских, вологодских и костромских говорах. На ее былое существование в русском языке

---

⁴ Ограниченный объем статьи позволил привести лишь некоторые русские эксклюзивы (более полный их список см. в Вендина 2009).

указывают памятники древнерусской письменности, ср.: простыи 'пустой' – Срезн. II: 1583).

Особенно много архаичных эксклюзивных лексем среди тех, которые выделяют диалекты того или иного славянского языка в рамках их языковой группы, но при этом они находят продолжение в диалектах других славянских языков, ср., например, распространение русской эксклюзивной лексемы *porzd-ьп-ъ* (*po'roznoj*) к. 3 'пустой, ненаполненный', которая зафиксирована в севернорусских (архангельских и вологодских) говорах, в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских, тверских), а также широко представлена в южно- и западнославянских языках. Обширный ареал этой лексемы, представленной в диалектах всех трех славянских языковых групп, наличие ее в памятниках древнерусской письменности (ср. порозьныи 'свободный, пустой' Срезн. II: 1212), свидетельствует в пользу ее праславянской древности.

Однако среди эксклюзивных лексем немало и таких, которые сформировались значительно позднее, т.е. они являются уже фактом собственной истории тех или иных диалектов (ср., например, распространение в русских диалектах таких лексем, как *gъrb-uš-ьk-a* (*gor'buška*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *ob-čist-ьk-y* (*o'č'istk'i*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *už-in-ь* (*užын*) к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *vor-n-ьk-a* (*vo'ronka*) к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': ареалы этих эксклюзивов характеризуется высокой плотностью, контуры их являются практически ровными (часто совпадающими с государственными границами России), что в соответствии с теорией лингвогеографии, свидетельствует об их сравнительно позднем образовании.

На позднее образование многих русских эксклюзивов указывает и их словообразовательная структура: в большинстве своем они представлены производными лексемами (ср. *kvaš-en-ьk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *u-stoj-ьk-ь*, *sъn-jьm-ьk-ь*, *sъn-jьm-ьk-y* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *gъrb-ьk-ь*, *gъrb-ьč-ьk-ь* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-ux-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *žьlt-yš-ь*, *žьlt-yš-ьk-ь*, *žьlt-yš-ьk-o* к. 43 'желтая часть яйца'; *kor-in-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *per-xvat-ьk-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда' и т.д.), что само по себе является свидетельством их позднего происхождения, так как лексемы, структура

которых в словообразовательном отношении «является прозрачной, оказываются более поздними» (Климов 1990: 122).

Обращение к древнерусским словарям подтверждает это предположение, так как большинство из приведенных выше эксклюзивных лексем либо отсутствует в памятниках древнерусской письменности (ср., например, такие лексемы, как *svěž-in-a* к. 21 ‘мясо свиньи’; *škvar-y* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’; *u-stoj-ь* к. 31 ‘пенка’ (на молоке); *pa-už-ьn-a* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; *pa-už-a* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’; *kvaš-ьn-j-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’; *ob-top-ьk-y* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’; *u-stoj-ь*, *сьn-jьm-ьk-ь*, *сьn-jьm-ьk-y* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’; *gьrb-uš-a*, *gьrb-uš-ьk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’; *kraj-uš-ьk-ь*, *kraj-uš-ьk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’; *meľz-ьj-e*, *meľz-ьj-a*, *moľd-ьj-e* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’; *prost-o-kyš-a*; *kyš-ьl-ux-a*, *kyš-ьl-uš-ьk-a* к. 35 ‘сырое кислое молоко’; *сь-sěd-yš-ь* к. 35 ‘сырое кислое молоко’; *skor-ьk-a* к. 41 ‘скорлупа’ (яйца); *žьlt-yš-ь*, *žьlt-yš-ьk-o* к. 43 ‘желтая часть яйца’; *ob-lup-ьk-a* (-y) к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’; *pa-už-in-ь*, *pa-už-in-a*, *pa-už-in-ьk-a*, *pa-už-in-ьk-y*, *pa-už-in-ьk-ь*, *pa-už-ьn-a* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’; *pa-ob-ěd-ь*, *pa-ob-ěd-a*, *pa-ob-ěd-ьk-ь* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ и т.д.), либо фиксируется в ином значении (ср., например, лексемы *ključ-ь* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ и др.-рус. ключь ‘источник, родник’ – Срезн. I: 1233; СРЯ XI-XVII 7: 187; *vod-o-nos-ь* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ и др.-рус. водоносъ ‘ведро’ Срезн. I: 278; *žьlb-ь* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ и др.-рус. желобъ ‘желоб’ Срезн. I: 849; *skot-ьn-ic-a* к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ и др.-рус. скотьница ‘казнохранилище’ Срезн. III: 388; *vьrš-ьk-ь* к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ и др.-рус. вьршькъ ‘верх, верхушка’ Срезн. I: 468; *koľd-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ и др.-рус. колода ‘толстое бревно’ Срезн. I: 1255; *žir-ь* к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ и др.-рус. жирь ‘богатство’ Срезн. I: 875; *сьr-ь* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ и др.-рус. сырь ‘творог, сыр’ Срезн. III: 876; *smol-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ и др.-рус. смола ‘древесный сок’ Срезн. III: 445; *хорь-ь* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) и др.-рус. хорошии

‘красивый, прибранный’ Срезн. III: 1388; *sěra* ‘смола (сок) хвойных деревьев’ к. 33 SM *sěra* и др.-рус. *сѣра* ‘жир’ Срезн. III: 899 и др.).

Таким образом, материал Общеславянского лингвистического атласа свидетельствует о том, что в диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава. Одни лексические единицы с течением времени теряют свою образность и свежесть и уходят на периферию, тогда как на их место приходят другие, более яркие и выразительные.

О жизнестойкости диалектов, и в частности лексических диалектизмов, свидетельствуют и материалы национальных атласов славянских языков, особенно лексических атласов.

В качестве иллюстрации можно привести ситуацию в русских диалектах, отраженную на картах «Лексического атласа Московской области» А.Ф. Войтенко. Находясь в непосредственной близости к крупнейшему административному и культурному центру, способствующему утрате или нивелировке диалектных особенностей, эти говоры как будто бы должны были давным-давно исчезнуть, однако они довольно хорошо сохранили свою лексику, демонстрируя жизненную силу, богатство и образность народного языка (ср., например, такие диалектизмы подмосковных говоров, как *'пулька* ‘постройка для хранения мякины’ (ю.-зап.), *тво'рило* ‘подъемная дверь в погреб’ (юг), *'голбец* ‘деревянная пристройка к печи в виде лежанки’ (сев.), *ро'гач* ‘ухват’ (ю.-вост.), *на'ливка* ‘половник’ (зап.), *ста'вок* ‘подставка для лучины’ (сев.-вост.), *'полденка* ‘ведро, в которое доят корову’ (сев.-зап.), *сна'ряда* ‘одежда’ (вост.) и др.). И если это богатство сохранилось в условиях наименее «благоприятных» для выживания диалектного слова, то есть надежда его обнаружить в местах удаленных от центра.

Справедливость этого предположения доказала развернувшаяся работа по созданию «Лексического атласа русских народных говоров» (материалы для которого собирались в полевых экспедициях в 80-90 гг. XX в.).

Карты этого атласа демонстрируют довольно хорошую сохранность лексических диалектизмов (ср., например, распространение таких лексем, как *'бекин*, *мысь* к. ‘белка’; *би'рюк*, *б'ирю'чина* к. ‘большой медведь’; *бача'жинник*, *ба'чажник* ‘густые заросли кустарника’; *'гайна*, *'гойна*, *гай'но*, *'гайно*, *'гойно гар'на*, *гар'но*, *гnez'до*, *гnez'довье* к. ‘нора небольшого зверя’; *голо'щѣка*, *е'лань*, *между'лесица*, *между'лесье*, *палес'тина*, *палес'тинка* к. ‘поляна, открытое место в лесу’; *'поред*, *поред'няк*, *'поредь*, *по'редье* к. ‘редкий лес’; *ла'донь* к. ‘типы гумен’; *бздун*, *бздух*, *бздюль*, *бздюх*, *тхорь*, *отхорь* к. ‘хорь’; *на'возник*, *навоз'няк*; *пече'рик*, *пече'рика*,

---

пече'рица, пече'ричка; *печу'рица* к. 'шампиньон'; *виш*, 'вишарь, *кур'жа, 'куржавень, кур'жавина, кур'жак, 'куржева, курже'ва, 'куржевень, курже'вень, 'куржевина, кур'жевина, курже'вина, 'куржовина, кур'жовина* к. 'иней'; *аре'ма, а'рема, берег'няк, бере'говик, берего'вина, бере'жина, бе'режник, береж'ник, береж'няк, 'займище, ле'вада, озе'рина, 'наберега, побе'режина, подбе'режник, при'бережник, прибреж'ник, прибреж'няк, ре'ма, уре'ма, у'рёма* к. 'лес, растущий по берегам рек, озер' и др.), причем многие из этих диалектизмов были зафиксированы впервые, ибо их нет даже в таких солидных изданиях, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и академический «Словарь русских народных говоров», ср., например, такие лексемы, как *ле'шак, лесо'вик* к. 'медведь'; *голо'щека, про'гал, про'галина* к. 'поляна'; *бер'ла, вер'лог, за'лежина, 'лежа* к. 'берлога'; *виш, 'инега, 'оморозь* к. 'иней' и т.д.

Несмотря на то, что после выхода в свет словаря В.И. Даля прошло более ста пятидесяти лет, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия, что особенно ярко проявляется в наличии в них таких слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (ср., например, лексемы, представленные на карте 'густые заросли кустарника': *ба'чажник, гус'тарник, 'зарастель, кус'тарицина, па'лежник, чапа'рыжник, час'тельник* и др.).

Следует отметить, что эта ситуация не является исключительной. Материалы Общеславянского лингвистического атласа также показали, что во всех славянских диалектах, в пунктах, непосредственно прилегающих к столице того или иного государства, часто фиксируются диалектные, а не литературные лексемы, см., например, следующие карты:

словенские диалекты (пп. 8, 9): к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' диал. *stern-a* (*š'tǝ:ɾna*) при лит. *vodnjak*, к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' диал. *lij-ъ* (*li:j*), *traxter-ъ* (*trá:xtar*) при лит. *lijak*; к. 58 'завтрак, утренняя еда' диал. *fruštik-ъ, fruštik-ъ* (*frù:štk, frù:štək*) при лит. *zajtrk*; к. 65 'вкусный' (о еде) диал. *dobr-ъ* (*dǝ:bǝ*) при лит. *okusen* и т.д.

хорватские диалекты (пп. 28, 29): к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' диал. *traxter-ъ, trixter-ъ* (*trakti:r, t'ɾaxtiǝ*) при лит. *lijevak*; к. 39 Nsg (j)aje диал. *aj-ъc-e* (*jǝ:j'ca, je'cǝ*) при лит. *jaje*; к.40 *dem.* (j)aje диал. *aj-ъč-ъc-e* (*jajčece*) при лит. *jajašce*; к. 58 'завтрак, утренняя еда' диал. *fruštikel-ъ* (*fruštikel*) при лит. *doručak*; к. 65 'вкусный' (о еде) диал. *dobr-ъ* (*do'ber*), *žmax-ъп-ъ* (*ž'mǝxen*) при лит. *ukusan* и др.

сербские диалекты (пп. 54, 63): к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' диал. *kraj-ъk-a* (*kraǝjka*), *kraj-ik-a* (*kra'ika*) при лит.

окрајак; к. 30 'женщина, которая доит коров' диал. stan-ar-a, stan-ar-ic-a (*sta'nara, stanárica*) при лит. музильа; к. 48 'горячий' (о воде) диал. vьr-qt-j-ь (*vri:ć*) при лит. врео и др.

македонские диалекты (пп. 95, 100): к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' диал. kraj-itj-ьп-ik-ь (*kraišnik, kraešnik*) при лит. крајче; к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' диал. kog-a, kog-ьк-а (*kora, korka*) при лит. кајмак; к.65 'вкусный' (о еде) диал. хub-av-ь (*ubaf*) при лит. вкусен и др.

болгарские диалекты (пп. 117, 118): к. 48 'горячий' (о воде) диал. žež-ьк-ь (*žeška*) при лит. горещ; к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' диал. ěd-j-ep-ьj-е (*'jeden 'e, 'jaden 'e*) при лит. храна; к.65 'вкусный' (о еде) диал. boĭg-ь (*blag, blak*) при лит. вкусен и др.

чешские диалекты (пп. 177, 186): к. 26 'жирный' диал. tьst-ь (*tlusti:, tlustej*) при лит. tučnų; к. 31 'пенка' (на молоке) диал. ob-tap-ьк-ь (*vota:pek*), сь-vьrš-ьк-ь (*svršek*) при лит. škraloup; к. 65 'вкусный' (о еде) диал. dobr-ь (*dobrej*) при лит. chutnų и др.;

словацкие диалекты (пп. 209, 210): к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' диал. сь-kroj-ьк-ь (*skrojek*) при лит. krajík, konček; к. 26 'жирный' диал. tьst-ь (*tusti:, tьsti:*) при лит. mastnų, tučnų; к. 48 'горячий' (о воде) диал. vьr-ěl-ь (*vreči:, vreli:*) при лит. horúci; к. 58 'завтрак, утренняя еда' диал. fryštuk-ь (*frištuk*) при лит. gañajku и др.

польские диалекты (пп. 284, 285): к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' диал. ped-у (*pydy*) при лит. nosidła; к. 42 'белая часть яйца' диал. běl-ьк-ь (*bjačtek, by'аček*) при лит. białko; к. 43 'желтая часть яйца' диал. žьlt-ьк-ь (*žučtek, zočtek*) при лит. żółtko и др.;

белорусские диалекты (пп. 348, 358): к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' диал. stud-ьп-ьj-а (*s'tudn'a*) при лит. калодзеж, калодзезь; к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' диал. koгm-y-sl-a

что употребляется в пищу людьми, еда' диал. ěd-а (*ji'da*) при лит. ежа; к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' диал. poď-večer-ьк-ь (*paďv'a'čorak*) при лит. полудзень и др.

украинские диалекты (пп. 459, 460): к. 31 'пенка' (на молоке) диал. рѣп-а (*'p'ina* п. 459), plěv-ьк-а (*p'l'ička*) при лит. шкірка, кожушок; к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' диал. lušp-aj-ьк-а (*tuš'pajka*) при лит. лушпиння; к. 58 'завтрак, утренняя еда' диал. сьп-ěd-ан-ьj-е (*s'n'idan'e*) при лит. сніданок и др.

Широкомасштабное лексикографическое и лингвогеографическое изучение диалектов во всех славянских странах, начавшееся с середины XX в., развернувшаяся работа по созданию диалектологических атласов показали ошибочность утверждений об отмирании диалектов в условиях социальной интеграции, так как обнаружили огромные пласты хорошо сохранившейся диалектной лексики.

Это хорошо видно, например, на картах опубликованного недавно «Словенского лингвистического атласа» (Slovenski lingvistični atlas. Ljubljana 2011), большая часть материала которого собиралась в XX в. (последняя запись датируется 2011 г.). Многие карты этого атласа изобилуют диалектизмами, при том, что литературные лексемы имеют лишь небольшие ареалы (см., например, карту 22 ‘ustnice’ (губа), на которой наряду с литературным названием *ustnice* широко представлены диалектизмы *žnablja*, *žnabljica*, *šobec*, *šobica*, *trobec* и др.; или к. 94 ‘šerav’ (косой), где наблюдается лексическая вариативность лексем *šepast*, *kruljav*, *čotast*, *šajtrav*, *krampast*; или к. 110 ‘stara mati’ (бабушка), на которой литературной описательной конструкции соответствуют диалектные формы *babica*, *nona*, *mati*, *starica*, *starika*, *nunica*, *baka* и др.; или к. 124 ‘mož’ (муж), на которой представлены обширные ареалы таких диалектных лексем, как *ded*, *deda*, *dedec*, *moj*, *naš*, *on*, *sam*, *človek* и др.

Таким образом, и национальные атласы славянских языков, и Общеславянский лингвистический атлас свидетельствуют о консервативности славянских диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость славянских диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствует консервации отдельных узколокальных лексем, что ведет к появлению эксклюзивов. Более того, наличие эксклюзивных образований свидетельствует не только о высокой степени сопротивляемости славянских диалектов, но и об их саморазвитии, так как возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов⁵.

---

⁵ Не могу в связи с этим не привести мнение исследовательницы Г.М. Курбангалеевой много и успешно занимающейся русскими диалектами в иноязычном окружении, в частности, на территории Башкирии. Говоря о динамике их системы, отмечая наличие конструктивных и деструктивных факторов (контакты с другими иноязычными системами, с литературным языком, иноязычное давление, исчезновение населенных пунктов, физическое уничтожение носителей диалекта), автор, тем не менее, приходит к выводу о том,

В этой связи закономерно встает вопрос: в чем причина этой лексической устойчивости диалектов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славян-ских странах?

Ответ, по-видимому, следует искать в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия.

Так, в частности, анализ русской диалектной языковой модели мира (подробнее см. Вендина 1998) показал, что в отличие от литературного языка она имеет иную номинативную логику и соответственно отражает

что «систему диалектной лексики отличает большой запас прочности, стабильности». Это связано с действием двух противоположных тенденций. «С одной стороны, стремление к постоянному обновлению, словотворчеству, достижению максимальной точности и наибольшей выразительности...» С другой стороны, стремление к сохранению старого, консерватизм (не случайно в диалектах сохраняется так много архаичной лексики, своими корнями уходящей не только к древнерусскому периоду, но и праславянскому). Поэтому «процесс утраты устаревших слов идет гораздо менее интенсивно, чем в литературном языке: выходят в пассивный запас прежде всего слова и выражения, потерявшие свою материальную основу..., связанные со старым укладом жизни, старыми орудиями труда и материального производства, при этом некоторая часть подобной лексики сохраняется и подвергается переосмыслению. Действие и противодействие обеих этих тенденций придают диалектной лексике, как и системе диалекта вообще, структурную устойчивость» Несмотря на проникновение новых элементов из литературного языка или из других диалектных систем и языков, диалектная система не утрачивает своей устойчивости, поскольку «новые для системы элементы в течение длительного времени сосуществуют со старыми, исконными для старой системы, порождая ее повышенную вариативность. И эта возможность длительного сосуществования старых и новых вариантов – одна из важнейших особенностей диалектных лексических систем» (Курбангалеева: 2008: 85-86). Ср. также следующее мнение исследователей, которые пришли к сходному выводу, исследуя донские казачьи говоры Волгоградской области: «Особенности внутренней организации диалектных систем препятствуют интенсивному их разрушению. Именно поэтому, несмотря на активное воздействие литературного языка, современные говоры сохраняют многие архаические черты» (Орлов, Кудряшова 1998: 5); или вывод из диссертационной работы Недоступовой Л.В., которая описывая говор поселка городского типа Таловая (14 тыс. жителей) Воронежской области, приходит к выводу о том, что «диалект существует и продолжает развиваться даже при функционировании его в условиях районного центра» (Недоступова АКД 2013: 20).

иную классификацию человеческого опыта, так как ее когнитивная сетка, «набрасываемая» на окружающий мир, оказывается более густой. Необходимость понятийного расчленения того или иного семантического пространства диалектной картины мира продиктована самой логикой организации традиционной духовной культуры. Лексическая детализация ее языка связана с реальной практической потребностью диалектоносителей (так, например, для носителя литературного языка неважно, какие последствия для сельского хозяйства повлечет за собой дождь, а для крестьянина — важно, отсюда лексемы *сеногной* ‘мелкий продолжительный дождь во время сенокоса’ Тобол., Тюмен., Курган., Том., Кемер., Иркут., Хабар., Свердл., Перм., Яросл., Арх., Карел., ●лон., СРНГ 37: 170; или *огуречник, огуречничек* ‘теплый грибной дождь в конце июня’ ●рл., СРНГ 22: 365). Как видно из приведенных примеров, эти диалектные лексемы не имеют в литературном языке однословных соответствий, а передаются описательными конструкциями, т.е. номинативные принципы освоения этой семантической сферы литературного языка здесь просто не работают.⁶ Поэтому диалектная категоризация мира отличается от литературной, т.е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир.⁷ В них ярко выражена зависимость от внешних условий бытия, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцеллирование объектов познания, антропоцентризм и субъективизм. При этом «сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности» (Петренко, 1988: 12), т.е. объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности. Поэтому это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, в котором

---

⁶ Ср. в связи с этим пример, который приводит в своей статье В.Н. Шапошников. Говоря о нормализаторской и унифицирующей установке местной прессы (г. Шуя, бывш. Владимирская губ.), автор отмечает и сохранение в ней многочисленных диалектизмов (таких, например, как *лавы* ‘легкий сезонный мост через реку’, *мытилка* ‘род плота для полоскания белья в реке’), которые «являются неотъемлемым элементом письменной и электронной прессы, так как обозначаемые ими реалии являются существенной частью хозяйственного ландшафта, а потому они являются устойчивыми компонентами языкового сознания» (Шапошников 1999: 53).

⁷ Не случайно крупнейший немецкий диалектолог Й. Л. Вайсгербер дал такое определение диалекту: «Диалект есть языковое освоение родных мест» (Weisgerber 1956: 7)

семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для крестьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Кроме того, диалектная картина мира отличается от литературной «своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией... Поэтому диалектоноситель иначе “ословливает” окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их» (Радченко 2004: 25). Не случайно известный немецкий диалектолог Ф. Штро, говоря о соотношении диалекта и литературного языка, отмечал: «Диалект рисует в красках то, что литературный язык представляет лишь в общих очертаниях» (Stroh 1931: 247). Это своеобразие диалектной номинативной логики лексической параметризации окружающего мира делает их устойчивыми к внешним влияниям, позволяет «без перерождения выдерживать напор этих влияний» (Потебня 1905: 175) и противостоять интеграционным процессам, ср. в связи с этим точку зрения Л.Э. Калнынь, которая, исследуя этот процесс на фонетическом материале, пришла к сходным выводам: «Разного вида контакты, в которые вступают русские диалекты с литературным языком, не приводят к устранению диалекта ни путем его замены стандартной формой, ни путем его включения в диалектно-литературное двуязычие... Диалекты, существующие в условиях территориальной и временной преемственности, вопреки официальной языковой политике демонстрируют структурную устойчивость (консерватизм), естественно присущую живому языку. Это заставляет с сомнением относиться к тезису, согласно которому русские диалекты в современной языковой ситуации якобы занимают периферийное место, отведенное языковым реликтам» (Калнынь 1997: 119, 123).

Следует, однако, отметить, что все эти факты нельзя абсолютизировать. Процессы нивелировки диалектов под влиянием, прежде всего, социальных факторов, конечно, протекают. Об этом свидетельствует и изменение образа жизни деревни (и здесь немалую роль играет процесс индустриализации общества), и сужение круга диалектоносителей, и высокий процент среди них образованных людей, и утрата прежней социально-демографической и территориальной замкнутости, локальной

ограниченности, и отсутствие социальной коммуникативной престижности диалекта, и т.д.

Нельзя не учитывать и фактор влияния литературного языка. Однако, не отрицая значимости этого фактора, следует признать, что «диалекты и литературный язык представляют собой разнопорядковые явления, взаимодействие которых вряд ли можно интерпретировать столь упрощенно. Тем более, если учесть, что значительная часть сельского населения является лишь пассивным, а отнюдь не активным пользователем литературного языка. Это означает, что уровня их языковой компетенции вряд ли достаточно для порождения корректного с точки зрения литературной нормы текста» (Нещипенко 2003: 170).

Можно ли противостоять процессам разрушения диалектов? Думается, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным.

Оптимизм вселяет, прежде всего, сама лексическая система диалекта, с ее своеобразной номинативной логикой когнитивного освоения мира. Диалект – это такой же язык, как и любой другой, обладающий свойствами социальной предназначенности, выполняющий коммуникативную, когнитивную и эпистемическую функции. Благодаря этим функциям осуществляется межгенерационная диахроническая трансляция духовных ценностей, достигается духовная преемственность нации, сохраняется этническое самосознание, стабильность этнической традиции.

Необходимо принять во внимание и такую важную особенность диалектов, как их консерватизм. Сочетание в лексической системе диалекта двух прямо противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему диалектов во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую. И это хорошо видно на картах Общеславянского лингвистического атласа, которые продемонстрировали высокую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

Поэтому пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будут существовать и диалекты. В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф. де Соссюра, говорившего о том, что «нельзя найти в самом языке возможности прекращения его существования, только случайное событие, насилие или непреодолимая высшая сила внешнего характера могут уничтожить его» (Соссюр 1990: 17).

Оптимизм поддерживает и получающая в последнее время все более широкое распространение точка зрения на диалекты как на особую систему, равноположенную литературному языку, отказ от принципа субординативного построения модели национального языка как литературноцентрической (см. прежде всего работы Г.П. Нецименко). «Статус диалекта как гносеологического феномена следует рассматривать как зависимую от конкретной диалектной и культурной ситуации в данной стране характеристику. Это позволяет отказаться от распространенных суждений о диалекте как о «подсистеме», «варианте конкретного языка», «вымирающем явлении», «реликте прежних эпох» и т.п. Этим суждениям следует противопоставить рассмотрение каждого диалекта как уникального пути освоения действительности, подлежащего как можно более тщательной фиксации и осмыслению в рамках консервативной диалектографии» (Радченко 2004: 25).

Оптимизм поддерживает не только сама система языка, но и механизмы его усвоения. Отмечено, что среди диалектоносителей выделяются в основном две генерационные группы – дети и люди пожилого возраста. Однако, как показали исследования, навыки владения диалектной речью подсознательно сохраняются и у представителей среднего поколения даже тогда, когда они становятся активными пользователями литературного языка. В старости эти навыки снова актуализируются, и среднее поколение вновь возвращается в лоно своего диалектного языка, ср. в связи с этим следующее замечание Л.Э. Калнынь: «Отражение того, насколько традиционная лексика глубоко сохраняется в подсознании носителей диалекта можно видеть в таком явлении, как реставрация диалектных слов в речи носителей диалекта преклонного возраста, ранее освоивших литературный язык, возвращение, казалось бы, утраченных в речевой практике индивидуальных слов» (Калнынь 2007: 293, Коготкова 1970).

Оптимизм всеяют не только внутрилингвистические факторы, но и экстралингвистические, в частности сама история славянских диалектов в XX в. Социальные потрясения, которые пережили все страны в связи с двумя мировыми войнами, локальные войны в южнославянских странах, миграционные потоки населения, диалектные смешения, политическая компрометация крестьянства, драматические по своим последствиям социальные эксперименты (революция, коллективизация, раскулачивание, сознательное уничтожение бесперспективных деревень, как это было в России в середине XX в.), – все эти социальные катаклизмы не смогли уничтожить диалекты. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, национальные и лексические атласы славянских диалектов, а с другой –

Общеславянский лингвистический атлас. Все они демонстрируют огромные пласты сохранившейся диалектной лексики, что говорит о том, что прогнозируемое стремительное исчезновение диалектов в условиях индустриализации общества, повышения уровня жизни населения не подтвердилось даже у этносов с компактным языковым пространством (см., например, ситуацию в словенских или хорватских диалектах). Во всех славянских языках территориальные диалекты довольно хорошо сохраняются и имеют своих активных носителей⁸.

Не смогла уничтожить диалекты и языковая политика государств, направленная на распространение кодифицированной формы языка и устранение диалектов в связи с задачей всеобщего и обязательного образования. Здесь особенно показательна ситуация в чешском языке. «Несмотря на наличие у чешского этноса ... идеальных условий для максимального приобщения носителей чешского языка к литературному идиому, для развития под его «эгидой» интеграционных тенденций в языковом пространстве и, наконец, инвазии литературного языка во все ситуации общения, в том числе и повседневного, ожидаемое не состоялось», – пишет известный богемист Г.П. Нецименко (Нецименко 2003: 25).

Оптимизм поддерживает и все более широкое распространение идеи престижности диалекта как языка т.н. «малой родины», способствующего этнолокальной идентификации, особенно в тех случаях, когда происходит посещение родных мест, общение с родственниками или земляками, что позволяет создавать атмосферу особой доверительности, своеобразного землячества.

Об утверждении этой идеи свидетельствует, прежде всего, художественная литература (в частности, такой ее жанр, как «деревенская

---

⁸ Ср. в связи с этим точку зрения Г.П. Нецименко, которая, исследуя языковую ситуацию в славянских странах, пришла к сходному выводу: «В большинстве славянских языков территориальные диалекты до сих пор довольно хорошо сохраняются, имеют большое количество своих носителей и даже активных пользователей, т.е. отнюдь не являются реликтовыми образованиями, которые могут игнорироваться. В современной коммуникации их функциональный спектр также достаточно широк: они используются не только как средство бытового и внутрисемейного общения, но и в сфере культуры. У «островных» лингвоэтнических групп диалекты нередко функционируют в высших коммуникативных функциях, являясь в своем роде аналогами литературного языка метрополии. Наконец, они играют роль языка так называемой «малой родины», служа средством этнолокальной идентификации» (Нецименко 2003: 113).

проза», в которой писатель сознательно использует диалектизмы, чтобы передать своеобразие языка деревни⁹). Эта «терпимость к диалектизмам стала особенностью современного русского литературного языка, особенно в тех жанрах, которые связаны с описанием реалий сельской жизни. Это означает, что в современной ситуации русские диалекты не только реагируют на воздействие со стороны литературного языка, но и сами влияют на него» (Калнынь 1998: 67).

Понимание того, что диалекты – это культурное наследие этноса рождает настоятельную потребность их ревалъвации, ср., например, опыт сельского учителя Сергея Темняткина из д. Мышкино Ярославской обл., который создал этнографический музей жителей д. Кадки – кацкарей, организовал выпуск газеты «Кацкая летопись» (в которой на диалекте рассказывается о всех деревенских новостях, печатаются различные сказы, предания, частушки и проч.), а в школе ввел уроки по краеведению с изучением местного диалекта (Темняткин 2003).

Эти, пока еще робкие, начинания, находятся в русле той программы ревалъвации диалектов, которую еще в середине прошлого века предложили немецкие ученые Й.Л. Вайсгербер, Х. Амманн. Эта программа преследует задачу культивирования диалектов, преодоления презрительного к ним отношения, поддержания гордости диалектоносителя за свой родной диалект, введение в старших классов основ диалектологии и диалектографии, привлечение молодежи к сбору диалектного материала с целью сравнения родного диалекта с соседним и т.д. (Weisgerber 1956: 147; Ammann 1961:41). Реализация этой программы поможет сформировать новое отношение к диалектам, повысить их коммуникативную престижность, ибо «использование автохтонного языка в ареале непринужденного повседневного общения для выживания этноса, его экологии, в сущности, гораздо важнее. Утрата языком этой функции лишает его живительной силы, превращая в язык мертвый. Это подтверждает судьба «мертвых» языков, утративших связь с конкретной этнической общностью (Нещименко 2003: 57).

Понятно, что в этом контексте особое значение приобретает развитие диалектологии, поэтому существующая до сих пор инерция негативного отношения к изучению диалектов (особенно в педагогических вузах, следствием чего является сворачивание курса диалектологии, отмена

---

⁹ Ср. в связи с этим слова А.А. Потебни: «Есть чувства и мысли, которых не вызвать на общелитературном языке известного народа никакому таланту, но которые сравнительно легко вызываются на областном наречии» (Потебня 1905: 175).

диалектологической практики) должна быть преодолена как мешающая поступательному движению вперед.

Поэтому сегодня следует возродить интерес к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника культуры и истории, ибо “только так, – по мысли А.А. Шахматова,– мы сможем привить любовь к своему отечеству, уважение к его прошлому, а также веру в его будущее” (Хрестоматия 1982: 89).

ЛИТЕРАТУРА

Вендина 1998 – *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Вендина 2009 – *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.

Гринкова 1947 – *Гринкова Н.П.* Воронежские диалекты. М., 1947.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV, М., 1978-1980.

Журавлев 1994 – *Журавлев А.Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Журавлев 2007 – *Журавлев А.Ф.* Воздействие литературного идиома на русские диалекты //Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007.

Иванов, Якубинский 1932– *Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Очерки по языку. М.; Л., 1932.

Калнынь 1997 – *Калнынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика //ВЯ. 1997. №3.

Калнынь 1998 – *Калнынь Л.Э.* Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка //ВЯ. 1998. №6.

Калнынь 2007– *Калнынь Л.Э.* Динамика русских диалектов в связи с воздействием на них литературного языка //Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007.

Климов 1990 – *Климов Г.А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.

Коготкова 1970 – *Коготкова Т.С.* Литературный язык и диалекты //Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Курбангалеева 2008 – *Курбангалеева Г.М.* Лексика русских говоров Башкирии: основные тенденции формирования и функционирования //Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2008.

Михальченко, Крючкова 2002 – *Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б.* Социоллингвистика в России //ВЯ. 2002. №5.

Недоступова АКД 2013 – *Недоступова Л.В.* Природа и человек в лексике говора поселка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2013.

Нещименко 2003 – *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

Орлов, Кудряшова 1998 – *Орлов Л.М., Кудряшова Р.И.* Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград, 1998.

Петренко 1988 – *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.

Потебня 1905 – *Потебня А.А.* Язык и народность //А.А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков 1905.

Радченко 2004 – *Радченко О.А., Закуткина Н.А.* Диалектная картина мира как идиозтнический феномен //ВЯ. 2004. №6.

Соссюр 1990 – *Соссюр Ф.* Заметки по общей лингвистике. М., 1990.

Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.

СРНГ– Словарь русских народных говоров. Т. 1-. М.-Л., 1965-.

СРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 1-. М., 1975 -.

Темняткин 2003 – *Темняткин С.Н.* Моя кацкая Русь. Ярославль, 2003.

Хрестоматия 1982 – Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982.

Шапошников 1999 – *Шапошников В.Н.* О территориальной и функциональной структуре русского языка в конце XX столетия //ВЯ. 1999. №2.

Амманп 1961 – *Ammann H.* Schutz und Pflege der heimischen Mundart //Nachgelassene Schnften zur vergleichenden und allgemeinen Sprachwissenschaft. Innsbruck. 1961.

Stroh 1931– *Stroh F.* Sprache und Volk//Hessische Blatter für Volkskunde Bd XXX-XXXI 1931-1932.

Weisgerber 1956 – *Weisgerber J.L.* Die Leistung der Mundart im Sprachganzen Vortrag bei der Arbeitsbesprechung uber die Pflege der Mundarten in Recklingshausen am 17 Marz 1956 Munster (Westf).1956.

Pavol Žigo (Bratislava, Slovakia)

Relácia dedina – mesto na Slovensku dnes

0. Mesto aj dedina sú prirodzenými výtvormi ľudskej činnosti a v každom z nich dominujú znaky, ktoré slúžia na orientáciu v priestore, ale aj znaky, ktorými sa priestor mesta odlišuje od priestoru dediny. Ide o diferenciačné znaky, ktoré vyplývajú z funkčnosti obsahu, naplňujúceho podstatu pojmu *ojkonymum*. V prípade rozdielov medzi mestom a dedinou nejde len o diferenciáciu priestorových celkov, ich prvkov, ale aj o rozdielnú funkčnosť jednotlivých objektov a z nej vyplývajúcej architektúry, doplnenej o umelecké artefakty, spoločné či spoločenské priestory, ale najmä o významnú sociálnu hierarchizáciu obyvateľstva, ktoré je svojou činnosťou s týmto priestorom späté. Množstvo týchto fenoménov neverbálnym aj verbálnym spôsobom formuje sociálny priestor dediny aj mesta a dodáva mu špecifický charakter, ktorý je podmienený funkčne, vývinovo a v konečnej podobe aj prevahou prvkov urbánnej či rurálnej povahy. Výrazným prvkom, identifikujúcim a diferencujúcim mestské aj dedinské prostredie zo synchronického aj diachronického hľadiska, je jeho jazyk. Ním sa dotvára fyzická aj duchovná previazanosť v čase, v ňom sa prejavuje dynamika civilizačných zmien. Mesto aj dedina sú vždy osadené v určitom širšom sociálnom a kultúrnom priestore, vo vzťahu k spoločenstvu, k štátnym útvarom, ideológiám, hodnotovým aj estetickým orientáciám. Vďaka nim je jednotlivец schopný zaradiť informácie, zakódované v jednotlivých objektoch a identifikovať ich vzťah k duchovným hodnotám. Aj na neznámom mieste, o ktorom človek nemusí veľa vedieť, jeho objekty, kultúra a architektúra prezrádza pôsobiská významných rodov, zámožnosť a postavenie mestského patriciátu. Objekty remeselníkov a slovná zásoba, spätá s ich činnosťou, sú svedectvom o hospodárskych orientáciách. Náboženské objekty sú svedectvom o prítomnosti konfesií a o postavení cirkvi, ich architektonické riešenie a urbanistické usporiadanie je prostriedkom na identifikáciu duchovného života v určitom období.

Začiatky diferenciácie jazyka na území dnešného Slovenska, ale aj na území iných jazykov, siahajú do čias doznievania raného feudalizmu. V tomto vývinovom období sa vytvárali predpoklady na rozvoj živej domácej reči. Výrazným stimulom tohto diania boli najmä nové formy práce, s nimi súvisiace nové prvky v hospodárstve, spoločenskom živote a v kultúre¹.

---

¹ Žigo, Pavol : Obščeslavianskij lingvističeskij atlas – vzaimosviaz jazyka i obščestvenno-istoričeskich fenomenov s pozicij areal'noj lingvistiki. In:

Charakteristickým znakom staršieho obdobia je najmä rozvoj jazyka v ústnej podobe. O rozvoji ústnych žánrov pred 12. stor. svedčí zákaz interpretovať ľudovú piesňovú tvorbu v kostoloch vydaný v 12. stor. a zákaz počúvať tieto žánre kléru. Rozvoj jazyka podnietil v tom čase vo veľkej miere rozvoj miest, pretože v nich sa sústreďovali svetské aj cirkevné právne, administratívne a vzdelávacie inštitúcie. S rozvojom miest však okrem koncentrácie práva, administratívy a vzdelanosti súvisela aj dvojaká sociálna diferenciácia mestského obyvateľstva. Po prvé to bola diferenciácia mesta od vidieka, oddelenie remesiel a poľnohospodárstva a s ním súvisiaci odlišný spôsob života. Po druhé to bola aktivizácia odlišných jazykových prostriedkov, ktorá odrážala nielen rozdiel mestského a vidieckeho života, ale aj vnútornú diferenciáciu mestského obyvateľstva. Kým v živote vidieckeho obyvateľstva sa aktivizovala slovná zásoba spätá s jeho spôsobom života (poľné práce, spracúvanie poľnohospodárskych produktov, pasenie dobytku a vo veľkej miere aj žánre nadväzujúce na ústnu ľudovú slovesnosť), mestský spôsob života svojou mnohotvárnosťou aktivizoval oveľa širšiu vrstvu lexiky. Okrem základnej komunikatívnej funkcie začali v domácom prostredí vznikať nové žánre s vyššou spoločenskou funkciou. Prvky formujúcich sa kultúrnych predpisovných útvarov od začiatku veľmi výrazne odrážali sociálne rozvrstvenie a profesijnú orientáciu mestského obyvateľstva. V mestskom prostredí sa vlastne už od 14. stor. začala vytvárať špecifická podoba jazyka – mestská reč². Problematike jazyka mesta z historického aj súčasného aspektu odznali na vedeckej konferencii *Mesto a jeho jazyk*, ktorá sa konala v Bratislave 22. a 23. septembra 1998 a publikované sú v samostatnom zborníku³.

1. Typickým znakom odlišného jazykového vývinu mesta a dediny z hľadiska sociálnej štruktúry a funkcie celku, ale aj z hľadiska zemepisnej, kultúrnej, historickej a spoločenskej funkcie, je dnešné hlavné mesto Slovenska Bratislava. Pred prvou svetovou vojnou bola Bratislava trojjazyčné nemecko-slovensko-maďarské mesto a tento charakter si zachovala aj v medzivojnovom období (1918 – 1938). V tomto čase tu žili popri sebe tri národy, každý z nich mal svoje spolky, svoju tlač a kultúrne ustanovizne. Určitý obraz o kultúrnej aktivite a jazykových pomeroch nám poskytuje súveká štatistika periodík, ktoré vychádzali v Bratislave. Roku 1927 vychádzalo v meste 6 slovenských

---

Обščеславянскій лингвистическій атлас. Материалы и исследования 2009 – 2011. Москва : Институт русского языка им. В.В. Виноградова 2011, s. 52 – 62.

² Žigo, Pavol : Podiel mesta na formovaní kultúrnych predpisovných útvarov. In: Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk. Red. S. Ondrejovič. Bratislava : Veda 2000, s. 118 – 124.

³ Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk. Red. S. Ondrejovič. Bratislava : Veda 2000. 300 s.

---

denníkov, 2 nemecké a 4 maďarské denníky; 6 slovenských týždenníkov, 3 nemecké a 2 maďarské týždenníky, 3 slovenské dvojtýždenníky. Z apoliticky orientovanej tlače vychádzali 3 slovenské, 2 nemecké a 4 maďarské týždenníky, z dvojtýždenníkov to bolo 11 slovenských, 3 nemecké a 4 maďarské. Vydávali sa aj trojjazyčné slovensko-nemecko-maďarské časopisy, a to 2 týždenníky, 4 dvojtýždenníky a 6 mesačníkov⁴. Bratislavčania žili v medzivojnovom období (a mnoho desaťročí, ba až stáročia predtým) spolu s Nemcami a Maďarmi, stýkali sa s vidieckym obyvateľstvom, ktoré bolo nositeľom záhorskeho nárečového základu, so Záhorákmi aj Chorvátmi, ktorí útekmi pred tureckou expanziou založili na západnom Slovensku množstvo dedín. Bratislava sa vyznačovala trilingvizmom: takmer každý obyvateľ mesta bol schopný komunikovať tromi jazykmi. Tieto jazyky zanechali v reči Slovákov v meste výrazné stopy: najviac nemčina, menej maďarčina, a to najmä vo všeobecnej lexike, v názvoch častí mesta a chotárných názvoch okolia. Okrem trilingvizmu sa obyvateľstvo Bratislavy vyznačovalo príslušnosťou k veľkému množstvu vyznaní (rímko-katolícke, židovské, evanjelické, v malom zastúpení aj kalvínske, pravoslávne, grécko-katolícke). Napriek tejto národnostnej a konfesionalnej heterogenosti bol jazykovým základom reči staršej Bratislavy západoslovenský areál trnavského typu, časť znakov ju smerom na západ integruje so záhorským areálom⁵. Výrazným integračným znakom mesta so západoslovenským nárečovým okolím (osady Rača, Vajnory, Lamač, Dúbravka, Devínska Nová Ves, Záhorská Bystrica) je absencia diftongov. Typickým znakom viacjazyčnosti sú najmä lexikálne prevzatia z nemčiny: *durchhauz* (pasáž), *cviling* (dvojičky), *mélšpajz* (múčnik), *miskibel* (smetiak), *pigelbret* (doska na žehlenie), menej z maďarčiny: *óvoda* (materská škola), *omama* (babka), *hazamešter* (domovník). Okrem všeobecnej lexiky sa tieto prevzatia týkajú aj množstva záujmových, profesijných odvetví: rybárske výrazy: *angle* (háčiky na udici), *kédre* (malé rybky ako návnada), *necka* (rybárska sieť), názvy častí tela, mnohé expresívne, napr. nohy: *haksne* (veľké), *ikshaksne* (nohy do x), *ohaksne* (nohy do o), hlava: *glocna* (holá), *kotrba*, *gebula* (veľká), *šiška* (veľká); ústa: *gambi* (aj *pery*), *huba*, *drška*, *papula*, *čuňa*; iné: *ksicht* (tvár), *bajcheles* (bokombrady), *faldi* (1. vrásky, 2. záhyby na šatách), *muškle* (svaly), *pajšle* (pľúca), niektoré staršie výrazy z oblasti odievania, úpravy a ozdôb tela: *brusenhaher* (podprsienka), *cugofki* (topánky s bočnou rozťahovacou gumou), *cvikle* (obyčajné vreckové hodinky), *kapric* (1. podhlavník, 2. obliečka na podušku), *lajntúch* (postel'ná plachta aj

---

⁴ Palkovič, Konštantín: Reč staršej Bratislavy. In: Slovenská reč, 57, 1992, s. 351 – 360.

⁵ Tamže, s. 352.

obrus), *pinč* (druh klobúka), *slamenák* (slamený klobúk), *šircla* (zástera), názvy jedál, zákuskov: *štaupcuker* (práškový cukor), *kajzerki* (druh pečiva), *kiflík* (rožok), *štridla* (podlhovastý chlebič), *vekla* (veľká žemľa); *buršla* (krátka klobáska), *hurka* (červená jaternica), *prezvuršt* (tlačienka), *šmalc* (bravčová masť), *špek* (slanina), *viršle* (párky), *calta* (vianočné jedlo), *monnudle* (rezance s makom), *šunkafleki* (šunkové fliačky), *krumpliguláš* (zemiakový guláš), *doboški* (zákusky s polevou a krémom), *pajgel i bajgel* (bratislavský rožok), *monpajgel* (makový rožok), nuspajgel (orechový rožok), *pocheraj* (zákusok), *šamróla* (trubička s bielkovým snehom); názvy nápojov a vinohradnícke výrazy: *špricer* (strek), *krachla* (flašková šumivá malinovka), *ajnsológ* (súra na sud), *ajnsológovat* aj *sirkovat* (súriť sud), *hever* (náoska na víno), *hajriger* (výčap vína pod viechou), *firtl* (štvrtka, miera vína pod viechou), *ochtl* (osmina, miera vína pod viechou), *šiler* (zmes bieleho a červeného vína), *pančovat* („krstiť“ víno, riediť ho vodou), *štuplciger* (vývrtka). Z oblasti kuchynských a domácich potrieb sú to výrazy *randlik* (rajnica), *škridla* aj *dekel* (pokrievka), *vajdling* (veľká misa na cesto), *slížná deska* aj *núdlbret* (lopár na cesto), *boks* aj *erdelpasla* i *viks* či *šuviks* (pasta na obuv), *bríle* (okuliare), *cilindrofki* (obyčajné vreckové hodinky), *korbel* (košík), *kochlík* (kvetináč), *kuker* (ďalekohľad), *piksla* (plechovica), *štokerlík* (podstavec pod koryto), *veker* (budík), z oblasti dopravy sú to výrazy *áčka*, *béčka*, *céčka* (staré názvy električkových liniek A, B, C), *cúg* alebo *mašina* (vlak), *glajzna* (koľajnica), *konduktér* (sprievodca), *rudla* (dvojkolesový vozík), *špricauto* (polievacie auto), *štácija* (železničná stanica), *tragač* (1. vozík, 2. expr. zlé auto), *vochter* (železničný strážnik). Z oblasti obchodu a remesiel sú výrazy *krajzleraj* (obchod s rozličným tovarom), *kšeft* i *sklep* (obchod), *saklík* (vrecúško), *škarnicla* (kornút, vrecúško z novín), *šochtla* (škatuľa), *cins* (nájomné), *centimeter* (krajčírsky meter), *cukeršpagát* (papierový špagát); *drajfúz* (ševcovská trojnožka), *pop* (obuvnícke lepidlo); *hóblponk* alebo *ponk* (stolárska hoblica), *holcštangla* (drevená žrd'), *šraupštok* (zverák), *korba* (nádrž na maltu), *kalfas* (nádrž na maltu), *šalunk* (debnenie), *šit* (murársky odpad), *vercajg* (náradie), *majzlík* (sekáč); druhy mäsa: *flaksne* (kusy podradného mäsa), *móčing* (nožina), *perečko* (pliecko), *opšnicle* i *apšnicle* (1. odrezky mäsa, 2. úlomky torty), *rosprátr* i *rosprátn* (roštenka), *solšnicle* (falošná sviečková), *svinské maso* (bravčovina), *šál* (zadné mäso), *šlus* (zvyšok mäsa: *ze šlusu*). Bratislavská mestská reč sa vyznačovala aj názvami typických mestských reálií: *auzlág* (výkladné okno), *dijáter* (divadlo), *drotóár* (chodník), *droška* (povoz s jedným záprahom), *gáz* (plyn), *gázlampa* (plynová lampa), *fijáker* (koč na dopravu v meste), *fijáker ajnspaner* (fiaker s jedným koňom), *markhala* (tržnica), *kafehauz* (kaviareň), *pajzel* (podradný podnik, hostinec), *pelendrek* (policiajný obušok), *plac* aj *ring* či *rinek* (trh), *pučeraj* (čistiareň),

---

randel aj *rantel* (okraj chodníka, obrubník), *propelér* (typ lode prevážajúcej cestujúcich z Bratislavy do Petržalky – z ľavého brehu Dunaja na pravý breh), *ringišpíl* (kolotoč), *ródle* (sánky), zo spoločenských hier to boli pomenovania kartových hier: *blat* (*hrát z blatu*, t. j. z ruky), *šnapser* i *šnopser* (hra s 24 kartami), *šnopserki* (karty na „šnopser“), *mariáški* (karty na mariáš). Z názvov povolání, vlastností a zamestnaní možno uviesť *fízel* aj *hekač* (policajt), *hofer* (podnájomník), *kiberák* (tajný policajt), *megero* (bachráč), *šamster* (milenc, partner), *šrác* (chlapec), *hajzlbaba* (toaletárka), *erdegbaba* (zlá žena), *handlérka* (trhovkyňa), *šochtila* (nadávka neporiadnej žene), *špata* (škaredá žena)⁶. Kontakty mestskej reči s ďalšími cudzími jazykmi sa prejavili najmä v slovnej zásobe, no jazykový areál však bol v styku aj so slovanským jazykovým základom južného typu. Dokazujú to paralely privlastňovacích zámen typu *jehov*, *jehová*, *jehové* príbuzné s podobami *njegov*, *njegova*, *njegovo* napr. v chorvátčine, pričom tu nejde o spoločné jazy genetickej povahy, ale o neskorý kontaktný jav.

2. Historický a civilizačný vývoj prináša zmeny do symboliky mesta, do jazyka. Význam trhu a s ním spojený obchod, investície a výška finančného kapitálu je svedectvom vývoja spoločnosti, jeho hospodárskej orientácie, vzťahu mesta k okolitej krajine. Priestorový poriadok či anarchia, evidentné znečisťovanie a devastácia alebo snahy o rešpektovanie ekologických požiadaviek – aj to je jazyk, ktorým sa mestské prostredie prihovára, dáva vizitku o sebe, o komunite či širšom spoločenstve. Symbolickým jazykom novej postindustriálnej doby sa v mestách stávajú obchodné a finančné centrá s chrámami finančnej prosperity – mrakodrapmi zo skla a betónu skoncentrovanými na malom priestore nových centier. Jazyk moderného mesta dotvára informačný status obchodných pútačov, elektronických reklám, informačných tabúl. Statické či mobilné informačné artefakty na prostriedkoch hromadnej dopravy v súčasnosti často vyvoláva až informačný chaos, resp. hraničí s informačnou agresiou. Umelecké artefakty mestského priestoru umocňujú historickú pamäť a stávajú sa symbolom významných udalostí a osôb, pôsobiacich v meste.

Zaujímavý je odraz transformačného procesu na reči či jazyku mesta. To, čím sa mesto, jeho ulice či námestia prihovárali jeho užívateľom, sa veľmi rýchlo zmenilo. Nejde len o názvy, ale o zmenu celého parteru s jeho vybavenosťou, súvisiacou s novým rozdelením priestorov a novými vlastníckymi vzťahmi: zanikali pôvodné obchody, služby či ďalšie inštitúcie, zachované ako kultúrna pamäť obyvateľov. Vznikli nové, ktoré sa v tomto novom období rýchlo menia, najmä v súvislosti so „stabilizáciou“

---

⁶ Tenže, s. 353 a n.

ekonomických vzťahov v novej trhovej ekonomike. Centrálné mestské priestory sa často menia na tržnice prímestského bazárového charakteru a len postupne nadobúdajú vyššiu kvalitu pôvodnej funkcie, zodpovedajúcej mestskej priestorovej hierarchii. Množstvo zmien, premietajúcich sa do mestských priestorov spôsobuje, že nemalá časť obyvateľstva mesta v ňom stráca predchádzajúcu orientáciu. Až ďalšia stabilizácia priestorov sa začína obnovovať vzájomný komunikačný vzťah priestoru a jeho používateľa.

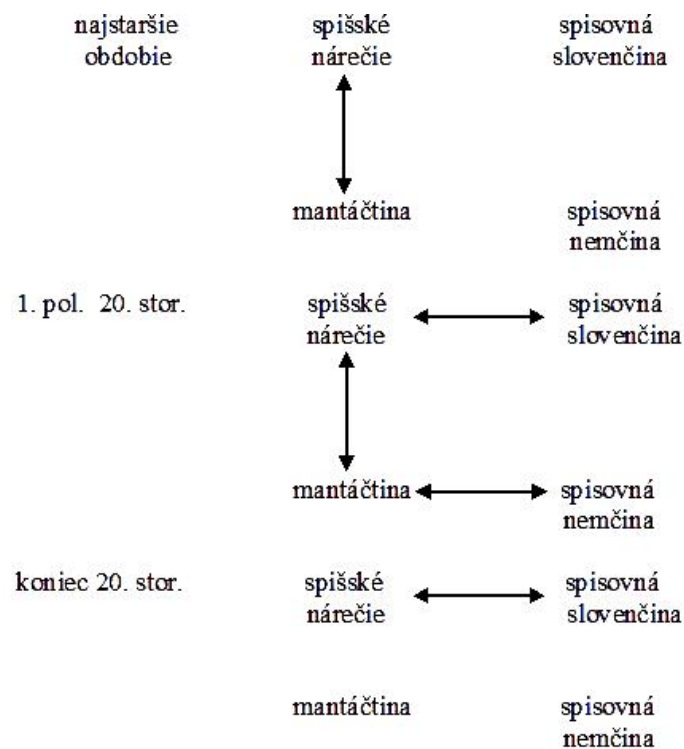
3. K špecifickým sociálnym premenám jazyka na slovenskom vidieku dochádza v situácii, ktorá je podmienená historicky, teritoriálne aj sociálne. Historická podmienenosť týchto javov má korene v stredovekej nemeckej kolonizácii vznikajúcich banských miest v oblasti stredného Slovenska a Spiša. Komunikačným prostriedkom obyvateľstva nemeckého pôvodu sú dodnes pôvodné nemecké nárečia, v slovenskom jazykovom prostredí nazývané ako *mantácke*, ktoré boli v kontakte jednak s pôvodným slovanským nárečovým základom spišského typu, na druhej strane aj pod vplyvom vzdelania, kultúry a médií v súčasnosti – ako aj domáce spišské nárečia – pod vplyvom spisovnej slovenčiny. Tento proces však nie je taký jednoduchý a priamočiary. Vzájomné vzťahy jednotlivých jazykových útvarov sa z hľadiska intenzity v rozličných etapách historického vývinu menili. Viaceré vrstvy tejto interakcie v rozličných historických obdobiach a výsledky nerovnorodých procesov spracovala na viacerých miestach G. Múcsková⁷. Typickým znakom meniacich sa jazykových pomerov vo vidieckych mestečkách s viacjazyčným obyvateľstvom sú z vývinového pohľadu vzťahy jazykových subsystémov vo východoslovenskom mestečku Gelnica, ktoré sa nachádza na pomedzí troch areálov geneticky príbuzných nárečí – juhovýchodného Spiša, stredného Spiša, hnilieckých nárečí. Toto mestečko so starými mestskými výsadami Belu IV., potvrdenými kráľom Ladislavom IV. Z r. 1276, založili nemeckí banskí kolonisti na mieste pôvodnej domácej lokality. Na spoločnom území mesta sa však od začiatku predpokladá spolužitie dvojazyčného obyvateľstva – domáceho, slovanského, a nedomáceho, nemeckého. V staršom období sa vzájomne ovplyvňovali len dva komunikačné útvary – spišské nárečia a nemecké mantácke nárečia. Tento vzťah najmä v období zvyšujúcej sa

---

⁷ Múcsková, Gabriela: Mesto Gelnica a jeho jazyk. Poznámka k bilingválnej diglosnej jazykovej situácii starého banického mesta. In: Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk. Red. S. Ondrejovič. Bratislava : Veda 2000, s. 184 – 193 (tam i ďalšia literatúra). Táže: K otázke explanácie variantnosti a interferencie jazykových systémov nárečia a spisovného jazyka v komunikácii. In: Jazyk a komunikácia v súvislostiach. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 24. a 25. júna 2004 na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave. Zostavil J. Dolník. Bratislava: Univerzita Komenského 2005, s. 225 – 235.

vzdelanosti paralelne ovplyvnili ďalšie jazykové útvary: spišské nárečia sa dostali do intenzívneho kontaktu so slovenským spisovným jazykom, mantácke nárečia nemeckého pôvodu zasa so spisovnou nemčinou. Vzťahy jazykových spomenutých jazykových systémov na sklonku 20. storočia charakterizovala G. Múcsková⁸:

Vzťah medzi mestom a dedinou na Slovensku sa v súčasnosti vyznačuje výraznými diferenciami procesmi, ktoré sú podmienené spoločensky aj územne. Po politických, spoločenských a ekonomických zmenách došlo aj k výrazným sociálnym zmenám, ktoré súvisia s redukciami pracovných miest, zmenou vlastníctva poľnohospodárskej pôdy a výrobných postupov v rastlinnej aj živočíšnej sfére (od prevahy štátneho, kolektívneho vlastníctva k súkromnému či skupinovému). Týmto spoločenskými a ekonomickými zmenami, ktoré zasiahli najmä strednú a východnú oblasť Slovenska, sú späté aj zmeny sociálnej štruktúry mestského a vidieckeho

⁸ Múcsková, G., 2000, s. 192 – 193.

obyvateľstva a jeho ekonomickej závislosti. Zatváranie množstva baní ako surovinovej základne ťažkého priemyslu a strojárstva, nahrádzanie kovov syntetickými materiálmi, transformácia poľnohospodárstva dosahujúca niekedy až hranice deformácie sa stali spoločenskými a ekonomickými faktormi zvýšenej nezamestnanosti a odchodu výraznej časti ekonomicky aktívneho obyvateľstva za prácou do zahraničia. Tieto spoločenské fenomény sa premietajú aj do sociálneho postavenia obyvateľstva a do jazykových zmien, najmä do vnútrojazykového vzájomného vplyvu a vývinu pôvodných nárečí. Zmenená ekonomická a spoločenská situácia spôsobila aj prienik množstva nových slov nedomáceho pôvodu do slovenského jazyka. Nejde len o špeciálne odborné termíny súvisiace s integračnými procesmi európskych štruktúr, ale aj o slová, ktoré sa v slovenskom jazyku adaptujú slovenského jazyka a stávajú sa každodennej komunikácie. Tento externý tlak nepostihuje len jazyk mesta, ale výrazne vplýva aj na reč vidieka, t. j. dediny, ktorá svoj jazyk pod týmto vplyvom tak isto intelektualizuje. Nesúvisí to len s externým tlakom ekonomickej povahy, ale aj s výrazne zmenenou sociálnym statusom vidieka, s ústupom klasických, tradičných vidieckych poľnohospodárskych pracovných postupov. Oporou v pretrvávajúci klasických prvkov jazyku dediny je zachovávanie vidieckych tradícií, ktoré sa vnímajú ako súčasť duchovného kultúrneho dedičstva.

4. Spomenuté spoločenské zmeny, odlišná jazyková situácia mesta a dediny v minulosti a dnes vyvoláva aj potrebu rešpektovať tieto sociálne zmeny pri dialektologickom bádani. Dialektológia akoby rozšírila svoju klasickú dimenziu o potrebu rešpektovať nový sociálny aspekt. Nie na úrovni klasicky ponímanej synchronnej sociolingvistiky, ale skúmať a opisovať teritoriálny dialekt ako prostriedok fixácie kultúrnej pamäti: areálové spracovanie javov je prejavom sily jazyka v jeho minulosti. Je to prejav jazykovej pamäti v tom, že každá jednotka jazykového systému je poznačená imaginárnou stopou minulosti a vypovedá o spôsobe existencie minulosti jazyka, fixuje jazykové skúsenosti na mezigeneračnej úrovni a na imaginárne časovom predĺžení komunikácie. Je to objektívna kolektívna znalosť, ktorá je prostredníctvom znakov zakódovaná v pamäti jazyka a tieto znaky prechádzajú z pamäti jazyka jednej generácie do pamäti ďalších generácií a stávajú sa svedectvom procesu, v ktorom človek pri osvojovaní si jazyka prijíma akoby geneticky zakódované prvky a konkrétne tvary a prenáša ich z jednej generácie na druhú. Takéto simulačné videnie „odovzdávania“ si jazykových kódov poukazuje na sociobiologickú podstatu evolúcie kultúry. Analogické vnímanie

---

biologickej a kultúrnej evolúcie biológ R. Dawkins⁹ hľadal v tom, že k výrazu gén z oblasti biológie postavil analogický výraz *mém*, ktorý je z hľadiska našej problematiky nositeľom jazykovej pamäti, je virtuálnou a opakovanou časticou kultúrnej informácie, základným prvkom, dedičným negenetickou cestou. Diametrálne odlišná je prezentácia týchto prvkov v spisovných, kodifikovaných podobách jazyka a v ich nespisovnej podobe – v nárečiach, ale aj v odlišnom jazykovom prostredí dediny a mesta. Ide o celkom prirodzený jav, na základe ktorého sa jazyk prezentuje nielen ako diasystém, ale mnohodomenzionálny sociálny fenomén.

Literatúra:

Dawkins, Richard: Subject(s) Evolutionary Biology. Oxford : Publisher Oxford University Press 1976. 224 s.

Múcsková, Gabriela: Mesto Gelnica a jeho jazyk. Poznámka k bilingválnej diglosnej jazykovej situácii starého banického mesta. In: Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk. Red. S. Ondrejovič. Bratislava : Veda 2000, s. 184 – 193.

Múcsková, Gabriela: K otázke explanácie variantnosti a interferencie jazykových systémov nárečia a spisovného jazyka v komunikácii. In: Jazyk a komunikácia v súvislostiach. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 24. a 25. júna 2004 na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave. Zostavil J. Dolník. Bratislava: Univerzita Komenského 2005, s. 225 – 235.

Palkovič, Konštantín: Reč staršej Bratislavy. In: Slovenská reč, 57, 1992, s. 351 – 360.

Žigo, Pavol: Podiel mesta na formovaní kultúrnych predpisovných útvarov. In: Sociolinguistica Slovaca. Zv. 5. Mesto a jeho jazyk. Red. S. Ondrejovič. Bratislava : Veda 2000, s. 118 – 124.

Žigo, Pavol : Obščeslavianskij lingvističeskij atlas – vzaimosviaz jazyka i obščestvenno-istoričeskich fenomenov s pozicij areal'noj lingvistiki. In: Obščeslavianskij lingvističeskij atlas: materialy i issledovanija 2009 – 2011. Moskva : Institut ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova 2011, s. 52 – 62.

---

⁹ Dawkins, Richard: Subject(s) [Evolutionary Biology](#). Oxford : Publisher [Oxford University Press](#) 1976, s. 78.

(Summary)

Relation *Village* – Town in Slovakia Today

At present the relationship between towns and villages in Slovakia is characterised by considerable differentiation processes which are conditioned both socially and territorially. Following the changes concerning the spheres of policy, society and economy there have also occurred distinctive social changes connected with the reduction of jobs as well as the changes of ownership of agricultural land and production technology. These social and economic changes which have had their impact above all upon the central and eastern regions of Slovakia, are also related to changes in the social structure of the inhabitants in towns and villages and their economic dependence. Increased unemployment and going abroad in search of work are also reflected in the social situation of the inhabitants and in the linguistic changes – the language-internal mutual influence of the original areas of dialects and the cross-linguistic influence – the penetration of words of foreign origin into the Slovak language, which is also connected with the processes of integration into European structures.

Marcin Lubaś
Uniwersytet Jagielloński

Idea lokalności we współczesnej antropologii społeczno-kulturowej

1. Wstęp

Podstawowym celem poniższych rozważań jest przedstawienie zmian, jakie zaszły w ostatnich dekadach w sposobie rozumienia idei lokalności w naukach społecznych, a w szczególności w antropologii społeczno-kulturowej. Zmiany te dotyczą również subdyscypliny antropologii zwanej antropologią lingwistyczną, co, nawiasem mówiąc, świadczy o istnieniu w dalszym ciągu związków problemowych pomiędzy antropologią społeczną i kulturową a językoznawstwem (zob. Ahearn 2013)¹.

Reprezentanci nauk społecznych studiujący zachodzące obecnie w świecie zmiany kulturowe i społeczne, zwracali uwagę na zanikanie specyficznych lokalnych kultur i zamkniętych wspólnot (Urry 2009: 11). Najogólniej rzecz ujmując, hasło lokalność nie budzi już obecnie jednoznacznych skojarzeń z niewielką, jednorodną kulturowo, samowystarczającą, wewnętrznie zintegrowaną i trwałą wspólnotą zamieszkującą jedno zwarte wyraźnie wyodrębnione terytorium czy miejsce (Bauman 2008).

Pewne treści kulturowe – należące na przykład do tak zwanej kultury popularnej – są upowszechniane na wielką skalę zarówno w sensie społecznym (trafiają do wielkich rzesz ludzkich), jak też przestrzennym (są rozpowszechniane w wielu krajach świata). Globalna homogenizacja i standaryzacja kulturowa zdaje się prowadzić do eliminacji tego, specyficzne, unikalne, związane z jednym konkretnym miejscem. W warunkach globalnej nowoczesności (intensywnych migracji i szybkiego obiegu informacji) poszczególne lokalności tracą walor jednorodności i zwartości. I na odwrót: w tych warunkach powstają wspólnoty transterytorialne i transnarodowe – przestrzennie rozproszone, ale podzielające podobne wartości, wyobrażenia, posługujące się tym samym językiem, wytwarzające więzi grupowe, mimo braku wspólnego miejsca zamieszkania (por. Guarnizo, Smith 1999).

---

¹ Okazją do wygłoszenia referatu będącego pierwowzorem niniejszego tekstu była konferencja dialektologiczna Miasto – wieś zorganizowana przez Prof. Zuzannę Topolińską w Skopiu w maju 2013r. Niektóre fragmenty prezentowanego artykułu były już publikowane przeze mnie gdzie indziej: (por. Bukowski, Lubaś, Nowak 2010 oraz Lubaś 2010).

W tej sytuacji terminologia, której niegdyś używano do opisywania relacji między życiem społecznym, miejscem a kulturą stała się obecnie mało przydatna. Słownik badawczy zdominowały obecnie nowe terminy odnoszące się do procesów przyspieszonej przestrzennej mobilności treści kulturowych i podmiotów ludzkich. Jedną z kluczowych idei stało się pojęcie deterytorializacji, oznaczające proces zanikania powiązań między treściami kulturowymi a miejscami geograficznymi. Czy jednak rzeczywiście w warunkach gwałtownych zmian społecznych, szybkiego przepływu informacji, intensywnej przestrzennej mobilności ludzi, towarów poszczególne lokalności zupełnie straciły na znaczeniu?

Wbrew pozorom, lokalne treści i praktyki kulturowe nie zniknęły całkowicie. Mamy raczej do czynienia z istotną zmianą statusu lokalnych odmian życia kulturowego. O ile niegdyś lokalność wydawała się synonimem zamkniętego jednorodnego świata samowystarczalnych wspólnot, to obecnie zdaje się być niejako aspektem egzystencji niektórych ludzi, w niektórych momentach życia, występuje zarówno w trwalszych dawniejszych formach, jak też formach nowych i zaskakujących.

W toku wywodu postaram się pokazać, że w warunkach globalizacji lokalne relacje i formy kultury nie tyle zanikają, co raczej zmieniają charakter. Tym, co można zaobserwować w różnych miejscach jest współobecność globalnych, transnarodowych, państwowo-terytorialnych a także lokalnych treści i praktyk kulturowych. Łączenie i integracja wszystkich tych treści i praktyk okazuje się nie lada wyzwaniem.

2. Pojęcia kluczowe: lokalność, miejsce kultura, globalizacja

Zanim przejdę do właściwych rozważań, chciałbym krótko wyjaśnić przyjęte w tych rozważaniach sposoby rozumienia podstawowych pojęć: lokalności, miejsca, kultury, globalizacji.

Pojęcie lokalności często utożsamia się z ideą miejsca. Socjologowie Bohdan Jałowiecki i Marek Szczepański piszą, że „[...] lokalny, zatem to tyle, co miejscowy, umiejscowiony, lub przypisany do miejsca [...] „ (Jałowiecki, Szczepański 2002:15). Stawiają oni znak równości między lokalnością, miejscem a uspołecznieniem (czy też szerzej ucłowieczeniem) określonej przestrzeni (Jałowiecki, Szczepański 2002:16). Proponuję nieco zmienić zakres pojęcia lokalności, tak by odnosiło się ono do relacji społecznych i treści kulturowych występujących na niewielkim obszarze przestrzeni (Bukowski, Lubaś, Nowak 2010: 11). Miejsce to coś więcej niż lokalność. Posługując się pojęciem „miejsca”, mam na myśli każdą uspołecznioną fizyczną przestrzeń, wykorzystywaną praktycznie, społecznie zorganizowaną, będącą obszarem występowania określonych dyskursów, postaci wiedzy, oraz wyobrażeń

---

symbolicznych (por. De Certeau 1984; Lefebvre 1991). Miejscem może być, zatem w zależności od kontekstu i epoki: wieś, miasto, region, kraj, a nawet, jak argumentował swego czasu socjolog Roland Robertson cały świat! (zob. Robertson 1987: 43).

Na czym polega relacja między lokalnością a miejscem? Jak stwierdziłem wyżej, miejsca to pewne postaci społecznej organizacji przestrzeni. Są one wytworami procesów toczących się w różnych skalach przestrzennych. Lokalność jest jedną z takich skali. Istnienie miejsc jest zależne od działań podejmowanych w skalach lokalnych, ogólnopństwowych lub międzypaństwowych. Lokalność uznaję, zatem za jeden z wymiarów społecznej organizacji przestrzeni miejsca.

Wielu badaczy, chociaż nie koniecznie przedstawiciele antropologii przyjmuje wciąż założenie, że kultury ludzkie przypominają autonomiczne wewnętrznie zintegrowane całości tworzące kompleksowy wzór czy sposób życia dla pewnej ludności osiadłej na określonym terytorium na przestrzeni czasu. W poniższych wywodach odchodzę od takiego holistycznego ujęcia pojęcia kultury. Zakładanie z góry, że kultura to powiązany na stałe z terytorium sposób życia będący udziałem określonej grupy ludzi byłoby z dzisiejszej perspektywy nieostrożnością. Proponuję by przez kulturę rozumieć wszelkie pozabiologiczne informacje wpływające na myślenie i działanie. Przyjmując takie ujęcie uznaję również, że podstawową cechą kultury jest przestrzenna i społeczna dystrybucja całokształtu składających się na nią informacji. Ludzie odmiennie usytuowani w sieci relacji społecznych dysponują specyficznymi zasobami podzielanych i niepodzielanych informacji. Z perspektywy jednostek zasoby te tworzą nie jeden zintegrowany system, ale wiele potencjalnie autonomicznych lub zgoła niezależnych od siebie systemów (Lubaś 2011).

W określonym miejscu mogą spotykać się ludzie przyjmujący różne idee i praktyki kulturowe. Antropolodzy, filozofowie i geografowie kulturowi sporo uwagi poświęcali nowej różnorodności kulturowej miejsc wynikającej z migracji, procesów tworzenia i utrwalania narodów, globalnej ekspansji wzorów kultury popularnej (zob. Rouse 2002, Soja 1989). Nie zawsze i nie wszędzie takie treści tworzą przypadkowy patchwork. Miejsca nie są jednak siedliskami dla niezmiennych lokalnych kultur stanowiących zintegrowany świat przeżywany mieszkańców. Wiele spośród informacji składających się na kulturę nie ma charakteru lokalnego, lecz jest upowszechniana globalnie lub w skali wielkich regionów świata. Co więcej, lokalne odmiany praktyk kulturowych nie muszą kształtować całego życia jednostek ludzkich, ale pewien tego życia aspekt. No i w końcu, lokalne odmiany kultury nie są niezmiennie, podlegają zmianom zwłaszcza obecnie. Dostrzegamy obecnie lokalność zarówno w starym, jak i nowym wydaniu.

Czas przejść do pojęcia globalizacji. Brytyjski socjolog Anthony Giddens określił niegdyś globalizację, jako procesy intensyfikacji relacji społecznych w skali całego globu powodujące wzrost współzależności między działaniami podejmowanymi w różnych miejscach na świecie (2008). Nie sposób opisać czy chociażby wymienić wszystkich procesów społecznych, które łączymy z pojęciem globalizacji. Możemy jednak wskazać niektóre z nich. Są to: **a.** Przyspieszony przepływ kapitałów, dóbr, ludzi, obrazów i idei w skali ogólnoswiatowej w skutek rozwoju środków komunikacji i transportu; **b.** wzrost liczby i intensywności powiązań, interakcji i współzależności pomiędzy jednostkami, organizacjami, instytucjami w skali całego świata; **c.** Pojawienie się aktorów społecznych, ruchów społecznych, instytucji, organizacji działających w skali wykraczającej poza granice państw (zob. Ina, Rosaldo 2008).

Uważa się, że procesy globalizacji prowadzą do upowszechnienia się w różnych częściach świata wzorów kulturowych wytworzonych w krajach zachodnich. Zjawisko to, nazwane homogenizacją kulturową, dotyczy kultury konsumpcyjnej i kultury popularnej, ale również wiedzy naukowej i technologicznej i wielu innych kwestii. Mimo to, zdaniem antropologów procesy globalizacji nie prowadzą wcale na dłuższą metę do ujednoczenia kulturowego świata. W efekcie tych procesów zmienia się natomiast charakter zróżnicowania kulturowego.

U podstaw globalizacji widzimy przestrzenną mobilność treści kulturowych. Oczywiście taka mobilność nie jest niczym nowym (pomyślmy tylko o ekspansji religii nieprzypadkowo nazywanych „światowymi”), ale intensywność tych zjawisk niewątpliwie wzrosła, pojawiły się też nowe jej formy (związane z nowymi formami konsumpcji). Efektem większej przestrzennej mobilności kultury jest proces nazywany przez antropologów kreolizacją kulturową. Polega on na przenikaniu się i mieszaniu różnych idei i praktyk kulturowych. Szwedzki antropolog Ulf Hannerz, który wprowadził pojęcie kreolizacji kulturowej do analizy procesów globalizacji odwołuje się oczywiście do zjawiska kreolizacji językowej, będącej skutkiem długotrwałych kontaktów i wymieszania różniących się początkowo znacznie grup językowych. Kreolizacja odnosząca się pierwotnie do sytuacji powstałej w koloniach europejskich, staje się dzisiaj zjawiskiem niemal powszechnym, chociaż intensywność i zakres tego procesu jest zróżnicowany (Hannerz 1992: 264).

---

3. Lokalność i antropologia mobilności

Patrząc na historię antropologii czy socjologii, widać wyraźnie, jak zmieniały się sposoby rozumienia idei lokalności. W okresie klasycznym antropologia zajmowała się badaniem małych, izolowanych społeczności plemiennych lub wiejskich. Badania te opierały się na założeniu o ścisłym powiązaniu lokalności, miejsc i kultur (Appadurai 1999). W socjologii ideę lokalności łączono z wyobrażeniem zwartej społeczności terytorialnej opartej na silnych i wieloaspektowych więziach i długim okresie wspólnego zamieszkiwania w danym miejscu (Featherstone, 1995: 103-107). Założenie o jednorodności językowej wspólnot lokalnych przyjmowano, jak się zdaje także w klasycznej dialektologii (Dunaj 1996:25).

W ostatnich kilkudziesięciu latach w socjologii oraz antropologii społeczno-kulturowej rozpowszechnił się pogląd o zanikaniu autentycznie lokalnych praktyk i idei kulturowych.

Pogląd zyskał klasyczną już postać w eseju *Konsekwencje nowoczesności*, którego autorem był Anthony Giddens (2008). Giddens sformułował we wspomnianym tekście radykalnie brzmiącą tezę, że w warunkach globalnej nowoczesności lokalność staje się fantasmagorią, pozorem rzeczywistości.

Dla zrozumienia tezy Giddensa o fantasmagorycznym charakterze lokalności kluczowy wydaje jego pogląd, że konsekwencją procesów globalnego unowocześnienia jest proces społeczny, który określa on trudnym do przetłumaczenia na polski terminem „disembedding”. To osobliwie nowoczesne „wyprowadzanie” stosunków społecznych poza lokalny kontekst zmienia zasadniczo, wedle Giddensa charakter tego, co lokalne. O ile koniecznym warunkiem interakcji społecznych w tak zwanym „tradycyjnym społeczeństwie” była współobecność partnerów interakcji, to procesy globalizacji prowadzą do zmiany przestrzennych parametrów relacji międzyludzkich. Giddens pisze o tych zmianach, posługując się przykładem gospodarki pieniężnej oraz wiedzy technicznej. Zarówno gospodarka oparta na pieniądzu, jak i niezbędna do poruszania się we współczesnym społeczeństwie wiedza techniczna, powodują, że stosunki społeczne stają się przestrzennie i czasowo rozciągliwe, ludzie tworzą stosunki społeczne osadzone w coraz większych skalach przestrzennych (Giddens, 2008: 15-21).

Teoretyczny wywód Giddensa opiera się jednak na założeniu, że w epokach poprzedzających nowoczesność ludzie żyli w izolowanych względem siebie gromadach i wspólnotach. Giddens, skądinąd wytrawny teoretyk i znawca teorii społecznej, przechodzi zupełnie do porządku nad kwestią powiązań gospodarczych na wielkich obszarach ziemi w czasach poprzedzających epokę nowoczesności. Empirycznie dokładniejszego i trafniejszego wglądu na postaci relacji międzyludzkich dostarcza niezwykle wpływowa teoria gospodarek-

światów, którą m.in. rozwijał Fernand Braudel. Gospodarka-świat, jaką, wedle klasycznej analizy Braudela, stanowiło Morze Śródziemne w XVI wieku, jest systemem powiązań handlowych i finansowych przekraczających granice polityczne i kulturowe. Skoro, jak powiada Braudel gospodarki – światy istniały zawsze, a przynajmniej od bardzo dawna (Braudel 1992: 12-13), to relacje społeczne setki lat przed pojawieniem się społeczeństwa nowoczesnego posiadały ponadlokalny wymiar.

W świetle aktualnych ustaleń archeologicznych i historycznych, przedstawianie przednowoczesnych form organizacji społecznej, jako zamkniętych całości jest błędne (Gupta, Ferguson 1997). Wedle antropologów Gupty i Fergusona problem nie polega na studiowaniu tego, jak pierwotnie izolowane wspólnoty czy grupy wchodziły później ze sobą w kontakt, ale na badaniu relacji władzy i nierówności, prowadzących do hierarchizacji przestrzeni, czyli wyłaniania się stosunków dominacji i oporu, inkorporacji i wykluczania w stosunkach pomiędzy grupami usytuowanymi w przestrzeni (Gupta, Ferguson 1997: 4-5).

Antropolodzy teoretyczni zajmujący się badaniem procesów globalizacji dość zgodnie uznali, że lokalność ulega poważnej transformacji. Najpełniej pogląd ten przedstawili - każdy trochę inaczej – dwaj uczeni, Arjun Appadurai oraz Ulf Hannerz.

Procesem decydującym o charakterze zależności i podziałów kulturowych we współczesnym świecie jest, jak twierdzi Appadurai tzw. deterytorializacja. Do upowszechnienia tego pojęcia przyczynili się filozof Gilles Deleuze oraz psychoanalityk Felix Guattari, włączając ideę deterytorializacji do zestawu pojęć praktykowanej przez siebie filozofii nomadologicznej. Słowo deterytorializacja uzyskało węższe i bardziej precyzyjne znaczenie w tekstach socjologów i antropologów. Przykładowo brytyjski socjolog John Tomlinson rozumie przez deterytorializację proces upodabniania się do siebie miejsc pod względem architektonicznym i urbanistycznym. Terminale dworców lotniczych, centra handlowe, multipleksy stanowią ilustrację tego procesu.

Arjun Appadurai proponuje inne rozumienie pojęcia deterytorializacji, bliższe temu, jak słowo to wykorzystywali Deleuze i Guattari. Jego zdaniem termin ten odnosi się do osłabienia związków łączących populację, zasoby i terytoria (Appadurai 1996:49). Deterytorializacja prowadzi do tego, że granice między państwami w coraz mniejszym stopniu ograniczają przestrzenną mobilność treści kulturowych.

Czynnikami warunkującymi deterytorializację są, wedle Appaduraia z jednej strony media w postaci telewizji, kina czy Internetu, z drugiej zaś masowe migracje i przemieszczenia ludności. Możliwy dzięki mediom ogólnoswiatowy obieg czy przepływ treści kulturowych staje się także

---

czynnikiem mobilizującym ludzi do podejmowania migracji i podróży. Przekazy medialne inspirują, zdaniem autora wyobraźnię zbiorową, tworząc miraż lub nadzieję godnego życia gdzie indziej, w lepszych warunkach i lepszym miejscu. Wyobraźnia ma obecnie, wedle Appaduraia, znacznie ważniejszą rolę do odegrania niż kiedyś. Staje się ona prawdziwym motorem działań.

Appadurai porzuca ideę, wedle, której kultura na stałe przypisana jest do pewnego terytorium. Z uwagi na to, że państwa narodowe, czy państwa w ogóle w coraz mniejszym stopniu kontrolują obieg treści kulturowych, nie możemy w dalszym ciągu utrzymywać, że zjawiska kulturowe są związane na stałe z poszczególnymi miejscami czy obszarami geograficznymi. Znacznie lepiej, jak twierdzi, Appadurai przedstawiać procesy kulturowe w terminach ruchów bądź przepływów treści kulturowych.

Appadurai twierdzi, że rozmaite treści i dobra kulturowe krążą czy przemieszczają się po świecie niezależnie od siebie, za pomocą odmiennie skonstruowanych i funkcjonujących kanałów czy szlaków transferowych. Używa na określenie owych wymiarów przepływu kulturowego neologizmów pochodzących od słowa *landscape* (pejzaż): *ethnoscape*, *mediascape*, *technoscape*, *financescape*, *ideoscape*. Neologizmy te trudno zgrabnie przełożyć na polski. Można je tłumaczyć jako „pejzaże etniczne”, medialne, technologiczne, finansowe, ideowe. Appadurai podkreśla, że wyróżnione przez niego mobilne pejzaże mają płynne i nieregularne formy; nie tworzą również obiektywnie istniejących relacji, lecz perspektywy lub światy wyobrażone stwarzane zależnie od sytuacji i pozycji zaangażowanych w nie aktorów zbiorowych i indywidualnych.

Appadurai podejmuje również zagadnienie przemian, jakim na skutek globalnych mobilności podlega lokalność. Wedle Appaduraia termin ten odnosi się do codziennych społecznych doświadczeń związanych z powtarzalnymi i bezpośrednimi interakcjami. Lokalność to mniej więcej tyle świat przeżywany, wspólna wiedza, przekonania, wartościowania, które umożliwiają w miarę bezkonfliktowe współdziałanie w życiu codziennym (Appadurai 1996: 178). W sytuacji, gdy przemieszczanie i mobilność stają się podstawowymi procesami kulturowymi, lokalność okazuje się tworem nietrwałym, podatnym na przekształcenia. Przymusowe i dobrowolne migracje, polityka państw i ponadpaństwowych organizacji politycznych, przepływy idei, wyobrażeń, dóbr sprawiają, że zanika ciągłość międzypokoleniowego przekazu kulturowego. Lokalne formy życia kulturowego stają się kwestią refleksyjnego wyboru i przedmiotem ciągłych negocjacji.

Również Drugi z interesujących mnie tu autorów - Szwed Ulf Hannerz podobnie jak Appadurai kwestionuje pogląd jakoby efektem globalizacji miało

być kulturowe ujednoczenie świata. Hannerz odrzuca ideę jedności społeczeństwa, kultury i terytorium, zwracając uwagę na społeczną mobilność treści kultury. Proponuje w zamian by ludzkie zbiorowości rozpatrywać, jako sieci obiegu informacji. Życie codzienne, struktury państwowe, rynek, ruchy społeczne są, wedle Hannerza, takimi właśnie sieciami obiegu informacji (zob. Hannerz 1992, s. 46-52, 1996, s. 69-70). Nacjonalizm metodologiczny przyjmowany niekiedy milcząco przez badaczy prowadzi do poglądu, że życie człowieka zanurzone w wielkim pojemniku danej kultury narodowej. W słynnej książce *Narody i nacjonalizm* Ernest Gellner przedstawił sytuację członka współczesnego państwa narodowych, jako życie w zmyślnie zaprojektowanym gigantycznym akwariom wypełnionym narodową kulturą (1991: 67-8).

Metafora jest wszakże tylko częściowo trafna. Współczesny człowiek porusza się nie w jednym, ale wielu sieciach obiegu informacji. Państwo, jako organizacja polityczna jest tylko *jedną* z nich. Jesteśmy członkami narodów i obywatelami, ale również konsumentami lub producentami, uczestniczymy w różnych odmianach ponadnarodowej kultury artystycznej, angażujemy się bądź nie w działalność społeczności transnarodowych (takich powiedzmy jak ruchy społeczne bądź międzynarodowa społeczność naukowa), żyjemy w końcu w jakiejś zbiorowości lokalnej w jakimś kręgu znajomych i przyjaciół. Warto zauważyć, że sieci te mają odmienne zasięgi przestrzenne.

Państwa, w szczególności państwa narodowe zajmują się na bieżąco podtrzymywaniem i tworzeniem kultur narodowych w granicach swoich terytoriów. W miarę możliwości wspierają również swe kultury narodowe poza swoimi granicami. Ponadpaństwowy charakter mają z pewnością rynki czy dokładniej obiegi informacji związane z instytucjami rynków. Pewne składniki tak zwanej kultury popularnej zyskują niezwykle szeroki przestrzenny zasięg obejmujący teren wielu państw i bloków ekonomiczno-militarnych. Życie codzienne jest na ogół związane z przynależnością do konkretnej społeczności lokalnej, ale również coraz częściej jest też częścią sieci relacji tworzących społeczności transnarodowe – społeczności migrantów regularnie podróżujących między krajem pochodzenia a miejscami pracy usytuowanymi w innych państwach.

4. Nowa i stara lokalność

Omówione propozycje teoretyczne rzucają oczywiście nowe światło na relacje kultura – lokalność – miejsce. Przede wszystkim podważają pogląd o istnieniu jakiejś prostego związku między kulturą a terytorium. W istocie wskazują na istnienie różnych sieci globalnego obiegu informacji, z których część nie ma wyraźnego komponentu terytorialnego. Czy zatem warto w ogóle

---

interesować się lokalnymi odmianami życia kulturowego, lokalnymi ideami i praktykami?

Zafascynowanie mobilnością kulturową prowadzi niekiedy do ignorowania praktyk, idei, wyobrażeń, które mają charakter terytorialnie bardziej ograniczony czy wręcz lokalny. Co więcej w warunkach globalizacji powstają nowe formy lokalności.

Socjolog Saskia Sassen twierdzi na przykład, że bez zrozumienia związków łączących specyficzne treści kulturowe z określonymi miejscami nie będziemy w stanie pojąć specyfiki procesów globalizacji. Sassen zauważyła, że mieszkańcy globalnych metropolii funkcjonują w specyficznym lokalnym środowisku metropolitalnym, w którym koncentrują się pewne szczególnie lokalnie dostępne usługi, infrastruktury technologiczne, oraz postaci wiedzy. Jednocześnie ci sami ludzie żyją w ramach przestrzennych państwa narodowego oraz ponadnarodowych korporacji działających na globalnych rynkach usług i towarów (Sassen 2001: 272).

Zdaniem Sassen badania nad globalizacją zmuszają nas nie tyle do przyjęcia poglądu, że treści kultury uległy deterytorializacji, czyli oderwały się zupełnie od terytorium, co do stwierdzenia, że tworzą one rozmaite obiegi informacji o różnych przestrzennych zasięgach i kierunkach. Jako przykład można wziąć właśnie wielkie metropolie nowoczesnego kapitalistycznego świata - tzw. globalne miasta. To dzięki specyficznym usługom i wiedzy, jakie można w nich odnaleźć mogą globalne przepływy informacji, które najczęściej kojarzymy z globalizacją (Sassen 2007a).

Antropologowie obserwują od ponad dekady nowe formy lokalności związane z globalnym przemysłem turystycznym. W wielu miejscach świata oferta dla turystów zawiera możliwość nabycia lokalnego rękodzieła, próbowania lokalnych potraw, uczestniczenia w lokalnych uroczystościach i obrzędach. Wzrost propozycji turystycznej tego rodzaju polega na tym, że posiada element czegoś wyjątkowego, dostępnego tylko i wyłącznie w unikalnych miejscach. Lokalność usług i artefaktów może stać się wielkim atutem w epoce, gdy wiele treści kulturowych ulega homogenizacji i standaryzacji.

Mylimy się również sądząc, że starsze formy lokalności straciły całkowicie na znaczeniu. Skupiając na chwilę uwagę na mieszanej religijnie wsi w Macedonii, w której prowadziłem antropologiczne badania terenowe, chciałbym pokazać, że lokalne idee i praktyki współistnieją w intrygujący sposób z elementami kulturowymi należącymi do ponadlokalnych – odpowiednio państwowych i transnarodowych ram przestrzennych.

Po pierwsze, warto zauważyć, że wieś i region, w którym jest ona położona nie są i historycznie nie były obszarami izolowanymi, odciętymi od świata.

Stanowiły raczej i stanowią węzły w sieci zmiennych historycznie powiązań ekonomicznych i politycznych.

Dla męskiej części populacji regionu Dolna Reka położonego w zachodniej Macedonii jednym z głównych źródeł utrzymania były i są migracje zarobkowe. W historiach rodzinnych mieszkańców znajdujemy opowieści o wyjazdach zarobkowych mężczyzn jeszcze w czasach, gdy region i wieś Rostuše, (w której koncentrowały się moje badania) znajdowały się w granicach imperium osmańskiego. Mieszkańcy wyjeżdżali zarobkowo do innych krajów także w okresie, gdy ich wieś po pierwszej wojnie światowej znalazła się w granicach Królestwa Jugosławii. W okresie drugiej wojny światowej odbywano z kolei piesze wędrówki do Albanii. W czasach powojennym wieś znalazła się w Republice Macedonii wchodzącej w skład Socjalistycznej Jugosławii. Część muzułmańskich mieszkańców opuściła Dolną Rekę w latach 50-tych i 60-tych XX wieku, emigrując do Turcji. Osiedlali się w miastach takich, jak Izmir, Manisa, czy Istambuł. Migracje zarobkowe stanowią ważny rys życia wsi i regionu po dziś dzień, chociaż w ostatnim dwudziestoleciu zmienił się gwałtownie ich kierunek, podstawowym miejscem migracji są obecnie północne Włochy, przede wszystkim Rawenna i Mediolan.

Region był i jest nadal przestrzenią, w której widoczna staje się polityka państw w obrębie, których przychodziło mieszkańcom żyć. Na przykład w wyniku polityki prowadzonej w latach 50-tych i 60-tych XX wieku duża część mieszkańców opuściła Dolną Rekę, by przenieść się do ośrodków miejskich Macedonii. Z kolei w latach 70-tych XX wieku państwo prowadziło industrializację wsi, by powstrzymać odpływ ludności. W okresie kryzysu ekonomicznego, jaki towarzyszył transformacjom ustrojowym w ostatniej dekadzie minionego wieku, wiejskie fabryki zamknięto i w regionie zapanowało ogromne bezrobocie. Skutki makroekonomicznych przeobrażeń są odczuwane po dziś dzień.

Jak wiele innych miejsc Dolna Reka jest obszarem prowadzenia przez państwo określonej polityki narodowościowej i symbolicznej. Na placu w centrum wsi można odnaleźć solidnie wyglądający maszt, na którym powiewa flaga państwowa Republiki Macedonii. W lokalnej szkole dzieci przechodzą ten sam program nauczania w języku macedońskim, który jest realizowany w innych szkołach na terytorium kraju. Centrum wsi Rostuše jest sceną różnego rodzaju uroczystości państwowych a także mitingów politycznych różnych partii. Trudno byłoby powiedzieć, że aparat władzy w Macedonii jest zupełnie obojętny na to, co dzieje się we wsi, w ten czy inny sposób – przy poparciu, obojętności lub przy oporze mieszkańców – działa na rzecz utrwalania macedońskości całego regionu i należących do niego wsi.

Efektem transnarodowego charakteru Dolnej Reki jest wielojęzyczność mieszkańców. Oprócz macedońskiego część z nich posługuje się językami takimi jak turecki i włoski. Powszechny dostęp do telewizji kablowej i Internetu, doświadczenia wyniesione z podróży zarobkowych do wielu krajów powodują, że do życia ludzi już dawno wkraśli się wzory życia związane z globalną kulturą konsumpcyjną. Obok małego baru, w którym sprzedaje się potrawy typowo macedońskie takie kebabczinia i pleskawicę, znajduje się pizzeria, w której można zjeść włoską pizzę. Młodzi mężczyźni z zapałem kibicują hiszpańskim i angielskim drużynom piłkarskich występującym w Lidze Mistrzów. Mecze ulubionych zespołów ogląda się grupowo wieczorami w kilku barach wyposażonych w plazmowe telewizory. Wielu mieszkańców wsi przebywających w północnych Włoszech pozostaje w kontakcie z rodziną żyjącą w tutejszych wsiach dzięki portalom społecznościowym (Facebook), programom w rodzaju Skype i telefonii komórkowej.

Czy oznacza to, że wieś, o której piszę stała się po prostu macedońską wsią nie odróżnialną od setek podobnych wiosek na terytorium Republiki Macedonii? A może proces uniformizacji i homogenizacji przestrzeni ludzkiego życia społecznego posunął się tak daleko, że jest to miejsce nie odróżnialne od tysięcy wsi, w których znajdują się pizzerie oraz lokale z plazmowymi telewizorami, na których wieczorami ogląda się mecze piłkarskie?

Sądzę, że byłby to pochopny wniosek. W końcu życie we wsi nie sprowadza się tylko do udziału w powszechnie dostępnych praktykach kulturowych, ale również praktykach i formach posiadających pewien rys lokalny i związany z miejscem. Weźmy przykład praktyk obrzędowych – obyczajów i rytuałów religijnych. Pozornie może się wydawać, że są to globalne formy kulturowe, które przenosi się swobodnie z miejsca na miejsce, podobnie jak notebook czy telefon komórkowy. Jednak niektóre praktyki obrzędowe – chociażby obchody prawosławnego święta Vodici czy muzułmańskie wesela – są ściśle związane z topografią terenu wsi.

Elementami współżycia mieszkańców wyznających różne religie jest z jednej strony sąsiedztwo, z licznymi zasadami, które wiążą mieszkających obok siebie ludzi, z drugiej podtrzymywane różnice dialektalne między prawosławnymi a muzułmanami. Jedne i drugiej zyskują znaczenie w lokalnych ramach przestrzennych.

W związku z powyższym twierdzę, że lokalne elementy kultury nie tyle całkowicie zanikły, co zyskały nowy status. Nie obejmują całości życia społecznego, lecz pewien jego aspekt. Trudno sobie wyobrazić życie mieszkańców regionu bez szkół, ośrodków zdrowia, lokalnej administracji państwowej, bez uczestnictwa w upowszechnianych przez telewizję oraz Internet formach kultury popularnej. Niemniej jednak ci sami ludzie uczestniczą

w lokalnych praktykach obrzędowych i zwyczajach, niekiedy szukając sposobu wyleczenia chorób, zamiast do lekarza czy szpitala udają się do lokalnych miejsc świętych, takich jak prawosławnych klasztorów, albo uciekają się do rady muzułmańskich jasnowidzów i egzorcystów.

Nie ma wątpliwości, że pewne treści kulturowe straciły związek z lokalnymi ramami przestrzennymi. W warunkach globalizacji związki między elementami kultury a lokalnościami wydają się również mniej trwałe. Ludzie żyjący w określonych miejscach wykorzystują zarówno, to, co powszechne i globalne, jak też to, co lokalne i specyficzne.

Bibliografia:

- Ahearn, L. (2013), *Antropologia lingwistyczna. Wprowadzenie*, przekł. W. Usakiewicz, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Kraków.
- Appadurai A. (1999), *O właściwe miejsce hierarchii* (przekład: W. Dohnal), [w:] M. Buchowski, (red.), *Amerykańska antropologia postmodernistyczna*, Instytut Kultury: Warszawa.
- Appadurai A. (2001), *Grassroots Globalization and the Research Imagination*, [w:] A. Appadurai (red.) *Globalization*, Duke University Press: Durham and London.
- Appadurai, A. (2003), *Sovereignty without Territory. Notes for a Postnational Geography*, [w:], S. M. Low and D. Lawrence-Zuniga (red.) *The Anthropology of Space and Place. Locating Culture*, Blackwell Publishers: Malden, Mass, Oxford 2003, s. 157-171.
- Appadurai A. (2005), *Nowoczesność bez granic. Kulturowy wymiar globalizacji*, Universitas: Kraków.
- Augé, M. (1995), *Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*, Verso: London, New York.
- Basch, L., Glick-Schiller, N., Szanton Blanc, C., (1997), *Nations Unbound. Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*, Gordon and Breach Publishers: Amsterdam.
- Bauman, Z. (2008), *Wspólnota. W poszukiwaniu bezpieczeństwa w niepewnym świecie*, Wydawnictwo Literackie: Kraków.
- De Certeau, M. (1984), *The Practice of Everyday Life*, translated by: S. Rendall, University of California Press: Berkeley
- Dunaj B. (1996), *Przedmiot i kierunki badań dialektologicznych*, [w:] S. Dunaj, J. Reichan (red.) *Studia Dialektologiczne*, Polska Akademia Nauk, Instytut Języka Polskiego: Kraków.

-
- Gellner E. (1991), *Narody i nacjonalizm*, Państwowy Instytut Wydawniczy: Warszawa.
- Giddens, A. (1990), *The Consequences of Modernity*. Polity Press: Oxford.
- Guarnizo, L. E., Smith, M.P., (1999), *The Locations of Transnationalism*, [w:] L. E. Guarnizo, M.P. Smith, (red.), *Transnationalism from Below*, Transaction Publisher: New Brunswick, New Jersey.
- Gupta A., Ferguson J. (1997), *Culture, Power, Place: Ethnography At The end of an Era*, [w:] A. Gupta, J. Ferguson (red.), *Culture, Power, Place. Explorations in Critical Anthropology*, Duke University Press: Durham and London.
- Hannerz, U. (1996), *Transnational Connections. Cultures, People, Places*, Routledge: London and New York.
- Hannerz, U. (2003), *Several Sites in One*, [w:] Hylland Eriksen, Thomas (red.), *Globalization. Studies in Anthropology*, Pluto Press: London.
- Inda J.X., Rosaldo, (2008), *Tracking Global Flows*, [w:], J. X. Inda, R. Rosaldo (red.) *The Anthropology of Globalization. A Reader. Second Edition*, Blackwell Publishers: Malden, Mass, Oxford 2008, s. 3-46.
- Jałowiecki B., Szczepański M. (2002), *Rozwój lokalny i regionalny w perspektywie socjologicznej*, Wyższa Szkoła Zarządzania i Nauk Społecznych w Tychach: Tychy.
- Lefebvre, H. (1991), *The Production of Space*, Translated by D. Nicholson-Smith, Blackwell Publishing: Oxford.
- Lubaś, M. (2010), *Przestrzenne skale odtwarzania miejsca*, (w:) A. Bukowski, M. Lubaś, J. Nowak (red.) *Społeczne tworzenie miejsc*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Kraków.
- Robertson, R. (1987), *Church-State Relations and the World System*, [w] T. Robinns, R. Robertson (red.), *Church-State Relations: Tensions and Transitions*, Transaction Books: New Brunswick, New Jersey.
- Rouse, R. (2002), *Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism*, [w:], J. X. Inda, R. Rosaldo (red.) *The Anthropology of Globalization. A Reader*, Blackwell Publishers: Malden, Mass, Oxford 2002, s. 157-171.
- Sassen, S. (2007a), *A Sociology of Globalization*, W.W. Norton Company: New York and London.
- Sassen, S. (2007b), *Globalizacja. Eseje o nowej mobilności ludzi i pieniędzy*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Kraków.
- Soja, E. W. (1989), *Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory*, Verso: London and New York.
- Urry, J. (2009), *Socjologia mobilności*, przekł.: J. Stawiński, Wydawnictwo Naukowe PWN: Warszawa.

Марјан Марковиќ
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје

Релацијата село↔град низ призмата на охридските говори

Охридските говори се дел од дијалектната целина на охридско-струшките говори која пак, заедно со преспанските, дебарските и горнополошките говори спаѓа во поголемата група на западни периферни говори. Западните периферни говори, заедно со централните (скопско-велешки, прилепско-битолски и поречко-кичевски) го сочинуваат западното македонско наречје. Голем дел од карактеристиките на западните периферни говори се должат на меѓујазичните контакти во рамките на конвергентниот развој на балканската јазична заедница. Бројот на тие карактеристики се зголемува во контактните зони на микросистемите, а токму во рамките на охридско-струшките говори меѓујазичната интерференција навлегла длабоко во нивните граматички системи.

Од друга страна пак, внатрешната дијалектна диференцијација во рамките на локалните говори, се темелела и на наследените словенски карактеристики на соодветните дијасистеми, а понекогаш и на социјалните разлики и потребата за престиж на градските во однос на селските средини.

Затоа во овој текст ќе бидат разгледани неколку дијалектни карактеристики кои покажуваат двата главни правци на нивна дистрибуција - едниот кој се однесува на бришење на локалните разлики во подлабоките нивоа на јазичниот систем и нивно пренесување во пошироки регионални рамки, и другиот правец - кој се однесува на разликувачките карактеристики во рамките на локалните говори, а со цел на зачувување на престижот на стариот дел од Охрид - Варош.

0.1. Охридско-струшки говори - основна поделба

Охридско-струшките говори, според дијалектната поделба на Видоески (Видоески 1998) се разместени во 5 помали дијалектни целини: Градскиот охридски говор (со посебен експонент во говорот на стариот дел - Варош), говорот на приезерските села (Пештани, Трпејца, Љубаништа...), говорот на Дебарца, струшкиот говор и вевчанско-радошките говори (Вевчани, Радожда, Мали Влај и Лин). Оваа група локални говори, покрај карактеристиките кои ја вбројуваат во рамките на западните периферни говори, имаат и две групи карактеристики кои ги

споделуваат со дебарските говори од една страна и со преспанските говори, од друга страна. Покрај тоа, одреден број карактеристики ги диференцираат горенаведените локални говори во рамките на охридско-струшкиот ареал. Меѓу нив само би ги споменале: континуантите на носовката *ʃ и на вокалните */ i *ʎ реализацијата на одредени вокални секвенци, преминот на акцентирано неиницијално *a* во темен вокал (ǎ), реализацијата на интервокалното *v* како и на други консонанти во интервокална позиција, потоа реализацијата на одредени консонанти како *ќ, ѓ, љ, њ, ...*, упростувањето на одредени консонантски групи, а во рамките на морфологијата и посебно морфосинтаксата - разликата (пред сè од формален аспект) кај заменските форми, разликувањето на општа и номинативна форма кај именките, остатоци од дативната флексија, разлики во глаголските форми и наставки како и интензитетот на употребата на одредени глаголски конструкции чија и формална и функционална зона е обусловена од меѓујазичните балкански контакти.

1. Дијалектно раслојување - регионални карактеристики

Во рамките на охридско-струшките говори можеме да го посочиме охридскиот говор кој поседувал голем број наследени словенски карактеристики, посебно на лексичко и на фонетско ниво, а од друга страна, од балканска перспектива, тој претставува иновационо јадро за балканските јазични тенденции, како на глаголски план, така и во доменот на морфосинтаксата. Карактеристиките специфични за говорот на стариот дел - Варош полека се губат (како на пр. гл. прилог на *-ештем/-ешчем*) и веќе може да се зборува за еден охридски говор кој ги зафаќа и другите делови на градот, па и поширокиот ареал. Сегашните носители на охридскиот говор се и оние чии родители како мајчин јазик го имале ароманскиот, а донекаде и турскиот и албанскиот. Тие во секојдневната употреба ги внесуваат карактеристиките наследени од нивниот 'балкански код' и со тоа ги забрзуваат тенденциите од периодот на конвергентниот развој на Балканската јазична заедница.

Една од тие тенденции ја наведува и Видоески (Видоески 1998):

"Така, на пример, глаголските форми со 'има / нема' + *n*-партиципот овде се многу чести. Сп.: *Имат работено, имат имано, имат дојдено; имаше дојдено, имал дојдено*. Исто така и конструкциите со 'сум' овде се многу чести, сп. *Сум биден. Овде сум дојден прет пет-години*. Од друга страна, пак, опаѓа фреквенцијата на класичниот перфект за непрекажани дејства, така што тој функционира овде, главно, како форма за прекажаност."

Од денешен аспект може да се каже дека употребата на *има* *конструкциите* е сè позачестена и таа веќе станува основна конструкција за изразување на (неопределена) минатост. Најчесто на прв план избива дека се работи за минат факт (силна увереност) и за неутрален (несубјективен) однос. Пр. (конверзација од Охрид) : *Оломлани Љупчо имат дојдено од Америка. Имат донесено ногу пари. Имат купено куќа, кола. Имат изградено хотел, имат вработено поке л'уге. А порано имат живеено во куќана од Алија под кирија. Имат седено и кај Мамута. Имат продавано весници по улица. Јас му давав бакиши. Не знам дал` уште е Охрид, ил си имат ојдено Америка.*

Од примерите може да се заклучи дека најважно е пренесување на дејството како **факт**, при што не се зазема субјективен став. Па така, покрај: *Тој имат ојдено на плажа; Тој имат купено куќа чаршија; Тој се имат качено на планина,*; може да се сретнат и конструкции од типот: *Тој немаат можено да дојт; Тој имат морано да се качит на кров; Тој имат мислено дал' да купит кола, и сл.*

Така, зголемената употреба на има-конструкциите се шири на поголем ареал станува регионална карактеристика на западните периферни говори. Истата тенденција се шири и во современиот јазик, па така сè почести се конструкциите од типот:

1. На ревиите *има носено* модели на познати креатори.
2. Регионот го *има носено* името Македонија низ векови,
3. Тој *има работено* на проекти во Центарот за проучување на меѓународните односи од Париз.
4. Имаш *трчано* на маратон?
5. Инаку јас *имам одено* во таа градинка, ама тоа било многу одамна,

Другата тенденција, која исто така има балкански карактер, го зголемува своето функционално поле и по истиот пат се шири низ локалните говори и полека станува регионална карактеристика и на тој начин полека станува и дел од современиот / стандардниот јазичен израз. Имено се работи за т.н. удвоени предлози (*од пред, од зад, до под, за на и сл.*), појава за која пишуваат и Конески и Димитровски во своите монографии (Димитровски 1955; Конески 1982). Нивната употреба во охридските говори станува сè позачестена и дури неизоставен дел од јазичниот израз во Охрид.

Така, се работи за конструкции од типот: *Бев на риба. Чера се вратив од на риба. Си дојде од на работа. Земи ги дрвата од под скали. Имам кесе за на пазар....*

Доколку се анализираат овие конструкции со предлошки серии, ќе се воочи дека во случајот *од на работа, од под скали* се работи за конструкција во која првиот предлог (во случајов *од*) претставува надреден показател за динамична релација и управува со предлошка фраза (*на работа, под скали, ...*) која пак е една просторна целост, просторна одломка. Така, пренесено во терминологија на просторните односи, предлогот **од** ја управува динамичната релација (извор) во која предлошката фраза го претставува локализаторот. Во речениците пак од типот: *Ќе ги носам до пред школо, Имам кесе за на пазар. Собирам дрва за пред куќи*, се работи за конструкции во кои првиот предлог (во случајов *до* и *за*) претставуваат надредени показатели за динамична релација (лимитирана / нелимитирана цел) а предлошката фраза е во улога на локализатор.

И тука, балканската јазична интерференција ја одиграла својата улога. Имено, оваа појава е вообичаена во *aromanski ot*, а *i vo romanski ot* јазик оваа појава е *regularna i standardna*.

Mi tor di la jatur.

Mi tor di la peshch.

Се враќам од на_лекар.

Се враќам од на_риби.

Njā esti multu klōri shā ljā skosh stranjali di pi mini.

Многу ми е ладно и ги истадов алиштата од на_мене.

Во рамки на поширокиот западен периферен ареал, може да се сретнат вакви конструкции. На пр. :

Тој (братоф) им-се-пулит из-работ од-гуната и-скокнал од-на-ношви.
(Струшко)

Ко-што-си-спиел од-навале, та излегла од-зад-врата да-мети.
(Дебарца)

И тук, како нешто ветар од-под-долапот. Под-долапот била клачката.
(Октиси - Струшко)

И тој слагат од-на-кон' и е-велит (на-женава): "Слезе ти од-на-кобилава; ја ке-се-кача на-кобилава, ти ке-се-качиш на-кон'оф.
(Дримколско-голобрдски говор - Јабланица)

Така, вакви конструкции со надреден показател на динамичниот однос (извор или цел) сè почесто може да се сретнат и во современиот /стандардниот јазичен израз.

Примери:

Професионалните војници се повлекоа од пред Владата.

Ова е поглед од зад седиштата на возачот.

При откривањето на црквата ја откриеме стратиграфијата, и во едниот дел стигнавме до под темелите.

*Секоја година купува петунии **за на** тераса.*

*Македонија е подготвена **за во** НАТО!*

*Оние што не беа **за кај** нас ги препраќавме во други установи*

Така, овие две тенденции ни покажуваат како одредени карактеристики го преминуваат прагот на локалното и стануваат препознатлив јазичен белег на поширок ареал. А сржта на мотивацијата за пошироката употреба на овие карактеристики лежи во потребата на говорителите за што појасна и поеднозначна комуникација. Фактот дека овие конструкции си го наоѓаат своето место и во стандардниот јазичен израз ја покажува универзалноста на таа потреба а и природно е стандардот да ги црпи овие јазични средства од дијалектите кои пак ги доразвиваат и тенденциите поттикнати од периодот на интензивен меѓујазичен контакт.

2. Локално izdelување - охридските говори и говорот на Варош

Доколку ги погледнеме локалните говорни целини, може да се забележат и разлики меѓу градот Охрид како целина, говорите на приезерските села и говорите во областа Дебарца.

Како примери ќе наведеме неколку карактеристики:

Охрид:

Групата /oa/ кога не е на морфемска граница меѓу две лексички морфеме по правило се асимилира во долго [o:], сп. *Jo:n, то:, то:р, тро:, осно:, со:л'ка, бро:м, сто:м* (*Joан, тоа, тоар, троа, основа, броам*).

Во 1 л. едн. на презентот во градскиот говор се генерализирала наставката -м кај сите глаголи, сп. *викам, носам, одам, берам*, а во 3 л. мн. наставката -ет: *вике:т, носе:т, пере:т, сто(ј)е:т, се сме(ј)е:т*.

Во 1 л. мн. на аористот и имперфектот наставката се јавува во фонетската разновидност -фме, а во 3 л. мн. како наставка се оформила -ја, сп.: *викаја, тијаја, носеја, рекоја,...*

Приезерски села:

Вокалната група /oa/ во говорот на приезерските села најчесто се реализира како секвенца /va/, сп. *тва (тоа), затва, тварено магаре, тварка, никваш (никоааш < никогааш), секваш, ...*

Во глаголскиот систем *e*-групата сè уште не е целосно интегрирана. Таа се чува кај глаголите на кои општиот дел им завршува на вокалите *-и* и *-у*, сп. *виет, се криет, се миет, пиет, шиет, чует, обует...*

Во 1 л. едн. на презентот наставката *-м* редовно се јавува само кај глаголите од *a*-група: *викам, копам, работам – работааш*, додека кај другите глаголи таа се јавува факултативно, сп. *бера(м), не спија(м), стоја(м)*, а редовно во *сум* и *нејкум*.

Во 3 л. мн. на минатото определено време се јавува: *реква (рекоа), дојдва, влегва, остригва, пресеква...*

Дебарца:

Гласот *ф* се јавува само како алофон на фонемата /в/ на крајот и пред безвучен опструент, сп. *офца, мафца*,. Во другите позиции се јавува /в/, сп. *вурна, воја (фоја), венер, вишек, се валит, в...л'ат, витил', вустан винџал, каве,...*

Во 1 л. на презентот овде отсуствува наставката *-м* воопшто, дури и кај помошниот глагол 'сум', сп. *су, не су оден Кича:, ја ке работа, носа, бера, ора*.

Во 3 л. мн. се употребуваат две наставки: *-ат* и *-ет*. На *-ат* завршуваат глаголите од *и*- и *e*-група, додека наставката *-ет* е ограничена на глаголите од *a*-група, сп.: *носат, пал'ат, мол'ат, сечат, јадат, ткат, с'ат (сеат), пијат : имеет (име:т), викеет, копееет, игрееет, збирееет*, или во контрактирана форма: *име:т, копее:т,...*

Варош:

Јазичната ситуација на старото охридско јадро Варош е поспецифична. Имено, иако одредени специфичности на стариот градски говор полека исчезнуваат (како на пр. чувањето на *х* : *ruho hram, t i ho, muhla greh*), сепак други посебности сè повеќе се потенцираат. Така на пример, додека во останатите делови на Охрид и околината преминот на неиницијално акцентирано *а* во *ај* скоро и да не се случува, во Варош таа карактеристика е регуларна и скоро задолжителна. Па така во Варош е: *Сарџишче* додека во другите делови на Охрид е *Сараиште*. Исто и *рајбота, другџари*,

---

сабота.. Тоа полека станува препознатлив белег на говорот на Варош кој станува последна енклава на стариот охридски градски говор.

Говорот на Варош е специфичен и по консонантските секвенци составени од струјните /с, ш/ и африкатите /џ, ч/. Овде најчесто тие се пазат неизменети, сп. *месџе, вошџе, крушџе, чашџе*. Таа разлика се чува дури и во однос на соседните делови на Варош - Кошишча и Месокастро.

Покрај тоа, друг препознатлив белег на Варош остануваат и секвенците *шч* и *жџ*: *уш'ч'е, сфеш'ч'а, снош'ч'и, фаши'ч'ат, ш'ч'ица, дож'џ'от, веж'џ'а*. Во другите делови на Охрид, овие секвенци се реализираат како *шт/жд*.

Како што може да се види, овие карактеристики се во доменот на фонетско/фонолошките промени и ја преставуваат скоро единствената низа на разлики во рамките на градското јадро и останатите населби.

Заклучок:

Од сето погорекажано, може да се заклучи дека како што имаме лично динамичен развој и промени во рамките на современиот македонски јазик, така и во рамките на дијалектите се случуваат голем број на раздвижувања и промени. Голем дел од карактеристиките кои спаѓаат во рамките на подлабоките јазични нивоа (морфосинтакста и семантиката) ги надминуваат локалните рамки и добиваат регионален карактер и како такви полесно навлегуваат и во современиот јазик. Од друга страна пак, локалните разлики, посебно разликите меѓу селските и градските говори остануваат на фонолошко и морфолошко ниво. Така можеме да ја гледаме ситуацијата и со охридските говори. Морфосинтаксичките карактеристики го шират својот појас на функционирање, а разликите меѓу локалните говори остануваат во доменот на фонолошкиот и делумно морфолошкиот систем. Ситуација во Охридско е посебно специфична поради долговековниот престиж на старото градско јадро Варош при што и таа микроцелина со помош на одредени, пред сè фонолошки карактеристики настојува да го сочува својот социјален и јазичен статус.

Користена литература:

- Видоески Б., 1998, *Дијалектите на македонскиот јазик, Том 1*, МАНУ, Скопје.
- Видоески Б., 1999, *Дијалектите на македонскиот јазик, Том 2*, МАНУ, Скопје.
- Видоески Б., 1999, *Дијалектите на македонскиот јазик, Том 3*, МАНУ, Скопје.
- Голомб З., 1970, *За "механизмот" на словенско-романските односи на Балканскиот полуостров*, Македонски јазик, год. XXI, Скопје.
- Димитровски Т., 1956, *Значења и употреба на предлозите во македонскиот литературен јазик*, Скопје.
- Илиевски Хр. П., 1988, *Балканолошки лингвистички студии*, Скопје.
- Конески Б., 1981, *Грамматика на македонскиот јазик*, Култура, Скопје.
- Конески Б., 1982, *Историја на македонскиот јазик*, Култура, Скопје.
- Марковиќ М. 2011, *За удвојување на предлозите во охридскиот говор*, XXXVII Научна конференција, при Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура, Универзитет "Св. Кирил и Методиј", Скопје, 2011, 195-203.
- Пипер П., 1988, *Заменички прилози у српскохрватском, руском и пољском језику (семантичка студија)*, Институт за српскохрватски јазик, Београд
- Солеца К. М., 1979, *Удвојување на предлозите во македонскиот јазик од гледна точка на нормата на литературниот јазик (во споредба со другите балкански јазици)*, Зборник на трудовите на V научна дискусија, Скопје, стр. 53-58.
- Тополињска З., 2011, *Квалификаторите: "Дијалектно" vs "Регионално" во описот на македонскиот стандарден јазик*, *Studia Linguistica Polono-* (Meridiano) Slavica, t. 14-15, 161-167
- *
- Caragiu-Marioteanu M., Saramandu N., 2005, *Manual de aromână*, București.
- Cienki A., 1989, *Spatial cognition and the semantics of prepositions in English, Polish, and Russian*, München.
- Przysłówki i przyimki, 2005, *Studia ze składni i semantyki języka polskiego*, pod redakcją Macieja Grochowskiego, Toruń.
- Solecka K. M., 1983, *Semantyka czasowników ruchu w języku macedońskim*, Uniwersytet Śląski, Katowice.
- Weinsberg A., 1971, *Przyimki przestrzenne w języku polskim, niemieckim i rumuńskim*, PAN, Warszawa.

Софија Р. Милорадовић¹
Институт за српски језик САНУ, Београд
Универзитет у Нишу, Филозофски факултет

Говорни тип града – комуникацијска стратегија и идентификацијска пракса у Србији данас

Неколку пасуси од моето воведно излагање се напишани на македонски јазик, а во знак на сеќавање на професорот Божидар Видоески, кој и во оваа пригода не собира на нему својствен начин, како и во знак на благодарност на Истражувачкиот центар за ареална лингвистика при МАНУ (кој го носи името на професорот), всушност, како знак на посебна благодарност за професорката Зузана Тополињска и за сите нејзини соработници, што ми направија голема чест и задоволство со тоа што ме поканија да учествувам на овој собир. Јас нарочно не реков куртоазно *академик Видоески*, бидејќи сметам дека е многу поголема почит, кога помеѓу другото, некој ќе остане запаметен и по својата извонредно завршена педагошка мисија со достоински следбеници.

I

До педесеттите години на минатиот век, општествениот развој во нашата земја, речиси, во целост се базирало врз традиционалните вредности и врз традиционалната организација. Меѓутоа, тогаш, во значајна мерка, почнува да се одвива процесот на општествено-економската модернизација, а со тоа и процесот на културна трансформација, менувајќи ја забрзано културната физиономија на заедницата. Иницираните општествени промени, предизвикани од глобалните процеси, особено од процесите на индустријализацијата и урбанизацијата, значително влијаеја врз промените на сфаќањата и односите кон стварноста, а главно беа засновани врз модернизацијата на општествената заедница, при што не е заобиколен ниту еден сегмент од општествениот живот – целокупната материјална и духовна сфера на поединецот и неговото опкружување (в. повеќе кај Милорадовић 2012: 30–34).

---

* Овај текст је резултат рада на пројекту 178020: *Дијалектолошка истраживања српског језичког простора*, који у целини финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

Имајќи го предвид претходно кажаното, парадоксално, но во почетокот на втората половина на дваесеттиот век постоеше во југословенското / српското општество еден идеолошки проблем кој, пак, се базираше на стереотипното сфаќање за природата на градскиот говор, сфаќањето на нешто мешовито како искривено во однос на неискривеното – т.е. на изворниот јазик на селото (Бугарски 2009: 16–17). Реченото е сврзано со моделот на паролата *работници, селани и чесна интелигенција*, под што, веројатно, се подразбираше мнозинството на нечесната интелигенција.

Всушност, може да се каже дека периодот на изминатите децении го одбележаа два вида на предрасуди. Од една страна, живееја гореспоменатите предрасуди кон говорот на градот, а од друга страна се множеа предрасудите кон призренско-тимочките и косовско-ресавските говорни типови на српскиот јазик и (што свесно, што несвесно) го потхрануваа „негувањето“ на јазичната инфериорност на говорниците од призренско-тимочкото или косовско-ресавското подрачје во однос на говорниците од новоштокавската говорна територија (сп. Станковиќ 2008: 39, нап. 23). Како резултатот од тоа е постоењето и јавно искажување на ставови кои сведочат за фрустрирачките моменти кај поединците со потекло од староштокавскиот терен: изјава на мојот студент во Косовска Митровица, во текот на одговарањето на испитното прашање, дека тој знае дека неговиот роден дијалект е *погрешен*. Последица од таквиот вид на фрустрација е и познатата хиперкорекција: *написала сам, идем у Београду* и сл. Меѓутоа, би можела да кажам – неочекувано, но, веројатно, може сосема да се објасни и од призмата на „скратена дијалектолошка визура“ – по поставувањето на границата на Дрина, студент од еден град во западна Србија изјавува дека пренесувањето на проклитика, од типот *изашао је из куће*, што е, пак, составен дел на прозодискиот систем на српскиот стандарден јазик, помеѓу врсниците него го квалификува како „селанец“ и со тоа го прави мошне погоден за исмејување.

Кога пак станува збор за говорите на градовите на теренот на косовско-ресавскиот дијалект и на призренско-тимочкиот дијалектен корпус, прелиминарните опсервации покажуваат дека, исклучувајќи ги професионалните терминологи и на одредено место ставајќи го општиот младински жаргон, „координатен систем во кој се сместуваат целосни информации за дистрибуција на поедини јазични манифестации земајќи ја предвид локацијата, но исто така и општествената припадност и статусот на говорникот“ (Бугарски 2009: 15), во тие градските говори главно функционира без вертикална димензија, онаа за која се поврзува поимот

на социолектот, и се држи на хоризонтална димензија, на она која „дава одговор“ само на прашањето – како некаде нешто се говори.

И пред самиот крај на пишувањето на овој прилог, кога си помислив дека навистина извлеков некои заклучоци од сето она што го прочитав или прегледав, како и од сопствените запазувања или, пак, од соучествувањето во говорот на современиот србијански град, јас прочитав реченицата на Павле Ивиќ од 1986 година, во текстот *Наши дијалекти и модерно доба*, и сфатив дека професорот Ивиќ и за ова, како и за многу друго кога станува збор за нашиот јазик, јасно ги определи и причината и мерката: „Социјална диференцијација во јазикот има многу поплитки корени и пократок дострел од територијалната“ (Ивиќ 1986: 98).

II

Скица за фонолошки опис градског говора параћинских староседелца, коју сам првобитно начинила, послужила ми је само као интригантна пролегомена за оно што је покушај опсервације ситуације ради давања одговора на питање: са чиме имамо посла када говоримо о говору / говорима града / градова у Србији данас – са локалним или са социјалним дијалектима. Правећи селекцију одређених питања из *Инвентара фонетске проблематике штокавских говора*, који је сачинио Павле Ивиќ (Ивиќ 1962–1963), саставила сам мали упитник и обавила истражување квалитативног типа (оно подразумева невелик број испитаника, али оних које дуго и добро познајете, или са којима блиско сарађујете; уп. Филиповиќ 2009), при чему сам сакупљала податке само од припадника средње и старије генерације (од 1938. до 1968. годишта). Додатно, овакво истражување доноси низ корисних података на плану личног виђења локалног говора, те представља извештај допринос перцептивној дијалектологији, о чему ће пак бити речи неком другом приликом. С друге стране, за покушај давања одговора на централно питање тематске конференције (те потом и производећег зборника), поред личног опсервирања говора припадника омладинске популације у Параћину током више протеклих година, били су ми од велике користи и подаци који се односе на савремени градски говор Лесковца и Врања, изнети, уз друге обрађене теме, у коауторској монографији *Простор, време, друштво – сусрети у језику*, Марине Јањић и Илијане Чутуре (Јањић и Чутура 2012).²

---

² За рад на овој теми драгоцене су ми биле и додатне усмене информације колегинице Марине Јањић, ванредног професора Филозофског факултета у Нишу, у вези са стањем на назначеном терену, на чему јој овом приликом најлепше захваљујем.

Дакле, надаље је дат само кроки фонолошког система говора параћинских староседелаца,³ односно – у најкрупнијим су цртама представљени прозодија, вокализам (појединачни вокали и вокалске групе) и консонантизам (појединачни консонанти и консонантске групе) на плану инвентара и дистрибуције. Свакако, да би се добила потпуно релевантна слика стања урбаног дијалекта било ког градског центра, неопходан је репрезентативан социолингвистички узорак, који пак изискује велики број испитаника, а који припадају и различитим нараштајима, ради добијања задовољавајућег усменог корпуса и прецизне социјалне стратификације говора града, што подразумева изузетно опсежан теренски рад. Треба сачинити упитнике са кључним елементима свих језичких нивоа, како би истраживање резултирало утврђивањем језичких варијабли, да би се потом утврдили и узроци промена.

У Параћинском Поморављу присутан је староштокавски тип акцентуације, тј. новији троакценатски систем изведен из старосрпског двоакценатског инвентара – два дуга и један кратки (краткосилазни) акценат. Дуге и кратке акцензоване силабеме дистрибуирају се на следећи начин: дугоузлазни акценат налази се искључиво на пенултими испред кратке ултимае, дугосилазни – на сваком слогу, а краткосилазни – на сваком слогу осим на последњем, изузев у специфичним случајевима типа *овџм, данџс, отџд*, као и факултативно код неких глагола у 1. л. јд. аориста: *дођџ, нџпојџ*. Једина промена која је забележена у дистрибуцији дугоузлазног акцената јесте померање на претходни слог услед губљења предакценатске дужине; нпр. *жџвџмо* м. *жџвџмо*. Међутим, дугосилазни акценат се по правилу помера са ултимае на пенултиму, и то редовитије са отворене ултимае: *таџко, брдџвит; зџвџем* (али и *зовџем*), *жџели*, (он ће код нас мало да) *посџди, грџбе, чџта, стџји*. Дакле, имамо следећи низ: *жџели* → *жџели*, па тако и *жџлео је, посџди* (мало код куће) → *посџди*, па тако и *посџдео је*, при чему у облику радног глаголског придева имамо уједначавање према „престижном“ облику презента; у вези с тим уп. и *вџли* : *вџлео је* (не *волџо је*, како би било у околним селима). Иначе, на медијалним слоговима се дугосилазни акценат углавном чува: *једџно*,

---

³ Елементи фонолошког система косовско-ресавског говора у сеоским насељима Параћинског Поморавља обрађени су подробније у следећим ауторским прилозима: Софија Ракић-Милојковић, *Основне фонетске особине говора Доње Мутнице*, Прилози проучавању језика, 23, Нови Сад, 1987, 29–51; Софија Ракић-Милојковић, *Фонолошки опис говора села Сикирице (код Параћина)*, Зборник Матике српске за филологију и лингвистику, XXXIV/2, Нови Сад, 1991, 171–180.

завршиш, предâје (математику) (поред прѣдаје), Јовâнка, омогућим. Нема дужења вокала пред сонантом: пѣва, кѡњ (не пѣва, кѡњ). Услед нестајања предакценатске дужине добићемо дуги узлазни акценат м. дугог силазног на слогу на коме је претходно био неакцентовани квантитет; нпр. жи́ви м. жи́ви. Кратки акценат често налазимо на истоме месту на коме је и у говорима руралног параћинског залеђа, а овде ћу навести само неколико примера из моје грађе: лопâта, секѝра, чарâне, детѣту, млекâра, ноћâс (али и нѡћас), одсѣко је, погѝнуо је, ухвâтио је, остâви, калѣми, занѡси се, запѣва, прибелѣжи, опорѣзују, долâзи, донѡси. Међутим, срећу се и примери у којима је кратки силазни акценат померен за један слог унапред: жѣлео је, вѡлео је, нѡсили су (где у питању може бити подршка парадигматског акцента из презента), као и у: једâнаест, бошчâлуци, девѡјчица, шиѣница, понѣдељак (м. једанâес, бачалѡци, девојчѝца, пчениѡца, понедѣљак), што опет не значи да су ово једини акценатски ликови појединих лексема (уп. нпр. понедѣљак). Такође, као и код дугосилазног акцента, слог који је претходно био под неакцентованом дужином „превлачи“ на себе акценат и уместо ранијег кратког силазног добија се дуги узлазни, или пак, но знатно ређе, имамо само премештање краткосилазног акцента не претходни слог; нпр. освѣтила се м. освѣтѝла се, камѣнчићи м. камѣнчѝћи. У аористу, у 1. л. једнине, не јавља се кратки акценат на отвореној ултими, па је ја́ дѡђо, ја́ га нâпоји.

Предакценатске дужине се најчешће губе, те тако добијамо примере са дугоузлазним акцентом, типа рâдио је, ѝде у бѡлницу, штѣдимо (м. рâдио је, у бѡлнѝцу, штѣдѝмо), при чему се оне и у околним селима чувају с малом мером доследности, често се свдећи на полудужину, уколико чак сасвим не изостају. Речи с проклитиком изузетно се ретко владају као акценатске целине: нѣ зна, дошла љ̣ јесен, а у примерима типа не мѡже, не ви́ди изостаје и преношење акцената на одричну речцу не.

И као што се из овог сведеног прегледа може уочити, „отклон“ представљају одређене специфичности на пољу акцентуације: долази до промена ограниченог домета које задиру у дистрибуцију прозодема, пре свега када су у питању дугосилазни и кратки акценат, а делимично и у инвентар, када су у питању предакценатске дужине.

Нема изразитијег, али има извесног отварања средњѝ кратких вокала (е, о) нити пак има незнатног затварања одговарајућих дугих вокала. Двочлане финалне вокалске групе често остају несажете, притом и када им први члан није акцентован (прѣдао, дѡнео, погѝнуо), али се чује: отсѣко сам, рѣко је, мѡго је. Редовно је овâмо, тâмо, толѝко (а не овâм, тâм, тѡлко); углавном изостаје елизија у примеру да ѝде, а гласовни лик поредбене речи је као и ко (не ки).

Сугласници *x* и *j* не ишчезавају у речима *снаја*, *мџа*, *пџају*, те нема контракције којом се уклања зев настао њиховим ишчезавањем. Консонант *x* се елиминира углавном у финалној позицији: *ја ђо*, *ђма*, али *плѣх* (изостаје супституција; уп. *плѣк*); чује се као иницијално и медијално у *хљина*, *хѣктар*, *нахрѣни*, *приход* (без супституције; уп. *прикод*). Консонант *ф* не супституише се сугласником *в*: *кафа*, *фѣно*, *фѣрба*, па тако и *кђфа*, *јѣфтино*. Нема африкатизације фрикативних компоненти, те се чује *пѣто*, *пиѣница* (не *пџто*, *пџеница*). Иза фрикативних консонаната не ишчезавају крајњи дентални плозиви, па је тако *шѣст*, *мѣст*, *вѣшт*, *грђзд*. Секвенце *-сц-* и *-шч-* нису упрошћене губљењем првог члана, те се чује: *исѣђди*, *исѣђпа*, *ишчѣпа*, али се може чути *есѣурѣија*. Група *гђ-* остаје неизмењена у *где*, или се може чути и *де*, али не и *ге*.

Статус појединих елемената фонолошког система у другим српским говорима доприноси томе да, рецимо, сажимање финалних вокалских група или губљење консонанта *x* говорници не осећају као друштвено посве неприхватљиво, као значајније огрешење о стандард.

Када је о другим језичким нивоима реч, даћу овде само неколико крупнијих напомена у вези са говором параѣинских староседелаца: (1) у футуру су уобичајена образовања с непроменљивим *ће*, за сва лица изузев првог, при чему углавном са субјунктивним *да*, типа *тѣ ће сѣтра да ђѣиш*; (2) редовна је употреба акузатива као падежа правца наместо локатива као падежа места,⁴ при чему по правилу не долази „до даљег разграђивања система падежних дистинкција“ (Ивић 1985²), као што је то случај у сеоским насељима Параѣинског Поморавља (детаљније у Милорадовић 2003); (3) обична је употреба адноминалног посесивног датива, који у градском параѣинском говору ипак није потпуни еквивалент беспредлошког посесивног генитива (уп. Милорадовић 2003: 135–142). На разлику у учесталости појединих дијалектизама, као и на факторе који је условљавају, такође треба обратити нарочиту пажњу, при чему „степен сложености система за усвајање од стране говорника“ игра једну од кључних улога при одвијању језичких промена на подручју чији се идиом не сматра престижним у односу на српски језички стандард (Тома 1994/1995: 189). Свакако, у вези са првом и другом особином треба имати у виду да се ограничена употреба инфинитива, као и употреба вијатива

---

⁴ У вези са другом наведеном особином је и хиперкорекција, као директна последица стигматизације припадника староштокавског говорног корпуса: *ко наставља за Бор, пређите у ђругом аутобусу*.

наместо локатива (па и инструментала) често срећу и на неким другим српским говорним подручјима (уп. Ивић 1985²).

Све наведене језичке промене објашњавају се изванјезичким факторима; стандардним облицима, или пак онима који више „заличе“ на стандардне, замењују се најпре неке уочљивије, истакнутије карактеристике, оне које говорници непрестижних идиома осећају као друштвено изразито неприхватљиве, као крупну грешку у односу на стандарднојезичку норму. Дублетни ликови, пак, сведоче нам о тзв. језичкој несигурности говорника, али и о правцу у коме се процес језичке промене одвија.

III

Урбане језичке варијетете на косовско-ресавском и призренско-тимочком дијалекатском подручју чини, пре свега, њихово дијалекатско залеђе, тј. они су „задржали своју дијалекатску базу околних руралних средина“ (Ђупић 1996: 164), а тек потом извесна реорганизација у оквиру свих језичких нивоа, иновације у оквиру дијалекатске „норме“ које представљају уподобљавање, тачније – приближавање у појединим сегментима оне што је говорна норма стандардног српског језика. Притом, мера тога уподобљавања које се тиче стандарднојезичке норме зависи у великој мери од личне (не)спремности појединца на избор адекватне *комуникацијске стратегије*.

Параћин, Врање и Лесковац, урбани центри на косовско-ресавском и призренско-тимочком дијалекатском подручју, барем на основу прелиминарних посматрања, јесу градске средине у којима социјално раслојавање, тј. ниво образовања или економска позиционираност, у прилично ограниченој мери утиче на говор појединца. Издиференцираност говорника по основу њиховог социјалног статуса засад је још увек недовољно уочљива, јер друштвена диференцијација не укључује *per se* диференцијацију у употреби одређеног језичког идиома. У јавним службама, па чак и у настави, дакле – у ситуацијама у којима је комуникација на дијалекту неприхватљива, није доследно присутан осећај обавезе да се користи стандардни језик. Ситуациони контекст за употребу стандардног идиома нема онакав значај какав би требало да има. Постоје само појединачни случајеви „освешћивања“ ситуације која изискује одговарајући језички регистар, покушаји појединаца да се придржавају проскриптивне норме у јавној комуникацији, и то често не бива у непосредној вези са степеном образовања појединца. Повратак свршених студената у родне градове, међу сроднике и пријатеље, најчешће, после извесног времена, доноси враћање матерњем дијалекту, тј. његовој урбаној

варијанти. „Падање“ на узуалну норму – норму урбаног дијалекта, јесте неопходан предуслов (поновног) уклапања у средину у којој се живи и ради, те начин да се избегну подсмевање или чак прекор на рачун „одрођавања“, „погоспођивања“, као тежње да се појединац издигне из средине у којој је поникао. Дакле, игнорише се чињеница да „стандардни језик није превасходно пажљиво пробран и узоран језик подобан за **ексклузивну** [болд С. М.] употребу, него функционално поливалентан и угодан инструмент разноврсне комуникације и стваралаштва у друштвима савременог света (у образовању, државној управи, медијима, култури итд.)“ (Бугарски 2009: 25), те би се могло рећи да стандардни српски језик у овим срединама још увек не представља озбиљну конкуренцију урбаном дијалекту.

Овде је неопходно скренути пажњу на још један ванлингвистички моменат који може бити од извесног значаја за језичку *идентификацијску праксу* младих у Србији данас. Када је, рецимо, о турбо-фолку реч, репертоар многих клубова у главном граду испуњен је овом врстом музике, а речи песама појединих турбо-фолк звезда нису непознате ни студентима музичких академија. Верујем да је у некој врсти корелације са реченим и опсервација да говор припадника младе генерације, пре свега – ученика (тј. оних они који још нису отишли на студије у главни град), у трима градовима у Србији на тзв. староштокавском дијалекатском подручју – у Параћину, Врању и Лесковцу, има знатнији број дијалекатских црта, чак и лексике, но што је то случај са говором њихових родитеља. Дакле, по мери одступања од стандардног, кодификованог језика, омладина бива ближа генерацији својих дедова и баба него очева и мајки. У питању је само један фонолошки сегмент, али није сувишно напоменути да је у говору Новог Сада, о коме засад једино постоји двотомни зборник прилога, утврђено, на пример, да је сажимање финалних вокалских група изузетно експанзивно код најстаријих и најмлађих информатора (Бошњаковић и Урошевић 2009: 265).

Дакле, закључак савремене социоллингвистичке теорије који каже „да се из језика најбрже уклањају дијалекатски облици који су изразити и препознатљиви, као и они који се идентификују као грешке“ (ГНС 2: 690) морамо релативизовати барем када узмемо у обзир узрасну варијаблу у говорима трију србијанских градова. Уистину, у средњој и старијој генерацији рођених Параћинаца, судећи према резултатима мога пилот-истраживања, елементи који најпре стигматизују говорника најпре се и уклањају, тежи се поправљању, корекцији изговора, јер је реч о *свирепом моћном регулатору друштвеног понашања*, како је говорио проф. Ивић. Међутим, овај *свирепом моћан регулатор* делује у два правца када су у

питању говорници са тзв. староштокавског говорног подручја – ка поштовању правила кодификованог језика, али и ка усклађивању говора са дијалекатском *нормом* средине у коју се враћа и у којој се живи.⁵

Новије језичке промене о којима је овде реч објашњавају се, дакако, изванјезичким факторима; наиме, истицање локалне језичке боје условљено је одређеним социолошким и психолошким моментима. Губљење норми у многим областима живота, услед дугогодишње нестабилне политичке и неповољне економске ситуације, па и трагичних догађања на нашим просторима, довело је, између осталог, и до потирања свести о неопходности одређене културне хијерархије, о месту и статусу стандардног језика. С друге стране, психолошки моменат јесте и емотивна везаност за матерњи дијалекат, за говор на коме се и уз који се одрастало и којим су се могла исказати најтананија осећања и најубојитије псовке. Поменута *скраћена дијалектолошка визиура*, последица распада бивше Југославије и останка великог дела српског језичког простора, превасходно херцеговачко-крајишког говорног подручја, изван граница Републике Србије, доводи, изгледа, и до интензивирања употребе дијалеката који нису ушли у основицу српског стандардног језика – призренско-тимочког и косовско-ресавског, што се уочава особито код припадника омладинске популације. Вероватно често и подсвесно, појединци почињу доживљавати просторну премоћ ових двају дијалеката у оквиру државе Србије, што није био случај док се српски језички простор сагледавао као „испарцелисан“ само републичким, а не државним границама. Чини се као да су се млади на изванредан начин охрабрили да и на неким јавним местима проговоре матерњим дијалектом, нпр. у градском превозу у Београду, што се раније код припадника студентске популације, на пример, ретко могло чути. И ако им је био проблем да акценат поставе тамо где му је по норми место, или ако су чак имали дилему да ли у датој конструкцији употребити акузатив или локатив, и којом прихватљивом речју заменити неки локализам, они су говорили тако

---

⁵ Навешћу овом приликом и један пример из моје уже породице, будући да је, чини ми се, на својеврстан начин индикативан за оно о чему говоримо. Наиме, моја мајка, која је рођена у Новом Саду, где се и школовала све до одласка на студије у Београд, удајом је почетком шездесетих година дошла у Параћин, дакле – са шумадијско-војвођанског на косовско-ресавски дијалекатски терен. Никада се, до данашњих дана, није „одрекла“ стандардне прозодијске норме, што сам уочавала код других *Пречанки* (из *Прека*, тј. из Војводине – преко реке и некадашње аустроугарске границе) удатих у Параћин, али је зато својим пацијентима из околних села знала да каже: *турите књижицу на шубер* (‘ставите књижицу на шалтер’).

да не привлаче пажњу, обазриво и са зазором, те су се почесто и у друштву својих вршњака из Београда или Новог Сада снбивали и „сводили“ комуникацију, све док временом не „утврде“ своје школско знање српског стандардног идиома.

На другој страни, разлог да у неким престижнијим градским срединама на косовско-ресавском дијалекатском терену, као што је нпр. Параћин, многи припадници младе генерације, чак и гимназијалци, иду „корак уназад“ чувајући старо место акцента, говорећи *ицепао га* уместо *исцепао га*, *џбун* и *собајле* уместо *жбун* и *рано ујутру* (или барем – *сабајле*), *собалио га* уместо *оборио га* – може бити, наравно, и знатнији број сеоске деце у одељењима градских средњих школа. Примена интроспективне методе је у престижнијим градским срединама (Врање, Лесковац) показала да ученици гимназије користе стандардни језик само – како сами експлицитно изјављују – када морају, одн. само на појединим часовима у школи. Такође, како сами изјављују, радије ће употребити и дијалектизам него англицизам. У вези с претходним треба истаћи да су, поред познатих метанастазичких померања, феномен савременог друштва постале и, веома масовне, тзв. дневне миграције. Под дневним миграцијама се обично подразумева појава да становници мањих насеља – у великом броју – свакодневно одлазе из свога пребивалишта у суседно место, најчешће у неки од градских центара у својој близини, ради обављања одређених послова, а потом се по обављеном послу враћају натраг у насеље у коме живе (в. Ивановић-Баришић 2005: 441–442). С те стране гледано, за проблем који се овде разматра значајна је чињеница да припадници омладинске популације (средњошколци и студенти) представљају другу групу дневних миграната, након запослених, ако као параметар узимамо бројност. Свакако, и овај тип миграција је, утичући на промене у свакодневном животу, утицао и на формирање *културног*, па тако и *језичког портрета* појединца – и онога из сеоске, али и онога из градске средине.

Дакле, имајући у виду претходно речено, изгледа да средство за комуникацију унутар једне шире социјалне заједнице постаје код представника младе генерације са косовско-ресавским или призренско-тимочким матерњим дијалектом *изабрано* средство за идентификацију. Будући да је у питању појава која се може уочити у новије време, разлози могу бити барем двојаки: (1) Потреба да се изабере специфичан начин вербалне интеракције, онај који ће, када је реч о припаднику омладинске популације са староштокавског дијалекатског терена, недвосмислено околини показати *к● је ●н* и(ли) *●дакле је он заправо*. Ова прича о неспутаној слободи избора иде у корак са тенденцијом увођења жаргони –

зације, вулгаризације и детабуизације језика; (2) Утицај многобројних телевизијских серија и емисија, од којих су многе заправо служиле за стигматизацију ликова људи са подручја на којима се *не говори правилно*, тако што је комичан ефекат требало да буде постигнут самим начином говора (уп. Жугић 2007), а које су, потпуно супротно, прихватане као својеврсна промоција старог места акцента и „скраћене“ именичке парадигме.

Уза све речено, „као придружен (периферни) члан балканског језичког савеза, српски језик је изложен бројним балканистичким језичким утицајима“, који се из познатих „балканистичких жаришта (...) незадрживо крећу према северу и северозападу, захватајући већи део србијанских говора, укључујући и говоре градских центара“ (Радић 2003: 129). Ови процеси на својеврстан начин подржавају дијалекатску базу околних руралних средина, посебно када је о урбаним насељима у источној и југоисточној Србији реч, али и говор Београда је увелико заплуснут овим експанзивним таласом (в. више код Радић 2003). Могу овом приликом само да додам да се код средње генерације (рођених) Београђана, међу факултетски образованим појединцима, може спорадично, и то у новије време, чути употреба вијатива наместо локатива, редупликација типа *треба да га платим телефон*, као и готово редовна нивелација два кратка акцента, тј. употреба краткосилазног акцента на месту краткоузлазног, те изговор краткосилазног акцента ван првог слога и у појединим домаћим речима. „Путем разговорног језика, ове појаве све више врше притисак на књижевнојезичку норму у Србији, тражећи право 'грађанства' у српском књижевном језику“ (Радић 2003: 129).

Када је у питању подручје призренско тимочког дијалекта, судећи према подацима изнетим у већ помињаној монографији *Простор, време, друштво – сусрети у језику* (Јањић и Чутура 2012), „млади Врањанци у свакодневној међусобној комуникацији превасходно се служе локалним говором“, који им „служи као граматички оквир за лексичку посебност“. Такође, у њиховом говору је „изражена, али не и доминантна особина, употреба (србо)англицизама“, те се може закључити да се они „служе својеврсним урбаним дијалектом који представља језички хибрид“, са нејасним границама „између дијалекта и социполекта, тј. омладинског жаргона“ (Јањић и Чутура 2012: 64).⁶ Може се рећи, судећи према начињеним опсервацијама од стране аутора овога текста, да претходно

---

⁶ Детаљније о овоме видети и у тексту *Говор младих Врањанаца: од дијалектизама до англицизма*, објављеном такође у оквиру наведене монографије (стр. 39–46), чији својеврсни мото представља аутентичан исказ младог информатора из Врања: *Бесте ли на парти?*.

наведено важи и за говор школске популације у Параћину, један од урбаних центара на косовско-ресавском дијалекатском подручју. Показало се, тако, да је узраст засад основни или почесто и једини социјални „вектор“, а није уочено да знатнија или мање знатна употреба стандардне језичке варијанте бива редовито у директној корелацији са полом, нивоом образовања и занимањем испитаника. У оквиру *комуникацијске стратегије* младих на поменутиим теренима, дакле, књижевни језик – као стандардизовани идиом – бива поштован и пожељан „регистар“ само у посве одређеним, јасно дефинисаним ситуацијама јавне, званичне употребе, што значи да се језичке преференције припадника младе популације тичу супстандардног система, тј. локалног вернакулара, и интернационалног лексикона, тј. континуирано увећавајућег фондуса англоамериканизама / србоанглицизама.

IV

И без обзира на вишедеценијско, од Другог светског рата наовамо, урбанистичко и демографско уобличавање градова у Србији, „ипак се не може рећи да су и формирано готови градски говорни типови, јер су сви градови и даље мешавина различитих дијалекта и говора, и то са највише особина говора околних сеоских средина, с тим што се ти говори у градовима нешто брже него они на селу приближавају језичком стандарду“ (Ћупић 1996: 163). Дакле, ови градски центри крајем двадесетог века „још нису формирали своје компактне изразе, нити на нивоу дијалекта нити на нивоу стандарда“, и поред извршених крупних промена у њима (Исто), при чему је стварање компактног израза на нивоу дијалекта, особито у већим градским центрима – упитно само по себи. Међутим, на пример, Тома предвиђа да је лингвистичка будућност нишког подручја – „варијанта стандардног српског језика са регионалним изговором, лишеним квантитативних и тоналних дистинкција“ (Тома 1994/1995: 190).

Значајно је овом приликом скренути пажњу и на сасвим специфичну, уникатну по своме „решењу“ ситуацију, ону која се односи на српске говоре у урбаним срединама на Косову и Метохији, на шта је већ свраћена пажња од стране појединих српских лингвиста. Након 1999. године, а особито након масовног прогона Срба с Космета 2004. године, „градови и мале вароши, осим Штрпца, дела Ораховца, северне Косовске Митровице и Звечана, Зубинога Потока и Лешка, остали су без изворних говорника српског језика. (...) Тако су заувек нестале језичке индивидуалности српских урбаних заједница; данас се у нашем косовскометохијском лингвистичком корпусу више **не може говорити о**

феномену језик града“ (Станковић 2002: 252). С друге стране, „неколика повећа села на централноме Косову и у Горњој Морави постају административна, културно-просветна и здравствена средишта“ (Исто), као што је, на пример, случај са Грачаницом. Такође, „у северни део Косовске Митровице, у Звечан и у Лепосавић усељавају се расељени факултети Универзитета у Приштини. Јавну и службену комуникацију на Косову и Метохији (...) обележава широка употреба албанскога и енглескога језика и веома редукована употреба српскога језика“ (Исто).

Говор трију престижних урбаних центара у призренско-тимочкој дијалекатској области представљен је у трима изузетно значајним, по више основа, монографијама: Слободан Реметић, *Српски призренски говор I (Гласови и облици)*, Српски дијалектолошки зборник XLII, Београд, 1996; Пол-Луј Тома, *Говори Ниша и околних села*, Српски дијалектолошки зборник XLV, Београд, 1998; Станислав Станковић, *Границе призренско-тимочких говора у власотиначком крају*, Монографије 5, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008. Именоване монографије представљају, свака на свој начин, допринос успостављању урбане дијалектологије у Србији, без обзира на то што су у питању традиционални дијалектолошки описи, уз примењивање лингвогеографске методе и свраћање пажње на језичку интерференцију, те што су се истраживачи усмеравали на задати профил информатора (саговорника), не узимајући у обзир, на пример, сложени фактор социјалног порекла. Разлог је, свакако, превасходно то што су испитивани говори урбаних центара који се налазе на подручјима дијалеката знатније удаљених од стандарднојезичке норме.

Када је о урбаној дијалектологији реч, незаобилазан је, дакако, двотомни зборник *Говор Новог Сада* (ГНС 2009; ГНС 2011), где *говор* заправо значи *како се говори* у Новом Саду. У једном од уводних текстова тога зборника изнет је, између осталог, и закључак да „развој иде углавном ка регионалном супстандарду или стандарду мењањем морфологије, затим најмаркантнијих фонолошких разлика, а на крају променама у синтакси“ (Рајић 2009: 42). А тек следе – како чак и Жарко Бошњаковић, уредник двотомног зборника прилога о говору Новог Сада, каже – права социолингвистичка испитивања вернакулара градских центара у Србији,⁷ која ће допринети „провери многих теоријских поставки али и њиховом проширивању и кориговању. Такође, формираће се урбани корпус српског

---

⁷ Изузетно информативан и користан, уз то поткрепљен обимним списком релевантних библиографских јединица, јесте текст *Испитивања градских говора у Србији*, аутора Жарка Бошњаковића, у првој свесци монографије *Говор Новог Сада* (ГНС 2009).

језика, који ће бити солидна основа за утврђивање његове норме, тј. структуре и домена и праваца промена“ (Бошњаковић 2009: 67).

Тако, засад још увек превасходно говоримо о територијалном, не о социјалном раслојавању, само што се, наспрам социолеката овде срећемо са *урбаним*, а не са *руралним дијалектима* (терминологија М. Радовановића). И како је записао М. Радовановић пишући о језичком парадоксу града – лингвистички посматрано, не егзистира никакав *језик* или *говор* града, осим виртуелно, односно, у начелној опозицији према *језику*, тј. *говору* села. Постоје само *језици* градова. А парадокс се, по М. Радовановићу, састоји и у томе што би „с једне стране, град својим језичким, и уопште комуникацијским узусом требало да служи као узор за угледање и понашање широј језичкој односно комуникацијској заједници, што би водило већој стандардизацији и унификацији језика, а са друге стране, град би био извориште, чак знак територијалних, регионалних подела у оквирима једне језичке односно комуникацијске заједнице“ (Радовановић 1997: 69, 75).

V

Кубанац Гиљермо К. Инфанте у прологу своје *Књиге о градовима* каже: „Човек није измислио град, пре ће бити да је град створио човека и његове навике“. Тако, биће да је сваки град стварао и да данашњи град, сваки према своме лику, изнова „ствара“ особени говорни тип (или – особене говорне типове), који притом калеидоскопски мења(ју) своју физиономију у зависности од – на овим просторима веома турбулентних – друштвено-историјских догађања и њима следујућих померања и мешања становништва. На другој страни, чини се неспорним да за урбане дијалекте, барем на балканским просторима, уз неизбежно и неселективно гомилање англоамериканизма, још увек непресушни фондус за којим ови „посежу“ бивају рурални дијалекти, тј. њихови поједини елементи – било да је реч о потреби *инсталације* новог стандардног језика, било да је у питању природна потреба за *попуњавањем празних места* на свим језичким нивоима, или пак тежња (углавном младих људи, али не само њима својствена) ка особеној *идентификацији*, почесто и изван сопствене локалне заједнице, у метрополи, и – понекад чак – ка некој врсти језичког егзибиционизма, као начину исказивања потребе за оригиналношћу. Брзина неутралисања дијалекатских особености на нашим просторима ипак је, чини се, нешто мања од оне која је у послератним деценијама, спрам неспутаног замаха индустријализације и модернизације, те масовног напуштања села и досељавања у градове, оправдано била очекивана.

Литература:

- Бугарски 2009:** Ранко Бугарски, *Теоријске основе урбане дијалектологије*, у: *Говор Новог Сада, Свеска 1: Фонетске особине*, Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за српски језик и лингвистику, 13–30.
- Бошњаковић 2009:** Жарко Бошњаковић, *Испитивање градских говора у Србији*, у: *Говор Новог Сада, Свеска 1: Фонетске особине*, Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за српски језик и лингвистику, 47–76.
- Бошњаковић и Урошевић 2009:** Жарко Бошњаковић и Данка Урошевић, *Финалне вокалске групе -ао, -ео, -уо у говору Новог Сада*, у: *Говор Новог Сада, Свеска 1: Фонетске особине*, Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за српски језик и лингвистику, 246–267.
- ГНС 2009:** *Говор Новог Сада, Свеска 1: Фонетске особине*, Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за српски језик и лингвистику.
- ГНС 2011:** *Говор Новог Сада, Свеска 2: Морфосинтаксичке, лексичке и прагматичке особине*, Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за српски језик и лингвистику.
- Жугић 2007:** Радмила Жугић, *Дијалекат у електронским медијима*, Наше стварање LIV/1-4, Лесковац, 22–33.
- Ивановић-Баришић 2005:** Милина Ивановић-Баришић, *Дневне миграције и њихов утицај на сеоску свакодневицу*, у: *Србија и савремени процеси у Европи и свету*, Зборник радова, Београд: Географски факултет и др., 439–442.
- Ивић 1962–1963:** Pavle Ivić, *Inventar fonetske problematike štokavskih govora*, Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, Књига VII, Нови Сад, 99–110.
- Ивић 1985²:** Павле Ивић, *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје*, Нови Сад: Матица српска.
- Ивић 1986:** Павле Ивић, *Наши дијалекти и модерно доба*, у: *Српски народ и његов језик*, Београд: Српска књижевна задруга, 91–106.
- Јањић и Чутура 2012:** Марина Јањић, Илијана Чутура, *Простор, време, друштво – сусрети у језику*, Јагодина: Педагошки факултет.
- Милорадовић 2003:** Софија Милорадовић, *Употреба надежних облика у говору Параћинског Поморавља. Балканистички и етномиграциони аспект*, Посебна издања, књ. 50, Београд: Етнографски институт САНУ.
- Милорадовић 2012:** Софија Милорадовић, *Музички жаргон младих и музикалнији молодёжный сленг. Компаративни поглед*, Посебна

- издања, књ. 76, Београд: Етнографски институт САНУ /суиздавач: Институт за српски језик САНУ/.
- Радић 2003:** Првослав Радић, *О два аспекта балканизације српског књижевног језика*, Јужнословенски филолог, LIX, Београд, 105–152.
- Радовановић 1997:** Милорад Радовановић, *Списи из контекстуалне лингвистике*, Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића.
- Рајић 2009:** Љубиша Рајић, *Градски говори*, у: *Говор Новог Сада, Свеска 1: Фонетске особине*, Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за српски језик и лингвистику, 31–46.
- Станковић 2002:** Станислав Станковић, *Дијалекти српскога језика на тлу Косова и Метохије (Социolingвистичка скица, ареал и досадашња истраживања)*, Зборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини, XXXII (12), Косовска Митровица, 251–259.
- Станковић 2008:** Станислав Станковић, *Границе призренско-тимочких говора у власотиначком крају*, Монографије 5, Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Тома 1994/1995:** Paul-Louis Thomas, *Govori Niša i okolnih sela u sociolingvističkoj perspektivi*, Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, 38/1-2, Нови Сад, 185–191.
- Ћупић 1996:** Драго Ћупић, *Дијалекти*, у: *Српски језик на крају века*, Београд: Институт за српски језик САНУ – Службени гласник, 159–170.
- Филиповић 2009:** Jelena Filipović, *Moć reči. Ogledi iz kritičke sociolingvistike*, Beograd: Zadužbina Andrejević /Suizdavač: Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu/.

Jadwiga Waniakowa
Instytut Języka Polskiego PAN
Kraków

Słowiańskie gwarowe nazwy roślin z perspektywy socjolingwistycznej

Problematyka gwarowych nazw roślin jest niezmiernie rozległa i zarazem wyjątkowo złożona. Badacze ubolewają przede wszystkim nad trudnościami ze zdobyciem wiarygodnego materiału. Piętrzące się problemy w tym zakresie wynikają z wielu przyczyn. Po pierwsze, nazwy roślin w gwarach należą do słownictwa zanikającego, a na ten stan rzeczy również składa się kilka powodów. Odchodzą one w niebyt przede wszystkim w związku z tym, że używanie ich nie jest konieczne na co dzień. Coraz rzadsze są praktyki medycyny ludowej na wsiach, ustała praktycznie wiara w magiczną moc roślin, a to także nie sprzyja zachowaniu ich gwarowych nazw. Zanikają też dawne zwyczaje świąteczne, weselne i inne związane z roślinami. Z tym łączy się coraz to uboższa znajomość nazw roślin i cech samych roślin przez mieszkańców wsi. Coraz mniej ludzi interesuje się roślinami, potrafi je rozróżnić i zna ich nazwy gwarowe. Stąd wynikają właśnie poważne problemy z identyfikacją roślin, to jest przyporządkowaniem właściwej nazwy danemu gatunkowi. Po drugie, eksploratorzy, w większości dialektolodzy i etnolodzy nie są botanikami, nie mają zatem odpowiedniej wiedzy nawet w tym zakresie, żeby zadawać właściwe pytania o gatunki i ewentualnie korygować usłyszane odpowiedzi. Trzeba jednak przyznać, że prac na temat gwarowych nazw roślin w językach słowiańskich jest niezmiernie dużo, są to w znakomitej większości studia stricte dialektologiczne bądź etnograficzne. Stosunkowo rzadko pojawiają się studia o charakterze porównawczym czy historyczno-etymologicznym. Częstsze są publikacje socjolingwistyczne w tym zakresie, jednak zwykle obejmują niewielkie obszary dialektalne. Tymczasem warto podkreślić, że nazwy gwarowe roślin w całej Słowiańszczyźnie podlegają tym samym procesom i niedługo zupełnie zanikną jako nieużyteczne i wyparte przez nazwy standardowe w każdym z języków słowiańskich¹.

Zebranie dawnych gwarowych nazw roślin służy przede wszystkim ich ocaleniu, aby zupełnie nie zanikły, nie rozplynęły się w niepamięci, aby „świadczyły o pięknie gwary, która je zrodziła” (SGRT 8). Z upływem lat

---

¹ Sądzę przy tym, że podobna sytuacja panuje także w innych językach Europy.

bowiem, wraz z wymieraniem starszego pokolenia mieszkańców wsi, dawne nazwy gwarowe giną bezpowrotnie, wypierane przez oficjalną nomenklaturę botaniczną, wprowadzaną przez ludność napływową albo poprzez naukę botaniki w szkole. Nazwy oficjalne (w odmianie potocznej) są szybko przejmowane przez młodsze pokolenia, które już nie posługuje się nazwami dawnymi. „Któż nazwie dziś *sukiennikiem* czy *kocimi lapkami* wszechwładnie panującą dziś szarotkę? Kto pamięta, że rozpowszechniony dziś *krokus* – to dawny *kieluch*, *fjatek* albo *tulipanek*?” – pyta Zofia Radwańska-Paryska (SGRT 8). Średnie pokolenie przynajmniej pamięta, jak która roślina nazywała się dawniej w rodzimej gwarze, młodsze – już tej wiedzy mieć nie będzie (por. Waniakowa 2012: 14).

Problem ten jest zauważany przez wielu uczonych. Oto co na ten temat pisze socjolingwistka, prof. Halina Kurek: „Gwarowe leksemy kulturowe botaniczne są jednostkami specyficznymi. Co prawda ich desygnaty nie giną z upływem lat, ale nazwy desygnatów coraz rzadziej pojawiają się w przekazach ustnych mieszkańców wsi. Wydaje się, że większość z nich nie przetrwa i nie wejdzie już do systemu gwarowego najbliższych pokoleń. Wynika to między innymi z faktu, że leksemy kulturowe są typowe dla bardzo małej, lokalnej społeczności i często nie są znane nawet w regionie. Kolejnym pokoleniom przekazuje je zatem stosunkowo niewielka grupa starszych ludzi, ponadto w interakcji zaistnieć mogą tylko te leksemy, które znajdują się w czynnym zasobie słownictwa użytkowników gwary. Powszechnie jednak wiadomo, że większość jednostek kulturowych, mimo że jest używana, ma niską frekwencję tekstową. Dodatkowym i najpoważniejszym zagrożeniem dla niektórych gwarowych leksemów kulturowych są jednak ich wyżej społecznie wartościowane odpowiedniki ogólnopolskie funkcjonujące w tym samym znaczeniu, co leksemy gwarowe. Wszystko to sprawia, że w dobie przemian językowych szansa na przetrwanie gwarowych jednostek kulturowych jest znikoma” (Kurek 2001: 119). Warto zaznaczyć, że znakomitą większość tych uwag można odnieść do sytuacji panującej w gwarach słowiańskich.

Mieszkańcy wsi patrzą na rośliny zupełnie inaczej niż botanik czy laik interesujący się florą. Niekiedy widzą oni roślinę jako całość, czasem zwracają uwagę jedynie na kwiat, a innym razem interesują ich tylko liście czy korzeń. Gdy zwracają uwagę tylko na część rośliny lub jedną właściwość, za każdym razem jest to część czy właściwość charakterystyczna. Może to być intensywny kolor kwiatów, ich wielkość, wyjątkowy kształt, zapach. To samo dotyczy liści. Jeśli podstawą nazwy jest korzeń, to zwykle oznacza, że jest on wykorzystywany jako środek leczniczy. Z tego powodu przy niektórych nazwach gwarowych bardzo trudno jest określić gatunek rośliny, jeśli nie jest on uwidoczniiony w źródle, bo nazwa uwypukla tylko jedną jej cechę, np.

---

kolibok 1. ‘(jakiś) rodzaj ostu’, 2. ‘(jakiś) rodzaj łopianu’, 3. ‘(jakaś) roślina lecznicza podobna do ostu’. Zwłaszcza przy dwóch pierwszych znaczeniach nie jest ważny konkretny gatunek rośliny i nikt z użytkowników gwar się nad tym nie zastanawia. Jest to kwestia nie do rozstrzygnięcia, zresztą takie rozstrzygnięcie nie jest nikomu potrzebne (por. Waniakowa 2012: 31). Problemu motywacji semantycznej nazw roślin w gwarach nie będę tu rozwijała, bo to temat na osobną pracę.

Liczne problemy, na jakie napotyka dialektolog, który przeprowadza badania w terenie, znajdują odzwierciedlenie w jakości materiału, który następnie zostaje poddawany analizie. Pamiętać bowiem należy, że pierwszym etapem tworzenia wszelkich materiałowych zasobów gwarowych jest poszukiwanie ich w terenie. Potem dopiero pojawiają się one w słownikach, opracowaniach, artykułach bądź po prostu przechowywane są w kartotekach.

Ważnym czynnikiem przy gromadzeniu gwarowych nazw roślin w terenie jest kwestia ambicji informatorów. Zofia Radwańska-Paryska przestrzega, że „niezmiernie rzadko zdarza się góral, który zdecyduje się powiedzieć po prostu „nie wiem”, jeżeli nie znajduje odpowiedzi na pytanie o jakąś roślinę. Przeważnie daje wtedy pierwszą lepszą odpowiedź, jaka mu przyjdzie do głowy” (SGRT 10). Autorka radzi przy tym, by eksplorator nie zadawał pytań wprost, typu: „jak się ta roślina nazywa?”, a zachęcał rozmówców do wskazywania w terenie znanych im roślin. Innym, nie tak dobrym, ale niekiedy jedynym możliwym, sposobem pozyskiwania nazw gwarowych jest skłonienie informatorów do opowiadania o znanych im roślinach. W praktyce jednak ta ostatnia metoda rzadko wystarcza do identyfikacji roślin.

Eksplorator powinien zdawać sobie sprawę, że bardzo dużo roślin nie ma w gwarach żadnej nazwy. Sytuacja taka zachodzi, gdy dana roślina niczym szczególnym się nie odznacza, ani też nie przedstawia wartości jako ziele lecznicze czy magiczne. Użytkownicy gwar używają nazw² tylko dla tych roślin, które w jakiś sposób są charakterystyczne (bądź to pod względem szczególnych cech, bądź użyteczności). Zofia Radwańska-Paryska podkreśla, że powszechne i zarazem bardzo mylące dla eksploratora jest częste używanie przez górali określenia *trawa* w znaczeniu ‘roślina, ziele’ ogólnie w odniesieniu do wszystkich roślin, zwłaszcza nie w kwiecie³. Na tę kwestię zresztą zwraca

---

² Można by tu użyć także sformułowania „nadają nazwy”, jednak – ponieważ dość często chodzi o nazwy odziedziczone ze staropolszczyzny lub przejęte z innego języka, a nie „nadawane” konkretnie na danym terenie, w danej gwarze – lepiej mówić o „używaniu” nazw.

³ To zjawisko znam z autopsji. Kiedyś, jako studentka, będąc na obozie dialektologicznym w Jabłonce Orawskiej, pytałam ludzi o nazwy roślin w ten sposób,

uwagę wielu badaczy. Nazwy *ziele* górale używają, gdy chodzi o rośliny lecznicze lub uważane za magiczne.

Zofia Radwańska-Paryska wymienia jako rośliny nazwane, te, które mają właściwości lecznicze, są jadalne lub – odwrotnie – trujące, rośliny uważane za czarodziejskie, zdatne na paszę, bądź też jako pasza wybitnie nieodpowiednie, bo szkodliwe dla zwierząt oraz – co zrozumiałe – rośliny okazałe, pięknie kwitnące, o wyjątkowo bujnych lub wiecznie zielonych liściach itd. (SGRT 10).

Trzeba też nadmienić, że mieszkańcy wsi rzadko rozróżniają gatunki w sensie botanicznym. Jakaś nazwa gwarowa może oznaczać jeden gatunek, ale równie dobrze może odnosić się do kilku, a nawet do różnych rodzajów roślin, jeśli tylko istnieje pewne podobieństwo między nimi. Wiele źródeł gwarowych podaje wobec tego jedynie nazwy dla rodzaju rośliny, nie różnicując gatunków (por. Waniakowa 2012: 34).

Eksploatory, zbieracze nazw roślin, nawet jeśli są dialektologami i znają dobrze badane gwary, nie są jednak botanikami. Często usiłują dobrać właściwe łacińskie nazwy naukowe na podstawie porównywania danej rośliny z ilustracjami w źródłach botanicznych. Ta metoda jednak daje duży procent błędów i pomyłek. Z kolei botanicy, znawcy roślin, najczęściej nie znają dość dobrze gwar. Gdy korzysta się ze zbiorów gwarowych nazw roślin, nigdy nie ma pewności, w jaki dokładnie sposób nazwy te były zbierane, czy pozyskiwano je w terenie, posługując się żywymi okazami roślin, czy też tylko dopasowywano nazwy do opisów informatorów. Trzeba więc od razu zaznaczyć, że błędy w identyfikacji roślin są w tej sytuacji rzeczą zrozumiałą, nie da się ich uniknąć (por. Waniakowa 2012: 41).

Jak w zamierzchłej przeszłości, tak i dziś ludzie doceniają możliwości, jakie daje zdrowiu natura. Wprawdzie ziołowe medykamenty często nazywane są „babskimi lekami”, ale, z drugiej strony, wiadomo, że wiele lekarstw jest pochodzenia roślinnego. Ludzie poszukują ratunku dla siebie właśnie w ziołach, zwanych lekami ludowymi, bowiem zasady ich stosowania zostały przejęte od przodków. Wiadomości o roślinach leczniczych, zawarte w dawnych lub specjalistycznych publikacjach, najczęściej opracowanych nie przez lekarzy, są niekiedy pomieszane z przesadami i przestarzałymi poglądami (ZDK 10-11). Na przykład na Litwie za najskuteczniejsze uchodziły zioła zbierane w dniu św. Jana. Profesja znachora wymagała zatem skrupulatności, bystrości umysłu i sprytu. Znachor czy zielarz musiał umieć cierpliwie zbierać miejscowe ludowe doświadczenia, a w razie potrzeby odważnie eksperymentować (ZDK 11).

że pokazywałam świeżo zerwany okaz. Jeśli roślina nie była pod jakimś względem charakterystyczna i nie znajdowała się w porze kwitnienia, rozmówcy kwitowali moje dociekania jednym lapidarnym stwierdzeniem: *Dyć to, pani, trova*.

W Europie jeszcze 200 czy nawet 100 lat temu lekarzy i apteki spotykało się jedynie w dużych miastach. Ludzie bardzo często korzystali więc z pomocy znachorów i znachorek, osób, które znały się na lekach ziołowych i sposobach ich stosowania. Takimi znachorami bywali czasem doświadczeni pasterze, przede wszystkim owczarze, którzy swoją wiedzę czerpali z obserwacji zwierząt, podobnie jak przed wiekami. Pasąc swoje stada, zauważali, że zwierzęta szukają pewnych roślin, a pewne omijają. Spostrzegali więc, że na przykład młode owce, które wraz z trawą zjadły omijane przez ich matki rośliny, ulegały słabszemu lub silniejszemu zatruciu. Takie obserwacje pozwalały pasterzom rozpoznawać właściwości poszczególnych roślin (ZDK 11-12).

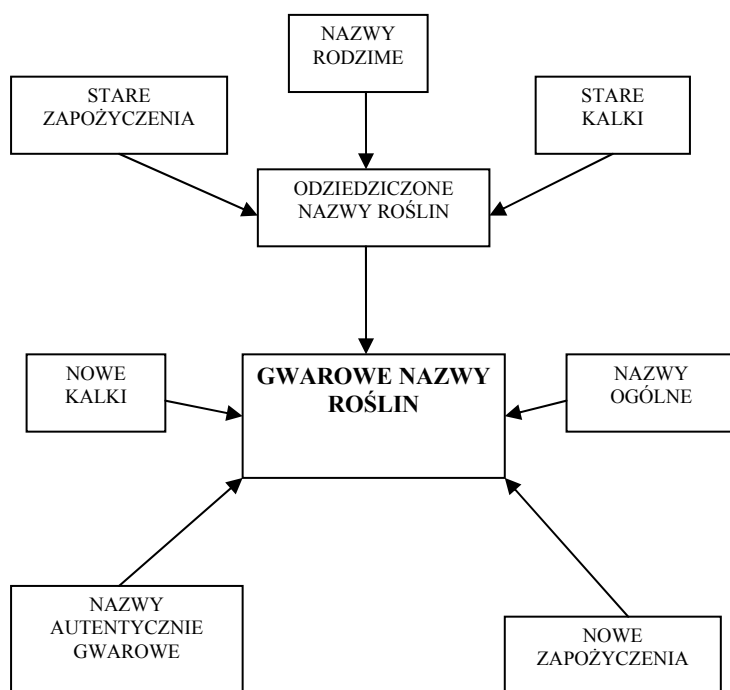
Wiejskie znachorki rekrutowały się z grona starszych kobiet. Wiadomości o ziołach uzyskiwały od swoich matek i babek, a potem same je w miarę możliwości starały się rozszerzać. Stąd może wzięło się określenie „babskie leki” na zioła lecznicze (ZDK 12). Z drugiej strony, warto odnotować, że wiele cenionych dziś leków ma genezę „znachorską”.

Odnosząc się do relacji wieś – miasto, warto zauważyć, że pewne nazwy roślin, które są w zasobie leksykalnym języków standardowych, mają rodowód wiejski. Tu za przykład niech posłuży nazwa *urdzik* ‘Soldanella’, która się znalazła w polskiej oficjalnej nomenklaturze botanicznej. Trzeba przy tym zaznaczyć, że polscy górale używają tej nazwy (w formie *hurdzík* z bardzo słabo wymawianym *h* inicjalnym) głównie dla gatunku ‘podbiałek alpejski, *Homogyne alpina* L.’, bo oba rodzaje mają podobne liście (por. SGRT 9).

Z drugiej strony wiele gwarowych nazw roślin to nazwy, które przyszedły „z miasta”, nie są autentycznie gwarowe, to znaczy nie powstały na gruncie gwarowym. Przywędrowały one na wieś zwykle wiele wieków wcześniej, najczęściej rozprzestrzeniając się w głównej mierze dzięki mnichom sporządzającym lecznicze mikstury roślinne. Są zatem odziedziczone, podobnie jak nazwy rodzime. Nazwy takie są zapożyczeniami o bardzo starej proveniencji lub dawnymi kalkami. Ponadto część nazw roślin używanych przez mieszkańców wsi to nazwy pochodzące z języka ogólnego, czyli „z miasta”, które mają jedynie fonetyczną postać gwarową. Pochodzenie nazw roślin w gwarach obrazuje następujący ogólny schemat. Dotyczy on pochodzenia gwarowych nazw roślin w ogóle, nie tylko nazw polskich czy słowiańskich. Wyraźnie widać, że nazwy autentycznie gwarowe, takie, które powstały na gruncie danej gwary, stanowią tylko pewną część ogólnego zasobu nazw gwarowych. Pozostałe nazwy nie mają rodowodu gwarowego, a jeśli nawet, to rodowód obcy, jak nowe kalki czy nowe zapożyczenia, które są przejęte z gwar innych języków.

Nazwy gwarowe roślin przejęte z języka ogólnego nie są specjalnie interesujące, najciekawsze są nazwy autentycznie gwarowe i nazwy będące

starymi kalkami. Zwłaszcza te ostatnie stanowią inspirujący przedmiot badań, bowiem są nie tylko stare, ale też mają odpowiedniki w wielu językach Europy.

Przykładem tego rodzaju nazwy może być zestawienie *paraliżowe ziele* ‘pierwiosnek lekarski, *Primula veris* L., syn.: *Primula officinalis* (L.) Hill’: Ostródz, Wr, Mr; Linde SJP; SWil; Majewski SN; zestawienie to występuje w licznych zielnikach i słownikach języka polskiego: notuje je Rostafiński już z czasów średniowiecza (Symb. I 265), potem Falimirz 1534, Spiczyński 1542, Siennik 1568, Marcin z Urzędowa 1595, Syreniusz 1613, Knapiesz TPLG 1621-1632, Guldenius 1641, Haur 1730 i Trotz 1764 (Spólnik 1990: 36), por. stczes. *dnavá bylina* (Machek 1954: 172), czes. gw. *bylina dnová*, *bylina mrtvičná*, *bylina šlakovni*, *bylina šlakova* (Kosík 1941: 93, Rystonová 2007), słow. gw. *dnavá zelina*, *mrtvičná zelin(k)a* (Buffa 1972: 386-387), por. ros. gw. *камчужная* (Annenkov 1878), gdzie ros. *камчуж* masc. lub *камчужа* fem. ‘podagra, paraliż’; por. też chorw. gw. *trava od drhtanja* (Šugar HBI). Nazwy o znaczeniu ‘paraliżowe ziele’ wiążą się z właściwościami leczniczymi rośliny, jak można przeczytać w herbarium Tabernaemontanus (1588): “Wegen seiner

---

großen Krafft zum Gegicht” (Marzell 2000 III szp. 1071), por. śl. *herba paralis*, *herba paralytis*, *herba paralitica* (Symb. I 265, Marzell 2000 III szp. 1053). Warto tu wziąć pod uwagę nazwy pierwiosnka z innych języków: niem. *Schlagkraut*, *Gichtkraut* (1591), ang. *herb paralysy* (1526), fr. *herbe de paralysie* (1517). Z przeglądu tego nasuwają się dwa główne wnioski, po pierwsze, zarówno nazwa polska, jak i wszystkie inne są kalkami nazw łacińskich (Marzell 2000 III kol. 1071, por. też Spólnik 1990: 109), po drugie, nazwy pierwiosnka o znaczeniu ‘paraliżowe ziele’, należą do kalk wędrujących (por. Waniakowa 2012: 184-185).

Słowiańskie gwarowe nazwy roślin, które są starymi kalkami, stanowią – wbrew pozorom – dużą i dotychczas mało zauważaną grupę gwarowych nazw roślin. W ten sposób stają się bardzo istotnym składnikiem nazw gwarowych w ogóle. Są najczęściej poświadczane w historii poszczególnych języków, a ich odpowiedniki semantyczne widnieją w historycznych słownikach i w gwarach języków Europy. Dzieje ich są długie i często skomplikowane, ponieważ w historii wędrowały one po naszym kontynencie. Współcześnie stanowią jedno ze świadectw wspólnoty kulturowej Europy i jako takie są z pewnością elementami leksyki, które przedostały się „z miasta na wieś”.

Spróbujmy podsumować wyłaniający się z niniejszego szkicu socjolingwistyczny obraz sytuacji w zakresie gwarowych nazw roślin. Nazwy gwarowe roślin są w odwrocie, zanikają w szybkim tempie, choć nie znikają desygnaty. Młodsze pokolenia nazw tych już nie znają. Jedynym środkiem, dzięki któremu uda się ocalić tę część historii kultury i języka, jest gromadzenie ich i badanie. Warto, wykorzystując współczesne techniki, tworzyć elektroniczne bazy słowiańskich gwarowych nazw roślin, które potem mogą służyć do różnego rodzaju badań dialektologicznych, porównawczych i etymologicznych.

Bibliografia:

- Annenkov N. I., 1878, *Ботанический словарь* [...], Sanktpeterburg.
- Buffa F., 1972, *Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatury. K histórii slovenského odborného slovníka*, Bratislava.
- Falimirz S., 1534, *O ziołach i mocy jich*, Kraków.
- Guldenius P., 1641, *Onomasticum trilinguae latino-germano-polonicum*, Królewiec.
- Haur J. K., 1730, *Wybór ekonomii ziemiańskiej, politycznej, gospodarskiej*, Warszawa.
- Knapiusz TPLG 1621-1632 – G. Knapiusz, *Thesaurus polono-latino-graecus in tres tomos divisus*, t. I-III, Cracoviae 1621-1632.
- Kosík V., 1941, *Slovník lidových názvů rostlin*, Praha.
- Kurek H., 2001, „Przemiany językowe wsi (na przykładzie wybranych nazw roślin z okolic Dukli)”, [w:] *Język a Kultura*, t. 16: *Świat roślin w języku i kulturze*, pod red. A. Dąbrowskiej i I. Kamińskiej-Szmaj, Wrocław, s. 117-122.
- Linde SJP – S. B. Linde, *Słownik języka polskiego*, t. I-VI, Warszawa 1807-1814.
- Machek V., 1954, *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha.
- Majewski SN – E. Majewski, *Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich* [...], t. I-II, Warszawa 1889-1898.
- Marcin z Urzędowa, 1595, *Herbarz polski* [...], Kraków
- Marzell H., 2000, *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen*, t. I-V, Lizenzausgabe Parkland Verlag, Fotomechanischer Nachdruck der Erstausgabe 1943-1958, Köln.
- Rystonová I., 2007, *Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů*, Praha.
- SGRT – Z. Radwańska-Paryska, *Słownik gwarowy góralskich nazw roślin z Tatr i Podtatrza*, Zakopane 1992.
- Siennik M., 1568, *Herbarz, to iest zioł tutecznych, postronnych i zamorskich opisanie* [...], Kraków.
- Spiczyński H., 1542, *O ziołach tutecznych i zamorskich i mocy ich*, Kraków.
- Spólnik A., 1990, *Nazwy polskich roślin do XVIII wieku*, *Prace Komisji Językoznawstwa PAN w Krakowie*, nr 58, Wrocław etc.
- SWil - *Słownik języka polskiego*, wyd. M. Orgelbrand, t. I-II, Wilno 1861 (tzw. Słownik wileński), [dostępny w Internecie, por. niżej].
- Symb. – J. Rostafiński, *Symbola ad historiam naturalem medii aevi* [...], t. I-II, Cracoviae MCM.

-
- Syreniusz 1613 – Syreniusz Sz., 1613, *Zielnik herbarzem z języka łacińskiego zowią* [...], Kraków, [dostępny w Internecie, por. niżej]
- Šugar HBI – I. Šugar, *Hrvatski biljni imenoslov. Nomenclator botanicus croaticus*, Zagreb MMVIII [2008].
- Trotz A., 1764, *Mownik polsko-niemiecko-francuski* [...], Leipzig.
- Waniakowa J., 2012, *Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim. Zagadnienia ogólne*, Kraków.
- ZDK- *Zielnik dla każdego, czyli opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem (napary, wywary i wyciągi zdrowotne)*, zebr. i oprac. J. Rogala i R. Maciej, Ożarów Mazowiecki, 2009.

Jadwiga Waniakowa

ДОДАТОК:

СИНТАКСИЧКИ ДИЈАЛЕКТОЛОШКИ ПРАШАЛНИК

З.Тополињска
М.Марковиќ

Прашалник за (морфо)синтаксички атлас на македонските говори
(трет нацрт - 2012 / 2013)¹

Забелешка: Прашањата од овој *Прашалник* се упатени на експлораторот, а не на информаторот. Материјалот се собира како снимка на спонтан расказ или спонтан дијалог. Истовремено експлораторот - кој на памет ја знае содржината на *Прашалникот* - постојано запишува заслушани конструкции кои носат одговори на одделни прашања. Секој ден по завршеното снимање се преслушува снимката и се бараат одговорите на содржаните во *Прашалникот* прашања; евентуално се запишуваат конструкциите кои бараат проверка. Утврдените одговори на одделни прашања веднаш се запишуваат заедно со примерите што ги документираат. Сите примери се даваат во полни реченици.

Го нарекуваме овој *Прашалник* "(морфо)синтаксички" со оглед на фактот дека многу т.н. категоријални парадигми во македонскиот јазик имаат перифрастичен карактер, т.е. се оформуваат како со морфолошки така и со синтаксички средства.

Прашалникот е составен со цел да се анализираат македонските говори; за албанските, влашките, турските итн. потребна е темелна адаптација.

Теоретски основи на *Прашалникот*

Прашалникот се базира врз определена теорија на структурата на јазичниот текст, чии корени можат да се најдат во томот *Синтакса* на полската академска граматика (*Gramatyka* 1984). Се работи за една од теориите од типот: *smysl > tekst*.

---

¹ Првиот нацрт е вклучен во Видоески 2000.

Кон *Прашалникот* е приклучен речник на термини со кои се опишува семантичката структура на текстот и речник на термини со кои се опишува формалната структура на текстот. Со помош на тие два речника може да се утврди кореспонденцијата меѓу двете термилошки мрежи.

Прифаќаеме дека основните процеси со кои човекот го концептуализира светот и размислува за него се номинализација и предикација. Со номинализација се издвојуваат одделни делови на светот, со предикација се утврдуваат релациите меѓу нив, т.е. се оформуваат настани.

Единиците на семантичката структура на текстот на формален план можат да се појавуваат во полн, експлицитен или во кондензиран облик.

Основните продукти на номинација се индекс и поим. Индексите упатуваат кон учесници на актот на јазичната комуникација, а поимите кон предмети на мисла како издвоени делови од светот. На формален план на примарните индекси им одговараат заменките на првото и второто лице, а на поимите - именските синтагми. Секундарните, "ономастички" индекси не се предмет на обработка во овој *Прашалник*.

Основниот продукт на предикација е пропозиција, т.е. т.н. предикатско-аргументска структура. На формален план експлицитен облик на пропозицијата е реченицата.

Конститутивен член на реченицата е предикат.

Разликуваме три типа предикати:

- предикатите од прв ред го отсликуваат нашето видување на светот околу нас. Референти на нивните аргументи се материјални делови на светот. Таквите предикати се формализираат како глаголи, а нивните импликувани (т.е. кодирани во лексичкото значење на предикатот) аргументи (предметни аргументи) земаат облик на именски синтагми;
- предикатите од втор ред го пренесуваат интелектуалниот / емотивниот / волунтативниот став на човекот-автор на текстот во однос на перципираните од него настани; овие предикати на формален план исто така земаат облик на глаголи; нивниот појдовен предметен аргумент - чиј референт е човек - зема облик на именска синтагма; вториот аргумент има пропозиционален карактер - неговиот референт е настан / процес / состојба / ситуација...; овој втор аргумент традиционално го викаме комплементарна реченица;
- предикатите од трет ред го отсликуваат текот на нашето размислување за светот, т.е. за врските меѓу настаните; тие прифаќаат само пропозиционални аргументи, а конститутивни членови на конституираните од нив реченици (т.н. сложени реченици) се пред сè сврзници, поретко глаголи.

Сметаме дека носител на т.н. вербални / предикативни граматички категории: вид, начин, време... е реченицата, а носител на т.н. номинални категории, т.е. на информација за импликуваните аргументи на предикатот: лице, падежен однос, број, определеност, апел... е именската синтагма.

Неимпликуваните / додадени аргументи на глаголски предикати се оформуваат како реченични трансформи конституирани (а) од инфинитни глаголски форми: глаголската именка и/или глаголскиот прилог, или (б) од предлошки именски синтагми.

Подолу е претставена употребуваната номенклатура на граматичките категории, односно на граматикализираните членови на односни семантички категории. Во претставениот подолу инвентар влегуваат категории присутни во стандардниот јазик; тие се наша точка на референција. Свесни сме дека не сите од нив постојат во сите говори, како и дека нивната функционална оптовареност може да варира од говор до говор.

Грамматичко кодирање на реченичните / предикативни категории:

ВИД: разликуваме ПЕРФЕКТИВЕН / свршен и ИМПЕРФЕКТИВЕН / несвршен вид. Категоријалната карактеристика по вид претставува компонента од лексичкото значење на глаголот. Формите на *praesens* и на *imperfectum* од свршените глаголи претставуваат т.н. сврзани форми (анг. *bound forms*), т.е. не се употребуваат самостојно.

За ситуации кога формите на несвршените глаголи можат да преземаат функции на форми од свршен вид сп. подолу во описот на реченичните трансформи.

НАЧИН: разликуваме (а) предикативни конструкции маркирани по епистемична модалност, т.е. конструкции кои го изразуваат степенот на уверување на авторот на текстот во вистинитоста / неvistинитоста на фактите за кои станува збор, (б) предикативни конструкции маркирани по деонтичка модалност, т.е. конструкции со кои го поттикнуваме нашиот соговорник на определено невербално однесување, и (в) предикативни конструкции со кои бараме вербална реакција на нашиот соговорник, т.е. прашални конструкции.

Меѓу конструкциите од типот (а) разликуваме ИНДИКАТИВ / декларативен начин со кој соодветните факти ги оценуваме како вистинити, т. е. /+ фактивни/, КОНДИЦИОНАЛ / условен начин со кој соодветните факти ги оценуваме како /- фактивни/, проицирани во иднина

во однос на моментот на зборувањето или во однос на друг определен момент во минатото; (футурот / идното време го толкуваме како варијанта на кондиционалот), ПОТЕНЦИЈАЛ / можен начин, исто така /- фактивен/, ДУБИТАТИВ со кој соодветните факти ги оценуваме како / +/- фактивни /, т.е. не сакаме да земаме одговорност за нивната вистинитосна оценка, и најпосле СУБЈУНКТИВ кој е зависен / подреден начин и со самото тоа изразуваната со негова помош оценка на фактите зависи од нему надредениот предикат и може соодветно да биде /+ фактивна/ или /- фактивна/.

Меѓу конструкциите од типот (б) разликуваме ИМПЕРАТИВ / заповеден начин, ПРОХИБИТИВ, т.е. императив надграден со предикат на негација, ОПТАТИВ / желбен начин, и ХОРТАТИВ / поттикнувачки начин.

Меѓу конструкциите од типот (в) разликуваме РЕШАВАЧКИ (*да / не*) ПРАШАЊА и ПАРЦИЈАЛНИ (*кој?, кога?, каде?...*) ПРАШАЊА.

ВРЕМЕ: разликуваме АПСОЛУТНО време / англ. *tense*, и РЕЛАТИВНО време / англ. *axis*. Апсолутното време е временски параметар кој има само една точка на референција, а тоа е моментот на говорниот чин (англ. *speech event*). Во рамките на апсолутното време разликуваме три временски зони: СЕГАШНОСТ, МИНАТО и ИДНИНА. Иднината е - *ex definitione* - модална проекција и се изразува преку категоријата начин (сп. погоре). Основен граматички показател на сегашноста е парадигмата на сегашното време, којашто ја поседуваат само несвршените глаголи. За други, секундарни граматички средства за изразување сегашност сп. *Сегашност 2010*.

Една од интересните функции на парадигмата на сегашното време е изразувањето на т.н. категорија 'готовност', која носи информација дека авторот на текстот е готов веднаш да го направи она за што станува збор; значи: се работи за една /- фактивна/ информација проицирана во блиска иднина.

Во зоната на минатото припаѓаат информации пренесувани од парадигмите на аористот и на имперфектот. Независен (т.е. неврзан) имперфект се деривира само од несвршените глаголи (сп. погоре). Аористот се деривира редовно само од свршените глаголи, деривацијата од несвршените е лексички ограничена и треба да се следи од говор до говор.

Од модално маркираните парадигми во зоната на минатото припаѓаат *conditionalis praeteriti* и *subjunctivus praeteriti*, како и минато неопределено време, т.е. дубитатив.

Под релативните времиња ги подразбираме оние кои имаат двојна точка на референција, т.е. кои информираат за временската последователност на настаните. Тука спаѓаат резултативните / перфектални перифрастични парадигми со помошните глаголи 'esse' и 'habere'. Ако помошните глаголи се во сегашно време, имаме работа со минато дејство / настан чии последици се релевантни во моментот на говорниот чин. Во конструкции со помошните глаголи во имперфект имаме работа со плусквамперфект, т.е. со две точки на референција лоцирани во минато.

Грамматичко кодирање на категории кои носат информација за импликуваните аргументи на конститутивниот предикат:

ЛИЦЕ - Категоријата 'лице' носи информација дали актерите / извршителите на анализираниот говорен чин се истовремено и учесници на дејството / настанот за којшто станува збор. Значи: иако граматичките показатели на лице најчесто се вградени во глаголските форми, информацијата содржана во тие показатели се однесува на референти на импликуваните аргументи на соодветниот предикат.

Категоријата 'лице' има три члена од кои два имаат позитивно идентификувани референти - учесници на (односниот говорен чин и на) настанот за којшто станува збор, додека третиот е определен само *per negationem* како не-учесник на тој настан. Сите три се /+ перс/ и /+ деф/. Соодветната информација е содржана во т.н. лични наставки на глаголската форма на конститутивниот предикат.

Во експресивно маркираниот текст показателот може да биде редуплициран во облик на именската синтагма конституирана од личната замена на прво и/или второ или пак од демонстративната анафорски и/или катафорски употребена замена (т.е. т.н. замена за трето лице) која се наоѓа во номинативен падежен однос наспрема предикатот (сп. подолу). Ако соодветната аргументска ИС има повеќе референти, заменките се во форма на Npl.

ПАДЕЖ - Не се откажуваме од традиционалното име на категоријата, но нашата интерпретација на таа категорија нема многу заедничко со морфолошката дефлекција на именките или на другите имиња. Членови на категоријата се падежните односи меѓу предикатот и неговите импликувани аргументи оформени како именски синтагми. Падежните односи претставуваат основа на семантичката и формалната организација на реченицата.

Како што спомнавме погоре, во лексичкото значење на глаголот-предикат е кодиран бројот и карактерот на импликуваните аргументи од страна на тој предикат. Референтите на тие аргументи вршат определени улоги во пропозицијата конституирана од односниот предикат.

Разликуваме седум падежни односи, т.е. седум члена на граматичката категорија падеж. Семантички тие се примарно базирани врз опозициите /+/- човек/ и / +/- простор/.

НОМИНАТИВЕН ПАДЕЖЕН ОДНОС е примарно резервиран за човек - иницијатор и/или извршител на дејството за кое станува збор во конститутивната пропозиција. Се разбира, покрај персонални референти во таа функција можат да се појават и сите персонификации, животни како агенци, машини способни за самостојна акција, и сл. Именската синтагма во номинативен однос обично е /+ def/ и останува во конгруентна врска по род и број со предикатскиот израз.

ДАТИВЕН ПАДЕЖЕН ОДНОС ја врзува именската синтагма чиј референт е втор човек ангажиран како таков во настанот - адресат на порака/ цел на контакт / *beneficiens* на дејството... Дативната ИС е во зависен однос наспрема предикатскиот израз, врзана е за него со морфолошки и/или синтаксички средства.

АКУЗАТИВЕН ПАДЕЖЕН ОДНОС ја врзува именската синтагма чиј референт е објект / предмет на дејството. Ирелевантно е дали тој е човек или не, неговата улога е пасивна; показателите на зависност од предикатскиот израз имаат морфолошки и/или синтаксички карактер.

ИНСТРУМЕНТАЛЕН ПАДЕЖЕН ОДНОС ја врзува именската синтагма чиј референт има споредна улога на придружен фактор помошен во реализација на дејството. Во комитативната варијанта имаме работа со хиерархизирана конјункција чиј член сместен на пониска позиција во дијатетичката хиерархија (сп. подолу кат. 'дијатеза') останува во инструментален однос.

Под ЛОКАТИВЕН ПАДЕЖЕН ОДНОС се подразбираат сите статички и динамички релации кои ја лоцираат пропозицијата во просторот. Соодветните именски синтагми, речиси без исклучок, се контролирани од предлози, а не ретко имаат двојна предлошка контрола.

Именската синтагма во ПРЕДИКАТИВЕН ПАДЕЖЕН ОДНОС е она што традиционално го викаме "именски прирок". Таа има исклучиво конотативна (= не и денотативна) вредност и ги вклучува референтите на номинативната синтагма во конотација на именуваниот поим. Предикативната именска синтагма по дефиниција е /- def/.

ГЕНИТИВЕН ПАДЕЖЕН ОДНОС не спаѓа во горепретставената серија. Тој е однос меѓу два аргумента на релацијата 'посесија'; по пат на

кондензација се создава еден сложен аргумент на конститутивната пропозиција. Во тој сложен аргумент подредената генитивна именска синтагма претставува *possessor*, додека *possessum* е аргумент на конститутивниот предикат. Сп. на пр. реченица како *Дојде ќерката на Ана*. со конструкцијата *ќерката на Ана* во функција на аргумент на предикатот *дојде*, додека генитивната синтагма *на Ана* претставува зависен подреден дел на тој аргументски израз; во пресупозиција останува појдовната кондензирана пропозиција 'Ана има ќерка'.

Во таа смисла исто и дативната по потекло клитика *ми* во изразот како *мајка ми*, и сл. *ќе* ја оценуваме како генитивна именска синтагма.

ДИЈАТЕЗА - Под "дијатеза" подразбираме граматички средства кои овозможуваат менување на хиерархијата на аргументите. Конкретно се работи за измени во начинот на граматичката (морфолошко-синтаксичката) формализација на предикатскиот израз кои од своја страна изнудуваат измени во хиерархијата на аргументите. Македонскиот јазик има наследено две такви процедури, но подоцнежната еволуција на системот под балканско влијание ги измени условите за нивната примена, а понекогаш и ја ограничи таа примена.

Како немаркирана се смета АКТИВНАТА дијатеза, т.е. конструкција со иницијатор и/или извршител на дејството како референт на номинативната именска синтагма. Во опозиција кон активната ПАСИВНАТА дијатеза е конструкција кога во привилегиран номинативен падежен однос се наоѓа објект на дејството додека позицијата на агенсот е блокирана и/или ставена пониско во дијатетичната хиерархија.

Од двете гореспоменати процедури за менување на дијатетичната хиерархија на прв план денеска се наоѓаат глаголските конструкции со т.н. повратна замена *се*. Зависно од лексичкото значење на конститутивниот глаголски предикат, како и од карактерот на референтите на импликуваните од него аргументи појавувањето на *се* може да го редуцира бројот на аргументите и/или да ја измени нивната хиерархија. Искрпен преглед на дијатетичната варијација на *се*-конструкциите во македонскиот јазик сп. во Митковска 2011.

Втората процедура - која води од активната до пасивна дијатеза - е употребата на конструкциите со глаголска придавка. Меѓутоа глаголската *-н/-т*-придавка, која по потекло беше маркирана како пасивна, на македонско тло ја загуби таа карактеристика и стана дијатетички неутрална, со што се загуби единствената морфолошка форма маркирана по пасивната дијатеза. Денеска конструкциите од типот *Црквата е уништена / изградена од страна на ...*, *Ливада е изгазена од...*,

Информацијата е пренесувана преку... и сл. се употребуваат ретко, скоро исклучиво од свршени глаголи и/или од несвршени глаголи со повторливо значење и - како што веќе го одбележавме погоре - имаат доминантно резултативен карактер.

Со оглед на претставената ситуација, денеска во македонскиот јазик основно средство за менување на хиерархијата на аргументите се лексичките конверси од типот *дава / зема, купува / продава*, и сл.

ОПРЕДЕЛЕНОСТ, односно РЕФЕРЕНЦИЈАЛНА КВАНТИФИКАЦИЈА е прагматичка категорија која сигнализира степен на препознатливост на референтите на именските синтагми во функција на аргументски изрази. Тие можат да бидат:

- еднозначно ИДЕНТИФИКУВАНИ, т.е. /+ *ident*/ за учесниците на говорниот чин, или барем за авторот на текстот; показателите на идентификација, т.е. на т.н. голем квантификатор, се лексички средства како заменките и/или сопствените имиња, и граматички средства, т.е. членот; во стандардниот македонски јазик и во повеќето говори членот може да се појавува во семантички збогатените варијанти кои сигнализираат соодветно просторна или емотивна блискост или оддалеченост.

- ситуациски и/или контекстуално ИНДИВИДУАЛИЗИРАНИ, т.е. /- *ident*, + *indiv*/, што обчно го читаме како неопределеност; показателите на т.н. мал / егзистенцијален квантификатор се неопределените заменки, од кои една, семантички најсиромашна, бива оценувана како неопределен член; за разлика од големиот, малиот квантификатор е активен само во "реалните" временски зони, т.е. во сегашноста и во минатото;

- ГЕНЕРИЧНИ, т.е. /+ *gen*/, сфатени како денотати на именуваниот поим во апстракција од нивните индивидуални карактеристики.

БРОЈ, односно КОЛИЧЕСТВЕНА КВАНТИФИКАЦИЈА е информација пренесувана со соодветно координирани граматички и лексички средства.

Граматичките средства се членови на потесно сфатената категорија 'број'. Немаркираниот член е ЕДНИНА, т.е. граматичка форма со значење 'еден и само еден денотат на именуваниот поим'. Немаркираноста се гледа во генерична употреба кога еднинската форма може да значи и 'цело множество денотати на поимот', сп. на пр. *Детето е мал човек. = Децата се мали луѓе.*, и сл. - Маркираниот член е МНОЖИНА, т.е. граматичка форма со значење 'повеќе од еден денотат на именуваниот поим'. Покрај т.н. обична множина која се деривира речиси без ограничувања во номиналниот систем на македонскиот јазик има и две пократки, практично

затворени серии: КОЛЕКТИВНА МНОЖИНА, т.е. форма чиј референт е едно множество денотати на именуваниот поим сфатено како неподелена целост, сп. *снопје, воѓе, ливаѓе...*, и ИЗБРОЈАНА МНОЖИНА, т.е. форма својствена само на именки од машки граматички род, обично со едносложни основи, а чиј референт е едно избројано, дистрибутивно множество денотати на именуваниот поим; формите на избројаната множина се од врзан карактер - тие се појавуваат во текстот само во состав со број, сп. *два дена, пет стапа, десет стола*, и сл. Зоната на употреба на двете маркирани множински форми варира од говор до говор.

Лексичките средства кои - најчесто придружувајќи ги изразите на аритметичката бројчена низа, учествуваат во процесот на количествената квантификација на аргументите, означуваат единици на мера, контејнери, организирани и неорганизираны множества референти...

Количествената квантификација се однесува примарно на материјалните делови од светот, т.е. на објекти коишто имаат просторни димензии. Меѓутоа, јазикот располага и со средства за количествена квантификација на настаните, т.е. на временски отсеци исполнети со определен тип активност, со други зборови: на објекти со темпорална димензија. За тоа служат несвршени глаголи со - понекогаш доминантно, како кај *виѓава, среќава..* - повторливо значење, па пак броеви и специјализираните серии како *еден, два, три... пати, еднакратно, двократно...* итн., *еднаш, двајди, тријди...*, исто и вградените во предикатскиот израз определби за фреквенција, како *често, ретко* и сл. Најпосле, има и некои морфо-синтаксички решенија, меѓу нив на пр. употребата на кондиционалот за изразување на повторливи серии настани од типот *ќе дојде, ќе седне и ќе ти раскажува приказни...* и сл. Тука - како едно од важните средства - спаѓа и употребата на номинализации - глаголски и одглаголски именки кои по самата своја морфолошка карактеристика лесно се подложни на количествената квантификација, сп. *петте наши прошетки..., сите твои доаѓања...* и сл.

Исцрпен преглед на показателите на количествената квантификација сп. во Петроска 2008.

АПЕЛ е категорија чија функција е да се привлече вниманието на адресатот на пораката. Обично се изразува со специјализирана граматичка форма на именската синтагма позната како вокатив, но може и да земе форма на номинативна именска синтагма; нејзината задолжителна карактеристика е интонациската контура на апел.

Често во еден ист говорен чин формата на апел се појавува во *sui generis* конгруентна врска со формите за изразување на деонтичките реченични категории како императив, прохибитив, хортатив...

Нема корелација меѓу граматичката и биолошката категорија РОД; при истражувањето на родот на именките, точка на референција мора да биде стандардната норма. Со разликите во тој домен главно е засегната лексиката, не и граматиката. Сепак треба тука да се спомене дека во македонскиот јазик деминутивите - независно од родот на деривациската база - се од среден род - можеби тоа е ехо на старата семантичка мотивација на средниот род како род на називи кои означуваат нешто младо, незрело, сексуално неактивно...

ПРАШАЛНИК

ВНИМАНИЕ: Покрај одговорот на поставеното прашање треба да приведете и реченица / реченици кои ја докажуваат коректноста на вашиот одговор.

1. Реченици конституирани од предикати од прв ред

1.1. Кодирање на предикатот

- може ли предикатскиот израз (натаму: ПИ) оформен во сегашно време да се однесува на иден настан, на пр. *Утре ЗАМИНУВАМ за Охрид.*, и сл.
- може ли ПИ оформен во сегашно време да изразува категорија 'готовност', на пр. *Ако се одлучиш, ти ги ДАВАМ тие пари?*, и сл.
- може ли ПИ оформен во сегашно време да се однесува на минат настан (т.н. *praesens historicum*), на пр. *Вчера мирно си ја ГЛЕДАМ телевизијата, кога одеднаш...*, и сл.
- може ли еден ист ПИ оформен во сегашно време или во имперфект да изразува еднаш еднократен, а друг пат повторлив настан (т.е. серија настани), на пр. *Погледни, Јане токму ДОАЃА / Го гледав како ДОАЃАШЕ вчера...* наспрема *Тој секогаш ДОАЃА / ДОАЃАШЕ на време*, и сл.
- може ли ПИ да биде оформен во аорист од несвршен глагол, на пр. *Готово, доста ПИВМЕ...*, и сл.?
- дали може и под кои услови перфективен презент да се употребува како неврзан?
- како гласи формантот на кондиционалот?
- дали тој може да се менува по лице и број?

-
- како се кодира реален условен период: *ако дојдеш..., ќе ти дадам...* или *дојди, па ќе ти дадам...*, или има други шеми?
  - како се кодира иреален условен период: *да дојдеше, ќе ти дадев...*, или по друг модел?
  - може ли ПИ оформен во кондиционал да изразува повторлив фактивен настан, на пр. *ЌЕ ДОЈДЕВМЕ, ЌЕ си ги ИЗВАДЕВМЕ алатките и веднаш ЌЕ ПОЧНЕВМЕ со работа...*, и сл.
  - може ли претпоставка да се изрази со подвоениот формант на кондиционал и на субјунктив, на пр.: *ЌЕ ДА Е веќе вработен...*, и сл.
  - може ли ПИ оформен во потенцијал да изразува сегашен настан, на пр. *Би ве МОЛЕЛА за тишина...*, и сл.
  - можат ли формите на императивот да послужат за изразување начин на дејство: *...а тој падни - стани, падни - стани стигна до врата...*, и сл.?
  - како се негира императивот: *не оди таму! / немој да одиш таму! / нема да одиш таму! - да не си одел таму!* - има ли и каква е семантичката разлика меѓу тие конструкции?
  - може ли закана да се изрази со императивни форми од свршени глаголи: *Само излези, па ќе видиш!*
  - може ли ПИ со помошниот глагол *фаќа* да изразува почеток на дејство / состојба, на пр. *ФАТИ ДА ПЕЕ...*
  - може ли ПИ со помошниот глагол *зема* да изразува почеток на дејство / состојба, на пр. *ЗЕДЕ ДА ПЦУЕ...*
  - како се изразува почеток / крај на дејство / состојба: *почнав / завршив да перам...* или *...со перење?*
  - дали е во употреба вториот сум-перфект од типот *сум дојден, е заминат...* и сл.?
  - има ли конструкции од преодни / транзитивни глаголи од типот *сум јаден, сум ручан...*?
  - дали постојат л-формите од имперфективна основа, од типот *дојдел, водел*, и сл.?
  - која е фреквенцијата на тие форми? во какви функции тие се среќаваат: во кондиционалот? во резултативот?
  - дали во резултативниот л-перфект во трето лице се појавува глаголот *сум*?
  - има ли оптативни конструкции базирани врз л-перфектот, од типот: *Дал ти Бог здравје!* и сл.?
  - какви други типови оптативни конструкции има во Вашиот материјал, на пр. субјунктивни од типот: *Да си ми жив и здрав!*, и сл.?
  - какви хортативни конструкции се во употреба: *дај / дајте да одиме!, ајде да одиме!* или едноставно: *да си одиме оттука!*, и сл.?

- која е семантичката разлика меѓу конструкциите *X дојде ... / X е дојден... / X има дојдено...*
- која е разликата меѓу конструкциите: *Тие вчера донесоа одлука.* и *Тие вчера донеле одлука. ?*
- дали е во употреба плусквамперфектот од типот *бев дошол?* која е точката на референција при употреба на таквите форми: друг минат настан или моментот на зборувањето?
- дали се во употреба конструкциите со линеаризација од типот: *тој дошол доцна беше?*, и сл., т.е. со постпозиција на *беше?*
- какви конструкции од *има*-резултативен систем се во употреба: *имам дојдено, имав дојдено, сум имал дојдено...?*
- ако е исказот во *-н/-т*-пасив, дали и како може да се изрази агенсот (*од ИС, од страна на ИС*)?
- ако е исказот во *се*-пасив, дали и како може во истиот исказ да се изрази агенсот, на пр. *тој се отепа од војниците...*, и сл.?
- каков е во одделни типови реченици редоследот на клитиките а) меѓусебно, б) во однос на ПИ?

1.2. Структура на именската синтагма (ИС)

- како гласи заменката за истакнување на екстензија на именуваниот поим, еквивалент на стандардното: *сиот, сета, сето, сите...*, *сешто...*, *секој...*, *секаков...*; *никој...*, *ниеден...*?
- како гласи заменката за истакнување на идентитетот на референтот / референтите на ИС, еквивалент на стандардното: *истиот, истата, истото, истите?*
- може ли заменката *цел* да има значење 'сиот'?
- колку членски форми има? која е основната? кои дополнителни значења носат останатите ('блискост - оддалеченост', 'емпатија - антипатија')?
- какви демонстративни заменки се во употреба?
- каква е конгруенцијата во конструкциите со именски прирок: *Тој е мој пријател / Тоа е мој пријател, Таа е сестра ми / Тоа е сестра ми, Тие се наши гости / Тоа се наши гости?*
- дали се продуктивни морфолошките модели на колективната и на избројаната множина?
- каква конгруенција имаат формите на колективната множина: единска или множинска?
- дали избројаната множина може да се појави во состав со секој број или само со пониските броеви?
- има ли конструкции кои кодираат простор во време, т.е. конструкции од типот *два дена пат...*, и сл.?

-
- каков е редоследот во секвенциите од типот *три мои.../мои три...; такви наши.../наши такви...; такви три.../три такви...?*
  - како се изразува количествена апроксимација: *едно пет..., пет-шест...?*
  - има ли паритивни конструкции од типот *дај ми од јаболките...,дојдоа двајца од студентите...?*
  - каква конгруенција имаат комитативните конструкции: *Марко со семејството дојде последен.* или *...дојдоа последни.*? Дали постојат и двете решенија? Од што зависи изборот?
  - до кои именки посвојноста може да се изразува со постпозитивната дативна клитика? Може ли *другар ми, пријател ми*, или само називи на членови на најблиското семејство?
  - дали конструкциите од типот *мајка ми, сестра ти...* се појавуваат со или без член?
  - од кои именки можат да се деривираат посвојните придавки со суфиксите *-ов, -ин*? Дали само од сопствените имиња и називи на членови на семејство? Може ли: *професоров, учителкин...?*
  - која придавка е во употреба: *овдешен* или *тукашен*? А можеби и двете: која е тогаш семантичката разлика?
  - како се вклопуваат во ИС глаголските придавки кои влечат зависни од нив аргументски изрази, на пр. *седнатата жена на каучот...* или *жената седната на каучот...*, или уште поинаку?
  - какви придавки-модификатори можат да се појават во инверзија, т.е. во постпозиција во однос на конститутивниот член на ИС? Дали тоа се само посвојните модификатори, тип: *сину мој! оче наш...*,или има и други семантички класи?
  - дали се употребуваат рестриктивни апозиции, на пр. *Сестра ми, учителката, рече...* т.е. 'ТАА од моите сестри којашто е учителка'?
  - дали се употребуваат нерестриктивни апозиции, на пр. *Поетот уметник...* т.е. 'ТАКОВ поет којшто е уметник'?
  - дали сите рестриктивни релативни реченици (PPP) можат да бидат воведувани со *што*? ако не, каде *што* е неприфатливо?
  - дали се во употреба составите од типот: *што го /ја..., што му /и...?*
  - има ли конструкции од типот *човекот што зборував со него? градот што бевме (во него)?*
  - дали и кога се употребува релативната замена *кој*? дали е релевантно референтот да биде */+ hum/*?
  - дали се употребува *којшто*? Има ли разлика во зоната на употреба меѓу *кој* и *којшто*?
  - како гласи *relativum generale*: гласи: *што, дека...?*
  - има ли случаи на линеаризација од типот: *жената учителка што беше?*

- дали апозитивни релативни реченици можат да бидат воведувани со *што*? (сп. разлика: рестриктивно - *Студентите кои не беа подготвени...* т.е. 'тие од студентите кои...' наспрема апозитивно - *Студентите, кои не беа подготвени...* т.е. 'студентите коишто сите беа неподготвени')?
- има ли конструкции од типот: *Барам жена (таква) да знае француски?*, и сл.
- има ли конструкции со нулта релативизирана ИС, од типот: *кој прашува не лута*, и сл.? каква е нивната линеаризација?

1.3. Кодирање на аргументи импликувани од страна на предикатот

- може ли номинативна именска синтагма (НИС) да стои по ПИ?
- каква е тогаш нејзината референцијална квантификација? дали таа ја мотивира инверзијата?
- какви конструкции со блокирана позиција на НИС се појавуваат во материјалот: а) *Студено е., Тивко е околу нас.*, б) *Во шумата владее тишина., Зима е.*, в) *Не раздени / смрачи на планина*, г) *Ми студи., Сега ти е срам... ?*
- се употребуваат ли експресивно маркирани конструкции со НИС конституирана од лична замена и удвоена со глаголската наставка, од типот *Јас не мислам така., ТИ не знаеш да црташ... ?* Дали се работи за истакнување на контраст?
- има ли удвоени НИС од типот: *Тој, човекот, дојде подоцна..., Таа, учителката, ништо не слушна... ?* Која е функцијата на удвојувањето?
- има ли конструкции со две НИС со /+ *ident*/ референт) т.е. конструкции за изразување кореференција) од типот: *Јас сум таа што си ја барал.* и сл.
- како гласат конструкции со скриен агенс, од типот: *се говори / викаат дека...?*
- има ли во материјалот дативни именски синтагми (ДИС) во морфолошка форма на датив? Каква е семантиката на именките што ги конституираат таквите ДИС: сопствени имиња, називи на луѓе, на сродство, на професии?
- има ли во материјалот ДИС со /- *anim*/ референт?
- може ли да биде удвоена ДИС од типот *му дадов на еден од студентите?*
- дали линеарно ДИС стои пред или зад акузативната ИС (АИС)?
- како се изразува дативен падежен однос кај личната замена за 1 лице, еднина и множина, клитики и акцентогени форми?
- како се изразува дативен падежен однос кај личната замена за 2 лице, еднина и множина, клитики и акцентогени форми?
- како се изразува дативен падежен однос кај личната замена за 3 лице, еднина и множина, клитики и акцентогени форми?

-
- може ли ДИС со /+ *ident*/ референт да биде неудоена?
  - може ли ДИС со /+ *indiv*/ референт да биде удоена?
  - има ли конструкции со "датовно-генетивен јазол" од типот *му влеговме во канцеларијата...* / *...во неговата канцеларија, ѝ ја бакна раката / ...нејзината рака...*, и сл.?
  - има ли конструкции од типот *жената ми, мажот ти*?
  - има ли во материјалот акузативна именска синтагма (АИС) конституирана од именка во морфолошка форма на акузатив? Кој е граматичкиот род и семантиката на такви именки?
  - може ли АИС да биде контролирана од предлогот *на*? Дали е тука релевантна семантиката на конститутивната именка?
  - дали глаголи на движење можат да примат аргументски изрази во акузативен падежен однос, од типот а) *одам пат*?
  - б) *го шетам полето, го скокам ендекот...*?
  - в) *го шетам / седнувам / легнувам детето...*?
  - како се изразува акузативен падежен однос кај личните заменки а) на прво лице еднина и множина, клитики и акцентогени форми?
  - б) на второто лице еднина и множина, клитики и акцентогени форми?
  - в) на третото лице еднина и множина, клитики и акцентогени форми?
  - може ли АИС со /+ *ident*/ референт да биде неудоена?
  - може ли АИС со /+ *indiv*/ референт да биде удоена?
  - која е семантичката разлика меѓу речениците: *Дај ми млеко!* и *Дај ми го млекото!?*
  - дали може да се појави АИС и покрај присуството на повратна замена *се*, на пр. *се мијам раце...*, и сл.?
  - има ли во материјалот инструментални именски синтагми (ИИС) неконтролирани од предлогот *со*, т.е. конструкции од типот: *Ја полнам чашата вода, го покривам креветот ќебе...*?
  - која е семантичката разлика меѓу речениците: *Фрлив камен.* и *Фрлив со камен, тој ја владее државата / владее со државата...*?
  - има ли локативни именски синтагми (ЛИЕ) не контролирани од предлог?
  - какви просторни релации ги врзуваат со ПИ: адлативни, локативни... како на пр. *Одам Битола, Сум Битола*?
  - може ли таквата ЛИЕ да не биде топоним?
- [тука треба да се најде преглед на просторните релации според предлози; преглед на темпоралните и каузалните предлошки конструкции е даден во рамки на анализата на реченичните трансформи]
- има ли кондензирани конструкции со предикативна именска синтагма (ПИС) од типот: *го избрале (да биде) претседател, се однесува како (да е) дете...*, и сл.?

- каква е семантиката на ПИС кои се појавуваат во конструкциите од типот *стана ден, падна мрак, дојде есен...?*
- има ли во материјалот сложени АИ составени од ИС и нејзе подредена синтаagma во генитивен падежен однос (ГИС) контролирана од предлогот *на*?
- може ли е редоследот *на Марко татко му*?
- има ли други кондензирани типови на АИ, на пр. *стигна авионот од Атина..., стигнува возот за Скопје..., купив кукла со убава долга коса...?*

1.4. Кодирање на реченичните трансформи (РТ), т.е. на неимпликувани аргументи

ЗАБЕЛЕШКА: РТ можат да бидат конституирани од а) глаголски прилог (ГП), б) глаголска или одглаголска именка (ГИ), в) предлошки ИС; сите тие имаат просторно, темпорално или каузално значење; погоре претставените конструкции со глаголска придавка како модификатор во ИС исто така претставуваат РТ - кондензации на релативни реченици.

- има ли РТ конституирани од глаголска придавка (ГПрид) како апсолутни конструкции од типот *го донесоа рацете врзани на грбот, го доведоа јавнат на коњ, уште невлезен ги запраша...?*
- има ли во материјалот РТ со темпорално значење (кондензати на темпорални реченици) конституирани од ГП, на пр. *Одејќи кон дома* (т.е. 'кога одев') *ја сретнав Ана...*, и сл.?
- има ли во материјалот РТ со каузално значење (кондензати на каузални реченици) конституирани од ГП, на пр. *Држејќи диета* (т.е. 'бидејќи држев диета') *си ја вратив добрата кондиција...*, и сл.?
- има ли конструкции со ГП без кореференција на вршител на дејството, на пр. *Играјќи се со децата ми претече млекото...*, и сл.?
- има ли РТ со темпорално значење конституирани од ГИ, на пр. *На разделување* (т.е. 'кога се разделуваа') *се договорија за наредната средба...*, и сл.?
- има ли РТ со каузално значење конституирани од ГИ, на пр. *Од големата нервоза* (т.е. 'бидејќи многу се нервирав') *ме забеле главата...*, и сл.?
- има ли РТ со темпорално значење конституирани од предлошки ИС, на пр. *Оваа статија ја пишував во Краков* (т.е. 'кога бев во Краков')..., и сл.?
- има ли РТ со каузално значење конституирани од предлошки ИС, на пр. *Ја пратив Ана по леб* (т.е. 'за да купи леб')..., и сл.?
- има ли РТ со *instrumentalis modi*, на пр. *Те чекав со радост..., Работев со елан...?*

- има ли РТ со *instrumentalis socii*, на пр. *Јане игра со Ана...*, *Работиме со Павле...*?

2. Реченици конституирани од предикати од втор ред

Кодирање на пропозиционален аргумент

ПИ во субјунктив

- каква е линеаризацијата на комплементарната реченица: НИС пред ПИ или обратно, т.е. *Сакам Ана да дојде* или *Сакам да дојде Ана*?
- ако и двете варијанти се во употреба: која е доминантна? која е семантичката разлика меѓу нив?

2.1. Фазен глагол како конститутивен член

- како гласат конструкции од типот: *почнувам / продолжувам / завршувам да пишувам / читам...*
- има ли конструкции од типот: *почнувам / завршувам со пишување / читање...*?
- кои глаголи покрај *почнува* можат да означуваат почеток на дејство / состојба, на пр. *зема да, фаќа да...*
- има ли безлични конструкции од типот *почнува зима / жетва...* ?

2.2. Модален глагол како конститутивен член

- има ли конструкции со глаголот *може* употребен безлично, т.е. конструкции од типот *може да...* со неменлива партикула *може*?
- има ли конструкции со глаголот *мора*₁ 'е принуден, има обврска' употребен безлично, тип: *мора*₁ *да...*?
- дали е во употреба *мора*₂ како евиденцијален / инференцијален маркер, на пр. *Капуот му е тука, па мора да е дојден.*, и сл.?
- може ли *мора*₂ да се употребува безлично?
- дали е во употреба конструкцијата *треба да*?
- може ли *треба* да има парадигма по лице?
- дали е во употреба глаголот *сме*?
- дали *има* како модален глагол има парадигма по лице и број?
- дали *има* како модален глагол може да има облик на неменлива партикула?
- како се негираат модалните глаголи во кондиционал: *не ќе може / ќе не може, не ќе сме / ќе не сме...* ?

2.3. Волунтативен глагол како конститутивен член

- Дали е во употреба глаголот *нејќам* во смисла 'не сакам'
- Дали е во употреба глаголот *сака* како помошен во кондиционал?
- Дали се употребува *мисли₂* 'планира, има намера', како во: *Мислам да одам утре во Охрид*, и сл.?

2.4. Безлични предикати на оцена како конститутивен член

- има ли конструкции од типот *Опасно е да одиш ноќе во планина.*, *Необично е да ти дојдат гости на полноќ.* ... и сл.?

ПИ во други модуси

2.5. Глагол на интелектуална активност како конститутивен член

- кои оператори го внесуваат пропозиционалниот аргумент (т.е. комплементарната реченица): *дека*, *оти*, *што*...?
- како се воведува *oratio recta*? со оператор или без?
- каков оператор (*дали* или некој друг) ги внесува прашалните пропозиционални аргументи, како во: *Не знам дали*...?, *Се прашувам дали*...?, и сл.
- може ли *ли* да ја врши таа функција? Каква е тогаш линеарната позиција на *ли*?
- има ли составот *не дека* и што значи тој?
- дали се употребуваат номинализации во функција на пропозиционален аргумент, како во *Мислам на твоето доаѓање.*, *Не го фермам неговото однесување.*, *Знам за твојата победа.*, и сл.?
- има ли конструкции во кои комплементарната реченица е анафоризирана / катафоризирана со *тоа*, *она*..., на пр. *Размислувам за тоа што ќе му кажеме.*, или *Не го разбираам она што се случи.*, и сл.?

2.6. Глагол за изразување емоција како конститутивен член,

- кој од операторите што ја воведува комплементарната реченица како аргумент на предикат на емоција е најфреквентен? Дали е тоа *што* или *дека* или некој друг оператор?

3. Реченици конституирани од предикати од трет ред

3.1. Предикати кои изразуваат асоцијативни релации меѓу настани / состојби...

- како се изразува конјункција контролирана од негација, т.е. кои се еквиваленти на стандардните *ни*, *ниту*...?

-
- кои се сврзничките показатели на конјункција (т.е. еквиваленти на стандардните *и, те, па...*) ?
  - дали се во употреба глаголски ПИ за изразување конјункција како *коезистира, сосуштествува*?
  - има ли конструкции со многукратна конјункција: *и...и...и..., ни...ни...ни...*?
  - кои се сврзничките показатели на адверсативната релација (т.е. еквиваленти на стандардните *а, али, додека, ама, арно ама, но, меѓутоа...*)?
  - кои се сврзничките показатели на алтернатива (т.е. еквиваленти на стандардното *или*)?

3.2. Предикати кои изразуваат темпорални релации меѓу настаните/ / состојбите...

- кои се сврзничките показатели на контакт во време (т.е. еквиваленти на стандардното *кога, додека...*) ?
- кои се сврзничките показатели на контакт и последователност во време (т.е. еквиваленти на стандардните *додека не, дур(и) не...*) ?
- кои се сврзничките показатели на последователност во време (т.е. еквиваленти на стандардните *по, потоа, само што, штом... / пред да...*) ?
- има ли конструкции од типот *Од што беше богат, се стори сиромав...*, и сл.?
- дали постои конструкција од типот *едно доаѓање* во смисла 'само што дојде', и сл.?
- дали се во употреба глаголски ПИ за изразување темпорални релации како *претходи на, следи по...*?

3.3. Предикати кои изразуваат каузални врски меѓу настаните / состојбите...

- кои се сврзничките показатели на релацијата 'причина $\diamond$ последица' (т.е. еквиваленти на стандардните *зашто, бидејќи...*) ?
- дали е во употреба *бидејќи* во својата примарна функција на глаголски прилог?
- како се изразува релацијата 'со оглед на', со *штом, чим, дилми...*?
- кои се сврзничките показатели на релацијата 'концесија' (т.е. еквиваленти на стандардните *иако, макар што, покрај тоа што, и да...*)?
- кои се сврзничките показатели на релацијата 'цел' (т.е. еквиваленти на стандардните *за да..., со цел да...*)?
- дали е во употреба турската заемка *ки* како показател на финална врска?
- кои се сврзничките показатели на релацијата 'услов' (т.е. еквиваленти на стандардните *ако, доколку..., да... / да не...*)?

- дали се во употреба глаголски ПИ за изразување на каузални релации, како *предизвикува, причинува, дозволува, овозможува, спречува, обусловува...*?

4. Од структурата на текстот

- какви изрази се употребуваат за барање потврда: *а? нели?*
- како гласат формите за поздравување (зависно од возраст, пол, социјален статус, конситуација)?
- како гласат формите за отворање и за поддржување на дијалог?
- како гласат инципитите и завршоците на репродуцирани приказни?

Цитирана литература:

Gramatyka 1984 - *Gramatyka współczesnego języka polskiego, SKŁADNIA*, red. Zuzanna Topolivska, autorzy: Maciej Grochowski, Stanisław Karolak, Zuzanna Topolivska, wyd. IJP PAN, PWN, Warszawa 1984.

Видоески 2000 - З.Тополињска, *Синтаксички прашалник* [во] Божидар Видоески, *Прашалник за собирање материјал за македонскиот дијалектен атлас*, изд. ИМЈ, Скопје 2000, сс. 68-78.

Сегашност 2010 - Морфосинтаксички студии I : *Грамматички средства за изразување 'сегашност' во словенските и во балканските јазици*, ИЦАЛ, МАНУ, Скопје, 2010.

Митковска 2011 - Л.Митковска, *Македонските се-конструкции и нивните еквиваленти во англискиот јазик, Когнитивна студија*, "Македонска реч", Скопје, 2011.

Петроска 2008 - Е.Петроска, *Количествените категории во македонскиот: од семантика кон форма*. "Македонска реч", Скопје, 2008.